

ГРЕГУАР ШАМАЮ

ТЕОРИЯ ДРОНА

GRÉGOIRE CHAMAYOU

THÉORIE DU DRONE

LA FABRIQUE ÉDITIONS

ГРЕГУАР ШАМАЮ

ТЕОРИЯ ДРОНА

АД МАРГИНЕМ ПРЕСС

Данное издание осуществлено
в рамках совместной издательской
программы Музея современного
искусства «Гараж»
и ООО «Ад Маргинем Пресс»

GARAGE

AdMarginem

Издание осуществлено в рамках
Программ содействия издательскому
делу при поддержке Французского
института

Cet ouvrage a bénéficié du soutien
des Programmes d'aide à la publication
de l'Institut français

Programme
Apocalypse

Применение военных дронов во время
боевых действий запустило обществен-
ную дискуссию о правовых и этических
вопросах. Американская военная стра-
тегия не обсуждалась так широко
со времен дебатов о ядерной войне.
Можно ли по-прежнему говорить о вой-
не, когда риск не является взаимным
и целые группы людей рассматривают-
ся как потенциальные мишени, перед
тем как стать мишенями легитимными?
На наших глазах трансформируются
законы войны, которые долгое время
определяли военный конфликт как пря-
мое столкновение между солдатами.

УДК 316.42
ББК 60.56
Ш19

Перевод: Евгений Блинов
Дизайн: Кирилл Благодатских,
Анна Наумова

Шамаю, Грегуар
Ш19 Теория дрона / Грегуар
Шамаю. — М. : Ад Маргинем Пресс,
Музей современного искусства
«Гараж», 2020. — 280 с. : ил.

Предприняв все усилия, чтобы найти
и упомянуть правообладателей
фотоматериалов, использованных
в этой книге, автор и издатели прино-
сят извинения за любые упущения или
ошибки, которые будут по возможно-
сти исправлены в следующих
изданиях.

ISBN 978-5-91103-519-8

© La Fabrique Éditions, 2013
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2020
© Фонд развития и поддержки
искусства «АЙРИС» / IRIS Foundation,
2020

СОДЕРЖАНИЕ		IV ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА НА УБИЙСТВО	181
Прелюдия	8	Неделикатные убийцы	182
		Война вне поля боя	187
		License to kill	198
Введение	16		
I ТЕХНИКИ И ТАКТИКИ	26	V ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЛА	206
Методологии враждебного окружения	27	На войне как во время мира	207
Генеалогия Предатора	33	Демократический милитаризм	216
Теоретические принципы охоты на человека	39	Сущность комбатантов	227
Надзирать и уничтожать	47	Фабрика политических автоматов	238
Анализ жизненных форм	58	ЭПИЛОГ	258
Kill box	65	О дистанционной войне	259
Антиповстанческая борьба с воздуха	75	ПОСЛЕСЛОВИЕ	264
Уязвимости	88	Философия дрона: инструкция для сборки <i>Евгений Блинов</i>	265
II ЭТОС И ПСЮХЕ	96		
Дроны и камикадзе	97		
«Пускай умрут другие»	105		
Кризис военного этоса	110		
Психопатология дрона	120		
Убивать на расстоянии	129		
III НЕКРОЭТИКА	155		
Неприкосновенность комбатанта	156		
Гуманное оружие	164		
Уточнения	170		

ПРЕЛЮДИЯ

В ту ночь, незадолго до рассвета, что вскоре поднимется над афганскими горами, они заметили необычное поведение на земле.

«— Ты можешь немного увеличить, типа оценить обстановку?

— Как минимум четверо за пикапом.

— И этот парень, по стрелке на север, по-моему, он что-то прижимает к груди.

— Ага, на уровне груди какое-то холодное пятно.

— Они все время так делают: прячут свое долбаное оружие под одеждой, чтобы мы не могли его положительно идентифицировать».

Пилот и оператор изучают обстановку по монитору. На них униформа цвета хаки с нашивкой на рукаве: сова с распахнутыми крыльями на красном фоне с молниями, сверкающими в когтях. Они восседают рядом в креслах из искусственной кожи, с наушниками на голове. Повсюду светящиеся лампочки. Но место не похоже на обычный кокпит.

Служка проходит за тысячи километров отсюда. Изображения машин, полученные в Афганистане, спутник передает на базу Крич, неподалеку от Индиан-Спрингс в Неваде.

В пятидесятые годы именно здесь проходили американские ядерные испытания. Тогда из Лас-Вегаса можно было увидеть поднимавшийся в небо ядерный гриб. Сегодня автомобилисты, путешествующие по 95-й трассе, регулярно могут наблюдать в небе совсем иные силуэты: продолговатой формы с массивной головой, что-то вроде белого и слепого червя огромных размеров.

База Крич — колыбель флота дронов ВВС США. Военные называют его «охотничьим домом» — «the home of the hunters». Антивоенная организация «Code Pink» описывает ее скорее как место, где царит «недоверие, сумятица и уныние»¹.

Это невероятно нудная работа. Целыми ночами уминать «Доритос» и «Эмэндэкс» перед монитором и постоянно наблюдать за одними и теми же видами пустыни на другом краю света

Прелюдия

в ожидании какого-нибудь происшествия: «месяцы однообразия ради заварушки длиной в несколько миллисекунд»².

Завтра утром другой «экипаж» примет на себя командование аппаратом. Пилот и оператор бортовой аппаратуры обнаружения сядут за руль своих джипов и через сорок пять минут вернуться к жене и детям в тихий одноэтажный пригород Лас-Вегаса.

Пассажиры трех машин, которые несколько часов назад выехали из провинции Дайкунди, не знают, что за ними довольно давно следят десятки объективов. Среди этих невидимых зрителей пилот и «оператор бортовой аппаратуры обнаружения», а также «координатор миссии», «агент безопасности», группа аналитиков, изучающих видео, и один «командующий наземными силами», который в конце должен дать зеленый свет для воздушного удара. Эта сеть различных глаз пребывает в постоянном контакте, они говорят друг с другом, и, как обычно, их беседа от 20 февраля 2010 года записывается.

00:45 по Гринвичу — 5 ч 15 мин. по Афганскому времени.

ПИЛОТ: Это что, долбаная винтовка?

ОПЕРАТОР: Возможно, просто горячее пятно в том месте, где он сидел, не могу сказать точно, но действительно похоже на объект.

ПИЛОТ: Я думал, мы сможем отличить оружие, ну да ладно.

01:05

ОПЕРАТОР: Этот грузовик будет отличной мишенью. Это джип «Шевроле». Chevy Suburban.

ПИЛОТ: Ага.

ОПЕРАТОР: Ага.

01:07

КООРДИНАТОР: Скринер показывает как минимум одного ребенка рядом с джипом.

ОПЕРАТОР: Вот же мать его... где он?

ОПЕРАТОР: Пошли мне этот долбаный снимок, но я не думаю, что в это время тут могут быть дети, они, конечно, психи, но не настолько же.

...

ОПЕРАТОР: Возможно, подросток, я не вижу никаких мелких объектов, они снова собрались в группу.

КООРДИНАТОР: Они сейчас проверяют.

ПИЛОТ: Ага, они проверяют эту хрень. Почему он тогда говорит: «вероятно, ребенок»? Почему они все время должны говорить о долбанных детях, а не о долбаном оружии?

КООРДИНАТОР: Два ребенка за джипом.

01:47

КООРДИНАТОР: Похоже на коврики. Они только что помолились, у них было...

ПИЛОТ: Джек 25, Кирк 97, все правильно посчитали? Или еще нет?

ОПЕРАТОР: Они все молятся и молятся.

01:48

ОПЕРАТОР: Так это и есть их оружие? Молитва?

Нет, я серьезно, они только этим и занимаются.

КООРДИНАТОР: Они явно что-то задумали.

01:50

КООРДИНАТОР: Подросток рядом с джипом.

ОПЕРАТОР: Ну да, подростки, они вполне могут сражаться.

КООРДИНАТОР: Взял оружие — ты комбатант, так это работает.

01:52

ОПЕРАТОР: Один парень до сих пор молится за грузовиком.

ПИЛОТ: Джек 25, Кирк 97, все субъекты заканчивают молитву и собираются около трех машин.

ОПЕРАТОР: О, прекрасная мишень. Я попробую зайти сзади, чтобы сразу в яблочко.

КООРДИНАТОР: О, будет круто.

02:41

ОПЕРАТОР: Шеф, ничего если я быстро отойду в туалет?

ПИЛОТ: Да, конечно, сынок.

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Ну что, мужики, какие планы?

ПИЛОТ: Пока не знаю, надеюсь, нам разрешат разнести грузовик со всей этой братвой.

ОПЕРАТОР: Ага.

(У дрона Predator осталась всего одна ракета — этого недостаточно для поражения трех машин, приказ выдвинуться на атаковую позицию отдается двум вертолетам Kiowa под кодовым именем «Бам 41». План утвержден: первыми открывают огонь вертолеты, а дрон завершает работу, нанося удар ракетой Hellfire по выжившим.)

03:48

КОМАНДИР *(обращаясь к пилоту дрона по поводу вертолетов)*: ... По приказу командира наземных сил мы можем их вызвать, уничтожить цели и использовать ваш Hellfire для контрольного выстрела.

ПИЛОТ: Кирк 97, вас понял, для начала неплохо.

04:01

ОПЕРАТОР: Оператор готов, начинаем вечеринку!

...

ОПЕРАТОР: Знаешь что, мы могли иметь здесь весь флот «Предов»*.

ПИЛОТ: Было бы здорово, чувак.

ПИЛОТ: Смотри, чувак, возможно, нам придется преследовать этих парней, когда они разбегутся во все стороны. Когда будем снижаться, не заикливайся на мне или Ягуаре, следи за кем хочешь. Веди то, во что точно можешь попасть. Я буду с тобой во время удара. Я тебе отчитаюсь по характеристикам цели, устроим брифинг по атаке, как только будем знать, куда стреляем.

04:11

ВЕРТОЛЕТЫ: Кирк 97, это Бам 41, слышу вас отлично.

ПИЛОТ: Ок, Бам 41, это Кирк 97, слышу вас отлично.

* Сокр. «Хищник» (англ.). — Примеч. пер. Здесь и далее звездочками отмечены примечания переводчика.

Я правильно понял, вы преследуете наши три машины, вам их обозначить или вы их видите?

ВЕРТОЛЕТЫ: Для 41-го, они на юг от обозначенной зоны, белый Highlander, за ним два джипа.

ПИЛОТ: Кирк 97, вас понял. Это ваши три машины.

Примерно 21 мужчина боеспособного возраста.

Идентифицированы как минимум три винтовки в группе.

Да, это три ваших цели.

...

ПИЛОТ: Классный выстрел!

ОПЕРАТОР: О, круто!

...

ВЕРТОЛЕТЫ (*неразборчиво*): ...оружие и перехват сигналов для тактического маневра. Стоп. Хм, убедимся, что нам дают зеленый свет на вмешательство.

ПИЛОТ: Ок, есть зеленый свет на вмешательство, тип три.

Я тоже поверну наши ракеты.

04:16

ОПЕРАТОР: Роджер. Да, черт ...понеслась!

(*Вертолеты стреляют по конвою.*)

...

ОПЕРАТОР: Я слежу за другим чуваком. Они его достали?

Ага.

ПИЛОТ: Они накрыли первую и последнюю.

Они еще вернутся.

04:17

КООРДИНАТОР: Хотите перейти на другую частоту?

ПИЛОТ: Я пробовал, никто мне не отвечает.

ОПЕРАТОР: По-моему, они сдаются.

ОПЕРАТОР: Они не бегут.

04:18

ОПЕРАТОР: Что этот чувак там разлегся? Они не бегут.

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Мужики, тут что-то не так.

ОПЕРАТОР: Они просто уходят.

...

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Хотите посмотреть, остался ли кто-то сзади?

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Да... *(Неразборчиво.)*

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Рядом с третьим остовом...

ОПЕРАТОР: Их несколько, два или три.

ОПЕРАТОР: Похоже, они расслабились.

ПИЛОТ: Увеличь для меня тут на секундочку. Третью, вот здесь.

ОПЕРАТОР: Третью?

ПИЛОТ: Ага. Они ее разнесли? Так ведь?

ОПЕРАТОР: Так, так, ага.

ОПЕРАТОР: Нет, не разнесли.

ПИЛОТ: Нет.

ОПЕРАТОР: Нет, они прямо здесь.

ПИЛОТ: Но эта тачка не выглядит целой.

ОПЕРАТОР: Они ее задели. Вы... *(Неразборчиво.)*

Эти чуваки просто... *(Ракета поражает машину в центре.)*

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Ах ты!

ПИЛОТ: Вот же нахрен!

04:22

ОПЕРАТОР: Произведите положительную идентификацию оружия, я ничего не вижу.

ОПЕРАТОР: Я вижу, у того, что справа, что-то блестит.

ОПЕРАТОР: Подтверждаю...

ОПЕРАТОР: Это странно...

ПИЛОТ: Понятия не имею, что они там, черт возьми, делают.

ОПЕРАТОР: Наверное, задаются вопросом, что с ними только что произошло.

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Есть еще один, на экране слева.

ОПЕРАТОР: Ага, я вижу.

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Они одеты в паранджу?

ОПЕРАТОР: Похоже на то.

ПИЛОТ: Но мы их всех идентифицировали как мужчин.

В группе не было женщин.

ОПЕРАТОР: Похоже, один чувак носит украшения,

как девочка, но это не девочка. Не, это не девочка точно, слишком он здоровый для девочки.

04:32

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Один из этих парней сверху начал движение.

ОПЕРАТОР: Ага, вижу. По-моему, я только что видел его движение, но теперь я его не вижу...

Он двигается или у него конвульсии?

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Так, я думаю, он все же двигался. Немного, но...

ОПЕРАТОР: Я не могу следить сразу за двумя.

КООРДИНАТОР: Один из мужиков присел.

ОПЕРАТОР (*обращаясь к человеку на земле*):

С чем ты там играешь?

КООРДИНАТОР: Со своей костью.

04:33

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Вот блин. Ага, я вижу кровь там, рядом с...

КООРДИНАТОР: Ага, я заметил.

04:36

КООРДИНАТОР: Их там двое. Один парень поддерживает другого?

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Похоже на то.

ОПЕРАТОР: Ага, похоже.

КООРДИНАТОР: Первая помощь спешит.

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Я забыл, что делается в таких случаях, когда из раны выпадают кишки.

ОПЕРАТОР: Главное, не запихивать их обратно.

Их нужно обернуть полотенцем. Обычно помогает.

04:38

ПИЛОТ: Вот блин, они хотят сдать, разве нет? Похоже.

ОПЕРАТОР: Ага, я думаю, они сдаются.

04:40

ОПЕРАТОР: Это кто там вообще? Они были в средней машине.

КООРДИНАТОР: Женщины и дети.

ОПЕРАТОР: Это похоже на ребенка.

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Ага, это он поднимает флаг.

04:42

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Я ему скажу, что они пытаются поднять свой...

ОПЕРАТОР: Ага, теперь я бы... я бы в них стрелять не стал.

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Нет³.

1 Nancy Mancias, “Creech Air Force Base: A Place of Disbelief, Confusion and Sadness”, PINKTank, November 30, 2009, codepink.org/blog/2009/11/creech-air-force-base-a-place-of-disbelief-confusion-sadness.

2 См.: Gerald Krueger and Peter Hancock, *Hours of Boredom, Moments of Terror: Temporal Desynchrony in Military and Security Force Operations*. Washington, DC, National Defense University, 2010.

3 Все процитированные переговоры являются официальными стено-

граммами, полученными Дэвидом С. Клаудом, журналистом Los Angeles Times, в соответствии с «Freedom information Act» [Законом о свободе информации (*англ.*) — *Примеч. пер.*]. Здесь приведены только выдержки. Все документы перед обнародованием были подвергнуты цензуре. Полный файл см.: documents.latimes.com/transcript-of-drone-attack (accessed April 25, 2011). Для понимания контекста см. статью Дэвида С. Клауда: “Anatomy of an Afghan War Tragedy”, Los Angeles Times, April 10, 2011.

Официальная лексика американской армии определяет дрон как «наземное, морское или авиационное передвижное устройство, управляемое на расстоянии в автоматическом режиме»⁴. Популяция дронов не ограничивается летающими объектами. Их разновидностей может быть столько же, сколько родов войск: наземные дроны, морские дроны, подводные дроны и даже дроны подземные, которые воображение рисует в виде огромных механических кротов. Всякое передвижное устройство, всякий управляемый механизм можно подвергнуть «дронизации» начиная с того момента, как на его борту больше нет человеческого экипажа.

Дрон можно контролировать или дистанционно при помощи операторов-людей — по принципу дистанционного управления⁵, или автономным способом при помощи роботизированных устройств — по принципу автоматического пилотирования. На практике в дронах сочетаются эти способы управления. Армии пока не располагают вступившими в строй «автономными летальными роботами», даже если, как мы увидим в дальнейшем, существуют достаточно продвинутые проекты подобного рода.

«Дрон» — слово профанного языка. Армейский жаргон прибегает к другой терминологии. Они говорят, скорее, о «воздушном транспортном средстве без экипажа» (Unmanned Aerial Vehicle, UAV) или «боевом воздушном транспортном средстве без экипажа» (Unmanned Combat Air Vehicle), в зависимости от того, оснащен механизм оружием или нет.

Эта книга посвящена боевым летающим дронам, которые в настоящее время используются для нанесения ударов, что регулярно находит отклик в прессе. Дронам, которые называют «охотниками-убийцами». Это история глаза, ставшего оружием: «Мы перешли от использования БПЛА, изначально выполнявших задачи разведки, наблюдения и опознания... к настоящему функционалу “охотника-убийцы” вместе с Reaper», то есть «смерти с косой», — название, добавляет этот генерал ВВС, «хорошо передающее смертоносную сущность этой новой системы вооружений»⁶. Несомненно, лучшее определение этих механизмов,

предназначенных для наблюдения с воздуха и превратившихся в машины для убийства, звучит так: «Летающие портативные камеры высокого разрешения, оснащенные ракетами»⁷.

Офицер ВВС Дэвид Дептула определил их основную стратегическую максиму: «Настоящим преимуществом этих беспилотных летательных аппаратов является то, что они позволяют *проецировать власть, не проецируя уязвимости*»⁸. Выражение «проецировать власть» в данном случае следует понимать как использование военной силы за пределами собственных границ. Это вопрос иностранного военного вторжения, стоящий перед имперской властью: как при помощи силы влиять из центра на остальной мир, который служит его периферией? На протяжении длительного времени в истории военных империй «проецирование власти» было синонимом «отправки войск». Но именно это уравнивание сегодня подлежит пересмотру.

Сохранение при помощи дрона состоит в удалении уязвимого тела, которое помещается вне досягаемости. В нем мы видим исполнение давней мечты, которой вдохновляется история баллистического оружия: увеличить расстояние настолько, чтобы достать противника до того, как он будет в состоянии это сделать в отношении нас⁹. Но особенность дрона заключается в том, что он играет на другом участке пространства. Между гашеткой, на которой лежит палец, и орудием, из которого будет выпущен снаряд, теперь тысячи километров. К расстоянию *досягаемости* — или расстоянию между оружием и мишенью — добавляется *дистанционное управление* — расстояние между оператором и его оружием.

Но «проекция власти» — это также эвфемизм, который означает причинение боли, убийство и разрушение. Прodelывать все это нужно не «проецируя уязвимости», а это подразумевает, что только уязвимость противника будет подвержена опасности вооруженного насилия и превратится в обычную мишень. За этой смягчающей военной риторикой на самом деле скрывается утверждение, которое расшифровывает Элейн Скерри: «Изначальное определение, которое как будто противопоставляет наличие ранений их отсутствию, на самом деле скрывает подмену: заменить двустороннюю возможность наносить ранения на одностороннюю»¹⁰. Развивая и усиливая уже

существующие тенденции, боевой дрон позволяет устранить одно ограничение: для того, кто использует подобное оружие, становится априори невозможно умереть, убивая кого-то. Война, какой бы асимметричной она ни была раньше, становится абсолютно односторонней. То, что ранее казалось войной, превращается в кампанию по истреблению.

Именно США сегодня используют это оружие по его прямому назначению. Поэтому большинство заимствованных мной примеров и фактов относится к этой стране.

Вооруженные силы США располагают к моменту написания этой книги более чем шестью тысячами дронов разных моделей, в том числе ста шестьюдесятью дронами Predator, которые находятся в распоряжении командования ВВС¹¹. Для военных, как и для ЦРУ, использование дронов охотников-убийц стало настолько привычным на протяжении последних десяти лет, что превратилось в рутину. Эти аппараты применяются в зонах военных конфликтов, таких как Афганистан, но также и в странах, которые официально находятся в состоянии мира, таких как Сомали, Йемен и особенно Пакистан, где дроны ЦРУ наносят в среднем один удар в четыре дня¹². Точные цифры установить крайне сложно, но только для этой страны цифра убитых колеблется от 2640 до 3474 человек между 2004 и 2012 годом¹³.

Этот вид оружия развивался невероятно быстро: количество патрулей американскими дронами увеличилось на 1200 % между 2005 и 2011 годом¹⁴. В США сегодня готовят больше пилотов дронов, чем пилотов истребителей и бомбардировщиков вместе взятых¹⁵. Хотя оборонный бюджет в 2013 году уменьшился вследствие сокращений во многих секторах, объем средств, выделенных на создание боевых беспилотных систем, вырос на 30 %¹⁶. Этот стремительный рост является наглядной иллюстрацией стратегического проекта дронизации в средней перспективе большинства подразделений американских вооруженных сил¹⁷.

Дрон стал одним из символов президентства Обамы, инструментом его негласной антитеррористической доктрины — «убивать вместо того, чтобы брать в плен»¹⁸, выборочное убийство при помощи дрона Predator вместо пыток Гуантанамо.

Это оружие и сопутствующая ему политика постоянно обсуждаются в американской прессе. Появились движения активистов, выступающих против дронов¹⁹. ООН открыла расследование практики использования американских боевых дронов²⁰. Если использовать избитое выражение, речь идет о животрепещущем политическом вопросе.

Цель этой книги — сделать дрон предметом философского исследования. В этом отношении я следую напутствию Кангилема: «Философия — разновидность мышления, которому идет на пользу обращение к любому чуждому материалу, и мы охотно согласимся с тем, что всякий подходящий материал является для нее чуждым»²¹.

Если дрон вписывается в эту концепцию, то именно потому, что он является «неопознанным летающим объектом»: как только мы начинаем мыслить в уже устоявшихся категориях, нас внезапно охватывает растерянность, которая тут же распространяется на столь элементарные понятия, как зона или место (как географические или онтологические категории), добродетель и храбрость (как категории этики), войны и конфликты (как категории одновременно стратегические и юридико-политические). Я хочу прежде всего составить отчет об этих кризисах понимания, заново описав те противоречия, которые они выражают. В их основе лежит устранение всякого отношения взаимности, к которому уже давно подбирались, но теперь осуществили самым радикальным образом. Это будет первым или аналитическим измерением этой «теории дрона». Но что, помимо подобной формулы, может включать в себя теория того или иного оружия? В чем может состоять подобный проект?

Моей путеводной нитью будет рассуждение философа Симоны Вейль. «Самым ущербным способом» анализировать феномены вооруженного насилия, предупреждала она еще в тридцатые годы, «будет их рассмотрение с точки зрения преследуемых целей, а не используемых методов»²². Напротив, «материалистический метод состоит прежде всего в анализе любого совершаемого человеком действия, принимая при этом в расчет не столько преследуемые цели, сколько неизбежные последствия использованных средств и само их взаимодействие»²³. Вместо того чтобы второпях искать первые попавшиеся

оправдания, или, иначе говоря, вместо морализаторства, она советовала нечто другое: начать с разбора самого механизма насилия. Осмотреть оружие, изучить его особенности. В некотором смысле стать *техником*. Но только в некотором смысле, потому что предметом исследования в куда большей степени является политическое, а не техническое знание. Важно не столько функционирование средства само по себе, сколько основанное на его особых свойствах понимание того, каким образом оно будет применено для определенного действия, средством которого является. Идея заключается в том, что средства являются обязывающими и каждая разновидность средств связана со взаимодействием определенных обязательств. Они не просто используются для действия, они определяют тот способ действия, который нужно исследовать. Вместо того чтобы спрашивать, оправдывает ли цель средства, стоит задаться вопросом, что именно навязывает определенный выбор средств. Отдать предпочтение анализу вооружений, одновременно техническому и политическому, по сравнению с попытками морального оправдания вооруженного насилия.

Вот в чем может заключаться теория определенного оружия: определить, что подразумевает владение им, попытаться понять, какой эффект оно производит на тех, кто его использует. Как на врага, который является его мишенью, так и на сами отношения между ним и тем, кто это оружие применяет. Поэтому главным вопросом будет следующий: какое воздействие оказывает дрон на саму военную обстановку? Что он привносит в отношении к врагу, а также в отношении государства к своим гражданам? Это разнообразные процессы, которые имеют весьма серьезные последствия. Пока их можно набросать в виде динамических зарисовок, не выдавая за конечный результат. «Показать механизм вооруженного противостояния», то есть провести стратегический анализ «социальных отношений, которые оно вызывает»²⁴, — такова будет *in fine** программа критической теории вооружений.

Но заниматься этим, то есть изучать *отношения обусловленности*, не значит отказываться от анализа *интенциональности*,

* В конце (*лат.*).

то есть попытки описания стратегических проектов, которые определяют выбор определенных техник, и в то же самое время понимания того, как сам выбор предопределяется этими техниками. Вопреки тому, что утверждает упрощенный дуализм, концептуально противопоставляющий техническую обусловленность и стратегическую интенциональность, механизм и целеполагание, они вполне совместимы на практике.

Они могут сочетаться самым гармоничным образом. Самый надежный способ обеспечить постоянство стратегического выбора — высказаться в пользу определенных средств его реализации настолько однозначно, чтобы эти средства стали единственно возможными на практике.

Стоит также отметить, что в пользу общей неопределенности, которая создает ситуацию искусственно вызванного кризиса, говорят окутанные туманом войны большие интеллектуальные маневры на подготовительной стадии и хитросплетения семантических переворотов. Запускается целый комплекс мер по теоретическому мозговому штурму, чтобы получить, вывернув их наизнанку и определив заново, новые концепты, которые позволят определить и осмыслить практику легитимного насилия. Философия более чем когда-либо становится полем битвы. Мы должны принять этот бой. Я вполне осознанно делаю свой тезис полемическим: помимо разбора возможных аналитических подходов, цель этой книги состоит в том, чтобы дать дискурсивные инструменты тем, кто хочет бороться с политикой, средством которой является дрон.

Я начну с простого вопроса: откуда вообще взялся дрон? Какова его техническая и тактическая генеалогия? Исходя из этого — каковы его основные характеристики?

Это оружие развивает и производит радикализацию уже существующих способов дистанционной войны, приводя к тому, что сам бой практически исчезает. А это приводит к глубокому кризису самого понятия войны. Главная проблема в следующем: если «война при помощи дронов» больше не является собственно войной, то какому «режиму насилия»²⁵ она соответствует?

Эта попытка искоренения всякой взаимности в том, что касается риска быть подверженным насилию в ходе конфликта,

изменяет не только материальное обеспечение вооруженного насилия с технической, тактической и психологической точек зрения, но и традиционные принципы военного этиоса, который всегда был официально основан на отваге и духе самопожертвования. Если рассуждать в традиционных категориях, то дрон покажется нам оружием трусов.

Что не мешает его сторонникам провозглашать дрон самым этичным видом оружия из всех когда-либо изобретенных человечеством. Осуществить это нравственное преобразование, эту переоценку ценностей должны философы, работающие в довольно узкой сфере военной этики. Дрон, говорят они, — это *гуманное* оружие по определению. Их дискурсивные практики крайне важны для обеспечения социальной и политической приемлемости этого оружия. В этих дискурсах легитимации определенные «элементы языка» продавцов оружия и официальных спикеров вооруженных сил подвергаются обработке незамысловатой дискурсивной алхимией, которая задает направление этической философии нового типа — «некрэотики», критический разбор которой срочно необходим.

Но наступление разворачивается и в области теории права, в первую очередь именно в ней. «Война без риска», наиболее совершенным орудием которой, вне всякого сомнения, является дрон, вызывает кризис базовых метаюридических принципов права на убийство во время войны. Но фоне этой фундаментальной дестабилизации формируются проекты нового определения суверенного права на жизнь и смерть. Речь идет о создании права на «целевое убийство», которое на практике равнозначно полному пересмотру права военных конфликтов.

Но это еще не все. Изобретя боевой дрон, мы также, практически не догадываясь об этом, совершили другое открытие, а именно разрешили противоречие, которое на протяжении веков было в центре политического суверенитета модерна в его военном измерении. Распространение подобного оружия неизбежно подразумевает изменение условий применения военной силы, а также отношения государства к своим гражданам. Было бы неправильно сводить проблему вооружений исключительно к насилию, обращенному вовне. Что значит для населения стать подвластным Государству-дрону?

4 Department of Defense, Dictionary of Military and Associated Terms, Joint Publication 1-02, August 2011, 109.

5 Начиная с семидесятых годов подобный дрон называется «remotely piloted vehicle» (RPV) — дистанционно пилотируемым устройством.

6 Генерал Т. Майкл Мозли, цитируется по: *Tyler Wall and Torin Monahan*, “Surveillance and Violence from Afar: The Politics of Drones and Liminal Security-scapes”, *Theoretical Criminology* 15, no. 3 (2011): 242.

7 Выражение принадлежит Майку Макконелу, главе американской разведки, цитируется по: *Bob Woodward*, *Obama’s Wars*. New York, Simon & Schuster, 2010, p. 6.

8 Дэвид Дептула в программе CNN “The Use of Drones in Afghanistan”, трансляция от 24 ноября 2009. Позднее в интервью он это повторит: «Подобное дистанционное вмешательство позволит нам оставаться дома, расширив при этом сферу своего влияния на весь земной шар. Другими словами, подобная система позволяет проецировать возможности, не проецируя уязвимости». *Force Intelligence, Surveillance and Reconnaissance: Remarks Given at the Air Force Defense Strategy Seminar, US Air Force Headquarters*, Washington, DC, April 27, 2007.

9 Предназначением подобной техники является создание «не подверженной риску власти» или, скорее, обеспечение для этой власти условий

развертывания, гарантирующего, что уязвимость ее агентов не будет подвержена риску. До того, как оно стало использоваться для описания дрона стратегами ВВС, данное выражение употреблялось в более общем смысле для описания преимуществ «удаленной войны», которая представлялась развитием исторической тенденции приоритета дальнобойного оружия: «Анализ продолжительного тренда, от дубины к копьё, луку и стрелам, катапульте, мушкету, ружью и так далее, свидетельствует о весьма специфической мотивации. Все хотят иметь возможность поразить противника с достаточного расстояния, чтобы самим уклониться от удара. Другими словами, имеется специфическое и вполне рациональное желание проецировать свое влияние достаточно далеко, не проецируя уязвимости в том же диапазоне. Этот продолжительный военный тренд к проецированию удаленного влияния без проецирования уязвимости способствовал развитию аэрокосмического потенциала на основе современных технологий. Прогресс в скорости, дальнобойности, маневренности дополняется значительным увеличением гибкости, продолжительности и информированности, которые позволяют осуществлять широкое использование третьего измерения в военных целях. Все эти возможности воплощены в аэрокосмической мощи». *Charles D. Link*, “Maturing Aerospace Power”,

Air and Space Power Journal, September 4, 2001.

10 *Elaine Scarry*, *The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World*. New York, Oxford University Press, 1985, p. 78.

11 Department of Defense, Report to Congress on Future Unmanned Aircraft Systems, April 2012, www.fas.org/irp/program/collect/uas-future.pdf

12 *Chris Woods*, “Drone Strikes Rise to One Every Four Days”, Bureau of Investigative Journalism, July 18, 2011, www.thebureauinvestigates.com/2011/07/18/us-drone-strikes-rise-from-one-a-year-to-one-every-four-days

13 “Obama 2013 Pakistan Drone Strikes”, Bureau of Investigative Journalism, January 3, 2013, www.thebureauinvestigates.com/2013/01/03/obama-2013-pakistan-drone-strikes

14 “Flight of the Drones: Why the Future of Air Power Belongs to Unmanned Systems”, *The Economist*, October 8, 2011.

15 *Elisabeth Bumiller*, “A Day Job Waiting for a Kill Shot a World Away”, *New York Times*, July 29, 2012. Между 2013 и 2015 годом ВВС США потребуются более двух тысяч пилотов дронов для осуществления вооруженных патрулей по всему миру.

16 *John Moe*, “Drone Program Grows While Military Shrinks”, *Marketplace Tech Report*, January 27, 2012.

17 Стоит отметить, что ближайшей перспективой является не столько

замена обычных машин на дроны, сколько сочетание различных «режимов войны», в которых дроны занимают видное место. Стоит также отметить, что эта тенденция не является необратимой. Будущее не уже присутствует; оно играет роль в настоящем, а это не одно и то же. Что не совсем согласуется с фаталистическим и телеологическим представлением об этом феномене, которое могло бы прийти по душе тому же Питеру Уоррену Сингеру. Так он пишет о технических и бюджетных ограничениях дронов: «История свидетельствует, что они не могут предотвратить наступление будущего. Они могут только отложить момент, когда мы к нему приспособимся». *Peter W. Singer*, “U-turn: Unmanned Systems Could Be Casualties of Budget Pressures”, *Armed Forces Journal*, June 9, 2011. Однако история XX века говорит об обратном: а именно о большем количестве нереализованных проектов.

18 См.: *Jo Becker and Scott Shane*, “Secret ‘Kill List’ Proves a Test of Obama’s Principles and Will”, *New York Times*, May 29, 2012. See also *Steve Coll*, “Kill or Capture”, *New Yorker*, August 2, 2012.

19 См.: *Medea Benjamin*, *Drone Warfare: Killing by Remote Control*, New York, OR Books, 2012.

20 *Ryan Devereaux*, “UN Inquiry into US Drone Strikes Prompts Cautious Optimism”, *The Guardian*, January 24, 2013.

21 *Georges Canguilhem*, *Le Normal et le Pathologique*, PUF, Paris, 1966, p. 7.

22 Simone Weil, *Réflexions sur la guerre*, *Oeuvres*, Gallimard, Paris, 1999, p. 455.

23 Ibid.

24 Ibid.

25 Если использовать концепт Фредерика Гро: *Frédéric Gros*, *Etats de violence. Essai sur la fin de la guerre*, Gallimard, Paris, 2006.

I

ТЕХНИКИ И ТАКТИКИ

МЕТОДОЛОГИИ ВРАЖДЕБНОГО ОКРУЖЕНИЯ

Прогресс медицины — не единственный способ вести войну без потерь.

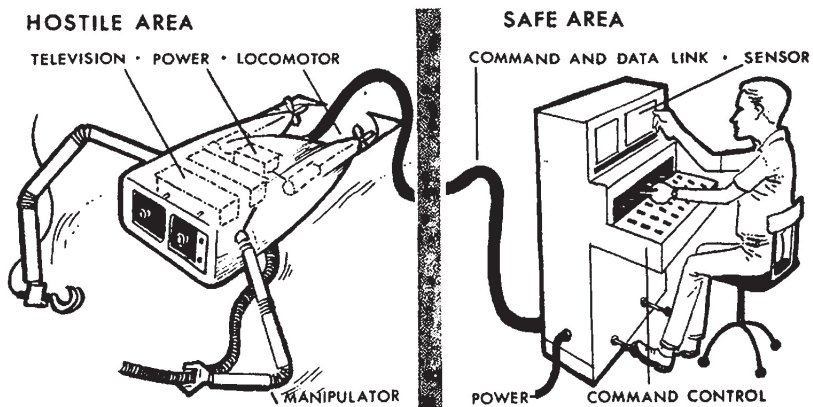
Роберт Л. Форвард. Марсианская радуга²⁶

Каким образом можно безопасно проникнуть в достаточно негостеприимную среду того или иного рода: например, в пораженные радиацией зоны, морские глубины или далекие планеты? В 1964 году инженер Джон В. Кларк в общем виде описал положение дел в области «методологий враждебного окружения»²⁷: «Когда предусмотрены операции в подобной среде, мы имеем выбор между двумя возможностями: послать туда машину или защищенного человека. Но есть и третий путь... использовать передвижное устройство, которое будет действовать во враждебном окружении под дистанционным контролем оператора-человека, находящегося в безопасном окружении»²⁸. Использовать вместо скафандров и автономных машин радиоуправляемые механизмы или то, что Кларк, изобретая неуклюжий неологизм на основе греческих корней, называл *телехирическими* машинами, работающими за счет «технологий дистанционного управления»²⁹.

Телехирический механизм, писал он, «можно рассматривать как *альтер эго* человека, который им управляет». Его сознание переносится в неуязвимый механический организм, благодаря которому он «способен манипулировать инструментами и оборудованием как если бы он держал их в собственных руках»³⁰. Единственное, что не хватает этому второму телу, это живой плоти первого. Но в этом и заключатся его главное преимущество: оно удаляет уязвимое тело из враждебного окружения.

Этот диспозитив подразумевает специфическую топографию, определенный способ мыслить и организовывать пространство, теоретическую схему которого нарисовал Кларк, используя пример батискафа.

Пространство разделено на две части: враждебную и безопасную зоны. Это образ защищенной власти, которая вторгается в сопряженную с риском экстериорность из пространства, превращенного в надежное убежище. Эта власть, которую также можно назвать *телеархической*³¹, подразумевает границу.

Топография телехирического.
Пример батискафа по Д. Кларку (1964)

Но эта граница асимметрична: она должна одновременно блокировать вторжения извне и иметь возможность раскрыться, чтобы оставить свободное поле для механических ложноножек, в задачу которых входит вторжение во враждебное пространство³².

Враждебная зона, в свою очередь, предстает покинутым гладким пространством, которое, разумеется, стоит контролировать как источник возможных угроз или же эксплуатировать как место залегания ресурсов, но не занимать в прямом смысле слова. В него вторгаются, его патрулируют, но при этом не встает вопрос о переселении, если только речь не идет о новых зонах, базах или безопасных платформах, в соответствии с той же топографической схемой.

Поборникам дистанционного управления это изобретение казалось средством облегчить работу в экстремальных условиях. Потому что в век атома и покорения космоса предвидели «возрастающую необходимость выполнения задач во враждебном окружении» и радостно возвещали о том, что «с текущими темпами технологического прогресса больше нет необходимости требовать от людей лично подвергаться физической опасности, чтобы заработать себе на жизнь... нет ни одной опасной задачи, выполняемой сегодня человеком, которая в принципе не могла бы быть выполнена машинами, управляемыми на расстоянии»³³.

Дистанционное управление, этот гуманный инструмент должен был освободить человека от любых опасных занятий. Шахтеры, пожарные, все те, кто имеет дело с атомной энергией, космосом или океаном, должны были превратиться в операторов радиоуправляемых устройств. Жертвовать презренными телами больше не требовалось. Происходило разъединение живого и операционного тела, причем лишь последнее, после его полной механизации, могло быть принесено в жертву и отныне становилось единственным телом, которое подвергалось опасности: «Больше не будет пострадавших. Любое обрушение или взрыв вызовут только одну реакцию: “Как жаль. Мы потеряли шесть роботов”»³⁴.

В этом оптимистическом перечне достижений телехирии Кларк забыл упомянуть об одной вполне очевидной возможности. О чем ему не преминул напомнить один из его читателей: «Телехиристы напряженно рассуждают над проблемами

дистанционно управляемых машин, способных выполнять задачи в мирных целях, которые раньше выполнялись людьми, работающими на жаре, в условиях повышенной радиации или в океанских глубинах. Есть ли у них какой-то список приоритетов? Не должны ли они прежде всего, по соображениям безопасности, заниматься самой опасной в мире профессией, я имею в виду военное дело?.. Почему в XX веке люди должны гибнуть от пуль и осколков, тогда как телехирический солдат мог бы прекрасно делать это вместо них?.. Все конвенциональные войны можно было бы вести в телехирическом режиме, при помощи армий боевых роботов, которые противостояли бы друг другу в битвах, ход которых управлялся бы дистанционно. Победы и поражения считались бы совершенно нейтральными компьютерами-судьями, тогда как люди спокойно оставались бы дома, наблюдая, как на экране проливается отработанное масло вместо их собственной крови»³⁵.

Это была утопия войны, превратившейся в турниры машин — битвы без солдат и конфликты без жертв. Но читатель был явно не дурак и сделал вывод о том, что, к сожалению, куда более вероятен другой сценарий: «Великие завоевания наших империй, совершенные на другом конце света, были возможны потому, что в нашем распоряжении был пулемет “Максим”, против которого у них были только дротики. Мы вспомним о них, наблюдая за этими новыми подвигами, когда не будет литься кровь, по крайней мере, с нашей стороны, потому что у нас будут телехирические войска, тогда как эти несчастные смогут противопоставить им только напалм и горчичный газ»³⁶.

Как только радиоуправляемое устройство становится боевой машиной, именно враг начинает рассматриваться как опасный материал. Его уничтожают на расстоянии, наблюдая за его смертью на экране, находясь в уютном коконе «safe zone»* с кондиционерами. Происходит радикализация асимметричной войны, которая становится односторонней. На ней по-прежнему умирают, но только *с одной стороны*.

* Безопасной зоны (англ.).

26 Robert L. Forward, *Martian Rainbow*, Del Rey, New York, 1991, p. 11.

27 John W. Clark, “Remote Control in Hostile Environments”, *New Scientist* 22, no. 389 (April 1964): 300.

28 *Ibid.* P. 300.

29 *Ibid.* «Телехерический» (от *греч.* tele — «удаленный» и *kheir* — «рука»).

30 *Ibid.* P. 330.

31 Термин «телеархический» был использован Бёрнетом Херши в 1944 году, с его помощью он обозначал «дистанционное и беспроводное управление механизмом»: «Телеархия — дистанционное управление при помощи радио, получило определенную рекламу перед концом войны. Как и прочие устройства, это всего лишь практическое применение новой науки электроники — дитя радио и предка телевидения. Роботы-самолеты, управляемые при помощи телеархического контроля и оснащенные телевизионными камерами, могут быть посланы к вражеским позициям и передавать динамическое изображение». Burnet Hershey, *Skyways of Tomorrow*, New York, Foreign Policy Association, 1944, p. 15–16.

32 На политико-стратегическом уровне использование вооруженных дронов приводит к тому же типу

пространственного разделения между «безопасным» и «враждебным»: принцип зонирования и обеспечения безопасности. Дрон действует одновременно со стеной. Они вполне последовательно взаимодействуют в модели безопасности, которая сочетает в себе домашнее пространство и внешнее вторжение, которое не подразумевает человеческих жертв. Идеал дистанционно управляемой силы прекрасно сочетается с «государством-мыльным-пузырем». О политической философии «стен» см.: Wendy Brown, *Walled States, Walling Sovereignty*, New York, Zone Books, 2010.

33 Clark, “Remote Control in Hostile Environments”, p. 300.

34 Marvin Minsky, “Telepresence”, *Omni*, June 1980, 199.

35 Anonymous, “Last Word on Telechirics”, *New Scientist* 22, no. 391 (May 14, 1964): 405.

36 *Ibid.* В конце текста аллюзия на знаменитую фразу Хилэра Беллока «Whatever happens, we have got the Maxim gun, and they have not» — «На каждый вопрос есть четкий ответ: У нас есть “Максим”, у них его нет». Hilaire Belloc, *The Modern Traveller*, London, Arnold, 1898, p. 41.

Работница Radioplane company (1944)

Человечество нуждалось в нем,
и он тотчас же появился.

Гегель³⁷

Позирующая на этом фото 1944 года девушка с пропеллером в руках тогда еще была известна как Норма Джин Догерти. Ее образ обессмертил фотограф, делавший репортаж для Radioplane Company, основанной в Лос-Анджелесе Реджинальдом Денни, актером немого кино, который стал авиамоделистом. Так была открыта простая работница, которая станет Мэрилин Монро. Дрон был отчасти рожден в Голливуде. И совсем неспроста под знаком лукавой звезды.

Изначально в английском языке этим термином обозначали «шмеля» — одновременно само насекомое и издаваемый им звук. И только в начале Второй мировой войны он стал приобретать иной смысл. Курсанты американских артиллерийских училищ использовали выражение «target drones», «дроны-мишени», для обозначения небольших радиоуправляемых самолетов, в которые они целились на стрельбах. Метафора не относилась исключительно к размеру этих самолетов или жужжанию их двигателя. Шмели являются самцами без жала, которых пчелы в конце концов убивают. Классическая традиция сделала их символом неподлинного, того, чем можно пренебречь³⁸. Потому что именно это представлял собой дрон-мишень: макет, созданный для того, чтобы быть уничтоженным.

Для того чтобы увидеть, как дроны воспарят над полем боя, придется ждать еще долго. Идея, конечно, была далеко не нова: в конце Первой мировой войны уже появились «воздушная торпеда Кёртиса-Сперри» и «жук Кеттеринга». И потом, разумеется, Фау-1 и Фау-2, которыми нацисты бомбили Лондон в 1944-м. Но эти старые летающие торпеды могут считаться скорее предками крылатых ракет, чем современных дронов. Принципиальная разница между ними состоит в следующем: первые служат всего один раз, а второй можно использовать снова³⁹. Дрон является не боеприпасом, а механизмом, оснащенным боеприпасами.

Впервые BBC инвестировала в программу дронов-разведчиков «Lightning Bugs» * фирмы Ryan во время войны во Вьетнаме для отслеживания советских ракет «земля-воздух»⁴⁰. Эти «управляемые передвижные устройства, объясняло тогда американское официальное лицо, позволяют избежать гибели экипажа или его захвата в плен... благодаря им выживаемость больше не является фактором, который следует принимать в расчет»⁴¹.

По окончании войны эти устройства были забыты⁴². В конце семидесятых годов разработки боевых дронов в США были практически приостановлены. Но их продолжал Израиль, которому досталось несколько подобных машин, и он смог по достоинству оценить их тактические преимущества.

В 1973 году Израиль также столкнулся с проблемой ракет «земля-воздух» во время войны с Египтом. Потеряв более тридцати машин в первые часы войны Судного дня, еврейское государство сменило тактику. Было решено отправить группу дронов, чтобы обмануть противоздушную оборону противника, «как только египтяне дали первый залп по дронам, ударные самолеты пошли в атаку, пока противник производил перезарядку»⁴³. Эта хитрость позволила Израилю захватить господство в воздухе. Подобная тактика была вновь применена в войне против Сирии в 1982 году в долине Бекаа. Вначале запустив флотилию дронов «Мастиф» и «Скаут», Израиль отправил свои самолеты, создававшие ложные цели, в направлении радаров противника, которые расстреливали свои ракеты «земля-воздух» вхолостую. Дроны, наблюдавшие за происходящим с воздуха, с легкостью обнаруживали расположение противоздушных батарей и отправляли их координаты ударным самолетам, которые расстреливали их скопом.

«Через два дня после атаки на базу морских пехотинцев в Бейруте в октябре 1983-го американский генерал П. К. Келли предпринял совершенно секретную поездку на место происшествия. Однако по другую сторону границы офицеры израильской разведки могли на экранах своих мониторов в деталях наблюдать кадры его прибытия и самой инспекции. Им даже удалось получить увеличенное изображение и поместить прицел на уровне его головы. Через несколько часов в Тель-Авиве

* Жуки-светлячки (англ.).

израильяне смогли продемонстрировать ошарашенному генералу небольшой фильм. Эти кадры, объяснили они, были переданы дроном “Мастиф”, который тайно патрулировал лагерь с воздуха»⁴⁴. Что стало одним из незначительных на первый взгляд событий, которые привели к перезапуску американской программы дронов в восьмидесятые годы. «Я всего лишь взял дрон для авиамоделизма, — признается отец израильских дронов Эл Эллис, — оснастил его фотоаппаратом и сделал несколько снимков... но это дало начало целой индустрии»⁴⁵.

Но тогда дроны были всего лишь устройствами, предназначенными для «разведки, наблюдения и опознания». Они были всего лишь глазами, а не оружием. Эта метаморфоза произошла практически случайно, где-то между Косово и Афганистаном в начале нового тысячелетия. Начиная с 1995 года, General Atomics разрабатывал новый тип дистанционного управляемого самолета-шпиона — Predator. Несмотря на устрашающее название, которое могло навести на определенные мысли, у этого зверя еще не было ни когтей, ни клюва. Он был использован в Косово в 1999-м для кино съемки и «подсветки» при помощи лазера различных целей, которые подвергались ударам F-16.

«Потребовалась вся внезапность “войны нового типа”, чтобы Predator действительно стал хищником»⁴⁶. Всего за несколько месяцев до 11 сентября 2001 года офицеры, наблюдавшие за ним в Косово, высказали идею оснастить его экспериментальной противотанковой ракетой: «16 февраля 2001 года, во время испытаний на базе ВВС в Неллис, *Predator* смог поразить цель с помощью ракеты Hellfire AGM-114C. Predator стал хищником. Но никто тогда не мог представить, что еще до конца года он станет охотиться за живыми мишенями в Афганистане»⁴⁷.

Всего через два месяца после начала боевых действий Джордж Буш смог заявить: «Война в Афганистане позволила нам понять, в чем состоит будущее нашей армии, куда лучше, чем десятилетие конференций с участием всевозможных *think tanks*. Predator — отличный тому пример... Теперь ясно, что армия пока не располагает достаточным количеством беспилотных передвижных устройств»⁴⁸.

37 Гегель, Г. Ф. В. Лекции по философии истории / пер. с нем.

А. М. Водена. СПб.: Наука, 1993. С. 412.

38 «У шмелей нет жала.

Они подобны несовершенным пчелам:

это последнее поколение,

как бы побочный продукт, который

просто доживает свой век». Pline,

Histoire naturelle, tome IV, Paris,

Desaint, 1772, p. 237.

39 Возможность вернуться на базу

является основным отличием между

вооруженными дронами и крылатыми

ракетами: «Хотя крылатые ракеты

являются ближайшими предшествен-

никами БПЛА, они все же отличаются,

поскольку предназначены

для одноразового использования,

тогда как дроны — для многора-

зового... Возможность вернуться

на базу после завершения миссии

и приступить к ее выполнению сно-

ва — важнейшее отличие между

БПЛА и крылатыми ракетами»,

поскольку последние «не возвращают-

ся на базу, когда она выполнена».

Richard M. Clark, “Uninhabited Combat

Aerial Vehicles: Airpower by the People,

for the People, but Not with the People”,

thesis, School of Advanced Airpower

Studies, Maxwell Airforce Base, June

1999, 4–5.

40 См.: Steven Zaloga, Unmanned

Aerial Vehicles: Robotic Air Warfare

1917–2007, Westminster, MD, Osprey

Publishing, 2008, p. 14; Jacob Van

Staaveren, Gradual Failure: The Air War

over North Vietnam 1965–1966,

Washington, DC, Air Force History and Museums Program, 2002, p. 114.

41 John L. McLucas, Reflections of a Technocrat: Managing Defense, Air, and Space Programs During the Cold War, Maxwell Air Force Base, Air University Press, 2006, p. 139.

Дрон рассматривался как low cost

оружие по определению, в соответ-

ствии с двойной логикой экономии,

которая соответствует «ценности

человеческой жизни и сумме оконча-

тельных расходов». Astronautics and

Aeronautics 8, no. 11 [1970]: 43. Прес-

са, подхватив эти аргументы, рассма-

тривала проекты вооруженных дронов

как решение политических противоре-

чий вьетнамской войны: «Интенсив-

ные бомбардировки Северного Вьет-

нама с начала войны привели к потере

1600 американских военнослужащих,

многие из которых считаются пленни-

ками, удерживаемыми на территории

Индокитая. Если в бомбардировщиках

не будет пилотов, это устраним серьез-

ное препятствие, стоящее перед адми-

нистрацией Никсона, которая заявила

о намерении поддерживать американ-

ское господство в воздухе в Юго-

Восточной Азии. Robert Barkan, “The

Robot Air Force Is About to Take Off”,

New Scientist, August 10, 1972, 282.

42 Как только война была окончена,

от этой модели отказались в пользу

традиционных боевых самолетов, хотя

дроны уже были теоретически обосно-

ваны и протестированы. Стоит также

отметить израильские испытания

дрона Firebee с ракетами Maverick.
См.: David C. Hataway, “Germinating
a New SEAD”, thesis, School
of Advanced Airpower Studies, Air
University, Maxwell Air Force Base,
June 2001, p. 15.

43 Ibid.

44 Jim Scheffer, “Stealthy Robot
Planes”, Popular Science, October
1987, p. 66.

45 Ibid. P. 68

46 Bill Yenne, Attack of the Drones:
A History of Unmanned Aerial Combat,
St. Paul, Zenith Press, 2004, p. 85.

47 Ibid.

48 “President George W. Bush
Addresses the Corps of Cadets”, The
Citadel, Charleston, SC, December 12,
2001, www.citadel.edu/root/pres_bush01

Дрон Predator, выпускающий ракету Hellfire

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОХОТЫ НА ЧЕЛОВЕКА

Приглашаем на работу:

Аналитика для программы охоты на человека в ходе спецопераций. Описание вакансии: участие в разработке инновационной учебной программы для операторов охоты на человека. Требования: диплом бакалавра по специальности. Получение доступа «секретности» и подготовка к прохождению экзамена для получения доступа «особой секретности».

Объявление о приеме на работу,
размещенное военным подрядчиком SAIC
в 2006 году

В 2004 году Джон Локвуд открыл интернет-сайт Live-shoot.com. Идея была одновременно простой и новаторской: заплатив несколько долларов за регистрацию, пользователь мог стать «виртуальным охотником». Благодаря камере, закрепленной на передвижном огнестрельном оружии, подключенном к пульту дистанционного управления, он мог, не выходя из дома, убивать настоящих животных, которых специально для этого держали связанными на одном тexasском ранчо.

Как только об идее стало известно, мобилизация была всеобщей. Главный редактор журнала Outdoor Life, указывая на фундаментальные «этические проблемы», которые, с его точки зрения, поднимала подобная затея, предложил прекрасное определение охоты: «Для меня это не просто спустить курок, целясь в животное. Это всеобъемлющий опыт... сам факт нахождения там, на свежем воздухе, — не просто жать на спусковой крючок, кликая мышкой»⁴⁹. Этому определению вторил депутат от Висконсина, представивший, как ни странно, точку зрения довольно специфического энвайронментализма: «Для меня охотиться — значит быть на свежем воздухе... стать с природой единым целым»⁵⁰. Даже крайне консервативная NRA *, вопреки обычаю, выступила против нововведения

* National Rifle Association — Национальная стрелковая ассоциация (англ.).

единым фронтом с ASPCA *: «Мы считаем, что охота должна происходить на природе и что нахождение за компьютером в другом штате не соответствует представлениям о том, что значит охотиться»⁵¹. Один полицейский из Хьюстона оказался еще более категоричен: «Это не охота, это — убийство. Кто-то сидит перед компьютером, а затем какое-то животное погибает совершенно бессмысленно»⁵².

Локвуд изображал праведное негодование, сетуя, что его первейшим намерением было позволить инвалидам, увлеченным охотой, предаться своему любимому занятию. А также приводил свидетельство американского солдата в Ираке, благодарившего его за предоставленную возможность сходить на охоту и доверительно сообщавшего о том, что он не знает, «когда сможет пойти на охоту снова». Но ничего не помогло. Охотна онлайн была запрещена. Раздосадованный Локвуд попробовал сменить род деятельности, предлагая своим клиентам стрелять в картонные мишени с портретом Усамы бен Ладена, но пользователи перешли к другим, куда более увлекательным сетевым забавам. Поэтому скромный, но столь многообещающий стартап прогорел.

В этой избирательности побудительных причин праведного гнева немало странного. Тогда как виртуальная охота на животных спровоцировала более-менее всеобщий скандал, управляемая дистанционно охота на человека могла спокойно набирать обороты в то же самое время и в похожих формах, при этом никто из участников упомянутой дискуссии не выдвинул против нее никаких возражений.

Вскоре после 11 сентября Джордж Буш предупреждал: США запустят новую военную программу «войны, которая потребует от нас охоты на человека по всему миру»⁵³. То, что в начале казалось броским лозунгом техасского ковбоя, со временем превратилось в государственную доктрину, со своими экспертами, планами и вооружением. В течение каких-то десяти лет

* American Society for the Prevention of Cruelty to Animals (*англ.*) — Американское общество по предотвращению жестокого обращения с животными.

сформировалась неконвенциональная разновидность государственного насилия, сочетающая в себе отдельные черты войны и полицейской операции, не являясь в точности ни одной из них и обретая свое концептуальное и практическое единство в виде милитаризированной охоты на человека.

В 2001-м Дональд Рамсфельд окончательно убедился, что «технологии, которые применяют израильтяне в борьбе с палестинцами, могут быть запросто использованы в большем масштабе»⁵⁴. Он думал прежде всего о программе «целевых убийств», существование которой было официально признано государством Израиль. Оккупированные территории, как объясняет Эяль Вайцман, стали «самой большой в мире лабораторией авиационных “танатотактик”»⁵⁵, поэтому совершенно неудивительно, что они были кем-то позаимствованы.

Оставалась всего одна проблема: «Каким образом реорганизовать Министерство обороны, чтобы приспособить его для охоты на человека? Совершенно очевидно, признавался Рамсфельд в 2002 году, в настоящий момент мы для этого недостаточно организованы»⁵⁶. В начале двухтысячных годов американская военная машина еще не была готова надежно обеспечить в международном масштабе миссии, которые на национальном уровне обычно выполнялись полицией: идентификацию, слежку, обнаружение и поимку. Но на деле — физическое уничтожение подозреваемых лиц.

Внутри же министерств высокие чины, которым была поручена разработка новых направлений, не испытывали по этому поводу особого энтузиазма: «Многие, как в свое время отмечал Сеймур Херш, опасались, что подобная операция, которую один из советников Пентагона назвал “превентивной охотой на человека”, превратится в новую “программу Феникс”», по образцу недоброй памяти секретной программы убийств и пыток, запущенной в свое время во Вьетнаме⁵⁷.

Сложность возникла и в других областях, как на уровне юридического обоснования гибридных операций, этих анфан террибль армии и полиции, войны и охоты, которые представлялись концептуальными монстрами как с точки зрения международного права, так и с точки зрения теории войны. Но к этому мы еще вернемся.

Как бы то ни было, требовалось разработать и внедрить новую стратегическую доктрину. Исследователи работали над составлением «теоретических принципов охоты на человека», которые должны были составить теоретическую рамку подобных операций⁵⁸. Джордж Э. Кроуфорд вкратце изложил ее в раппорте, опубликованном в 2009 году Объединенным университетом специальных операций. Этот текст, предлагавший «превратить охоту на человека в один из базовых принципов американской стратегии»⁵⁹, призывал к созданию «национального агентства по охоте на людей»⁶⁰ в качестве незаменимого инструмента для «создания сил будущего для охоты на человека»⁶¹.

Современная доктрина охотничьей войны порывает с общепринятой моделью военных действий, которая строится на изучении фронтов, боев в линейных порядках и прямых столкновений. В 1916 году генерал Першинг начал массированное военное наступление в Мексике с целью поимки революционера Панчо Вильи. Это применение сил закончилось полным провалом. Для американских военных стратегов, которые используют этот исторический прецедент в качестве негативного примера, речь идет прежде всего о том, чтобы перевернуть полюса: сталкиваясь с асимметричными угрозами, исходящими от небольших мобильных групп «негосударственных субъектов», использовать небольшие мобильные соединения людей или, что предпочтительнее, дистанционно управляемых устройств, следуя логике целевых атак.

Опровергая классическое определение Клаузевица, эта война больше не мыслится как дуэль по своей сути. Ее парадигма больше не предполагает двух противников, которые сталкиваются лицом к лицу. Речь идет совсем о другом, а именно о крадущемся охотнике и скрывающейся добыче. Правила игры меняются: «В противостоянии двух сошедшихся в схватке противников цель состоит в победе одного и поражении другого — они оба должны сойтись лицом к лицу, чтобы победить. Сценарий охоты на человека принципиально отличен, так как отлична [sic! — *Прим. пер.*] стратегия каждого из игроков. Беглец старается избежать захвата, тогда как его преследователь стремится настичь и схватить свою добычу — охотнику для победы требуется *конфронтация*, а беглецу для победы необходимо *скрыться*»⁶².

Отношение враждебности, как в игре в прятки, сводится к «соревнованию тех, кто прячется, и тех, кто ищет»⁶³.

Первой задачей является не обездвиживание противника, а его локализация и идентификация. Что подразумевает весь комплекс мер по обнаружению. Современное искусство слежки основано на использовании новых технологий, сочетающих видеонаблюдение с воздуха, перехват сигналов и отслеживание нанесенных на карту траекторий. Те, кто сегодня занимаются ремеслом охоты на людей, выработали свой собственный технократический жаргон: «Топография соединений является расширением общей практики анализа соцсетей для составления особо ценных индивидуальных досье... Топографические карты соединений отслеживают социальные “форумы или среды, которые соединяют индивидов друг с другом”»⁶⁴.

В подобной модели враждебное лицо больше не рассматривается как звено в системе командной иерархии: это узел, или node, включенный в социальные сети. В соответствии с концепцией сетевой войны (Network Centric Warfare, NCW) или операций, направленных на достижение эффектов (Effects Based Operations, EBO), утверждается, что, эффективно определяя в качестве целей ключевые nodes сетей противника, его можно совершенно дезорганизовать вплоть до полного уничтожения. Разработчики этой методологии утверждают, что «таргетинг единственного ключевого node... имеет вторичные, третичные, а также эффекты в n степени и что подобные эффекты могут быть точно просчитаны»⁶⁵. Именно к этому притязанию на точный расчет апеллирует политика профилактической элиминации, излюбленным инструментом которой становятся дроны из серии охотников-убийц. Потому что стратегия охоты на человека по сути своей является *превентивной*. Речь идет не столько о том, чтобы ответить на конкретные атаки, сколько о том, чтобы предупредить реализацию возникающих угроз путем заблаговременного уничтожения их потенциальных носителей: «обнаружить, сдержать, разрушить, изолировать сети до того, как они могут нанести вред»⁶⁶. Вне всякой зависимости от непосредственной угрозы⁶⁷.

Рациональность политики, которая лежит в основе подобной практики, относится к категории *социальной защиты*

с ее классическим инструментом в виде *меры предосторожности*, «направленной не на наказание, а на ограждение общества от опасности, которой оно подвергается из-за присутствия в нем опасных существ»⁶⁸. В рамках логики секуризации, основанной на превентивном уничтожении опасных индивидов, «война» принимает форму широких кампаний по внесудебному уничтожению. Predator или Reaper* — хищные птицы и ангелы смерти — им дали весьма подходящие имена.

49 Todd Smith, “Cyber-Hunting”, *Outdoor Life*, September 2007, www.outdoorlife.com/articles/hunting/2007/09/cyber-hunting

50 См.: Mark Matthews, “State Lawmakers Bag Online Hunting”, *Slate*, September 28, 2005.

51 См.: Kris Axtman, “Hunting by Remote Control Draws Fire from All Quarters”, *Christian Science Monitor*, April 5, 2005.

52 Ibid.

53 “President Speaks at FBI on New Terrorist Threat Integration Center”, February 14, 2003, fas.org/irp/news/2003/02/wh021403b.html

54 Eyal Weizman, “Thanatotactics”, *Springerin*, June 4, 2006 (вариант главы “Targeted Assassinations: The Airborne Occupation”, в: *Hollow Land: Israel’s Architecture of Occupation*, [London: Verso, 2007], p. 239–58), www.springerin.at/dyn/heft.php?id=49&pos=1&textid=1861&lang=en. Об израильской стратегии целевых убийств и ее побочных эффектах см. также: Ariel Colonomos, «Les assassins ciblés: la chasse à l’homme» в: *Le Pari de la guerre-guerre reventive, guerre juste?*, Paris, Denoël, 2009, p. 202–40.

55 Weizman, “Thanatotactics”.

56 Rowan Scarborough, *Rumsfeld’s War: The Untold Story of America’s*

* Могильщик (англ.).

Antiterrorist Commander, Washington, Regnery, 2004, p. 20.

57 Seymour Hersh, "Manhunt", New Yorker, December 23, 2002.

58 См.: Steven Marks, Thomas Meer, and Matthew Nilson, "Man-hunting: A Methodology for Finding Persons of National Interest", thesis, Naval Postgraduate School, Monterey, June 2005, 19.

59 Kenneth H. Poole, "Foreword", в: George A. Crawford, *Manhunting: Counter-Network Organization for Irregular Warfare*, Joint Special Operations University Report, September 2009, vii.

60 Crawford, *Manhunting*, p. 7.

61 Ibid. P. 19.

62 Ibid. P. 13.

63 Ibid.

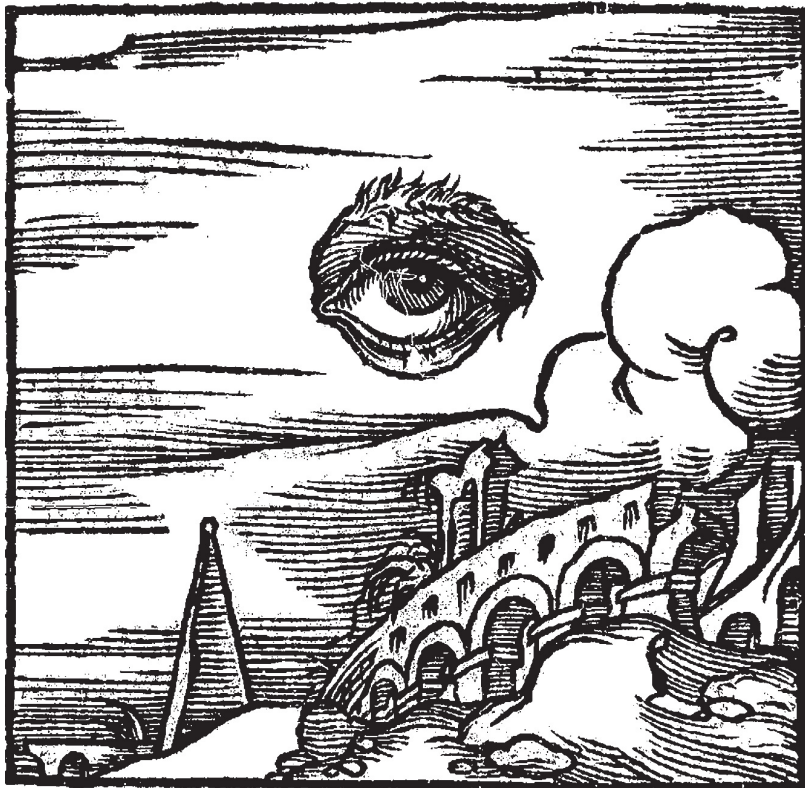
64 John R. Dodson, "Man-hunting, Nexus Topography, Dark Networks and Small Worlds", *Iosphere*, 2006, 8.

65 См.: Sarah Kreps and John Kaag, "The Use of Unmanned Aerial Vehicles in Contemporary Conflict's Legal and Ethical Analysis", *Polity*, no. 44 (April 2012): 282.

66 Crawford, *Manhunting*, 12.

67 «Охота на человека, говорят нам ее теоретики, имеет применение и значимость далеко за пределами неотложных потребностей борьбы с терроризмом. Способность закрывать индивидуальные человеческие мишени или дезинтегрировать человеческие сети является ключом к отражению угроз, которые создают негосударственные акторы... или корпорации с враждебными по отношению к США намерениями». Ibid. P. 12. С таким определением их список рискует оказаться весьма обширным.

68 Jean André Roux, *La Défense contre le crime: répression et prevention*, Paris, Alcan, 1922, p. 196.

НАДЗИРАТЬ И УНИЧТОЖАТЬ

Это что-то вроде Бога над вашей головой.
А его карающая молния низвергается
в виде ракеты Hellfire.

Полковник Теодор Осовски ⁷⁰

Взор бога я искал, но видел лишь глазницу,
Пустую, черную, откуда ночь струится
На мироздание, и даль темным-темна.

Жерар де Нерваль ⁷¹

Божественное око охватывает взором целый мир. Его взгляд куда пронизательнее обычного: под кожей феноменов он может видеть почки и сердца. Ничто от него не сокрыто. Оно есть вечность и потому охватывает все времена, прошлое и будущее. И его знание — это не просто знание. Всезнанию свойственно всемогущество.

Во многих отношениях дрон с помощью технологий стремится стать своеобразным воплощением фантазии о божественном оке. Как пишет один военный: «Используя всевидящее око, вы можете узнать, что важно в их сети, где они живут, кто их поддерживает, с кем они дружат» ⁷². А потом остается лишь подождать, «когда эти люди выйдут на определенной участок какой-нибудь удаленной дороги, чтобы уничтожить их при помощи ракеты Hellfire» ⁷³.

Сторонники дронов особенно на этом настаивают: эти механизмы «произвели революцию в том, что касается наших возможностей постоянно следить за противником» ⁷⁴. В этом состоит его неоценимый вклад: революция взгляда. Но в чем именно? Мы можем выделить несколько наиболее важных аспектов этих инноваций.

1. Принцип постоянного взгляда или неусыпного наблюдения.
Освободившись от ограничений, которые накладывало на использование самолета тело пилота, дрон может оставаться в воздухе длительное время. Его взгляд может оставаться

постоянным целые сутки напролет, так как у механического взгляда отсутствуют веки. Пока устройство осуществляет патрулирование, операторы на земле работают в три смены у экрана. Делокализация экипажа и помещение его вне кокпита делают возможной глубокую реорганизацию работы. В действительности именно это, наравне с технологическими деяниями машины, позволяет осуществить социализированную демумльтипликацию человеческих век или «круглосуточную геопространственную вахту»⁷⁵ коллективного взгляда.

2. *Принцип тотализации перспектив или синоптический взгляд.* Второй основополагающий принцип присоединяет к постоянству взгляда его тотальность. Это наблюдение за обширным пространством (wide area surveillance). Видеть все и постоянно. Расширенное поле зрения в ближайшее время будет доверено революционным оптическим устройствам, которые пока находятся на стадии разработки. Оснащенные подобными системами «синоптического изображения», дроны будут располагать не одной, а множеством микрокамер с высоким разрешением, наподобие фасеточных глаз мухи. Программное обеспечение будет в реальном времени соединять в единое целое эти картинки с произвольной детализацией. Будет получен аналог спутниковых снимков высокого разрешения в масштабе города или целого региона, но передаваемый в реальном времени в видеорежиме. В любой момент та или иная команда операторов сможет получить крупный план определенного квартала или индивида в желаемом качестве⁷⁶. Оснащенный подобной системой, единственный находящийся в воздухе аппарат будет обладать возможностями, сопоставимыми с целой сетью камер видеонаблюдения, разбросанных по всему городу. Дрон станет «все-видящим».

Хотя на практике до всего этого еще очень далеко. Один военный рапорт оценивает существующий механизм как непригодный для использования, указывая на существенные изъяны, связанные с его локализацией: он не эффективен и не адаптирован, не обладает достаточным разрешением, особенно для того, чтобы продуктивно следить за определенными лицами⁷⁷. Но для меня сейчас важно прояснить базовые принципы подобного типа рациональности, не оценивая их эффективность на данный момент.

3. *Принцип тотального архивирования или съемки каждой жизни.* Оптический надзор не ограничивается слежкой в реальном времени. Он дублируется важнейшей функцией *записи и архивирования*. «Идея, которая стоит за осуществлением постоянного надзора, заключается в съемке фильма о целом городе, чтобы затем иметь возможность отслеживать перемещения всех транспортных средств и всех лиц, которые в них находятся»⁷⁸. Как только будет снят этот фильм о каждой жизни и каждой вещи, к нему можно будет бесконечно возвращаться, всякий раз концентрируя свое внимание на разных персонажах, беря его в фокус, чтобы история соответствовала его масштабу. Можно выбрать отдельные фрагменты, вернуться назад, проиграть сцену заново или промотать ее. Перемещаться как душе угодно не только в пространстве, но и во времени. Как только происходит некоторое событие, можно будет отследить его развитие: «Если за всем городом можно следить одновременно, то можно будет отследить маршрут попавших в фокус машин с самого начала»⁷⁹. Тотальный архив в предварительном режиме обеспечит ретроспективную трассируемость всех маршрутов и возможных вариантов развития событий.

Однако это потребует объемов хранилищ, возможностей индексации и анализа, которыми существующие системы не располагают⁸⁰. Пресса сообщает, что только в течение 2009 года американские дроны сгенерировали объем данных, эквивалентный двадцати четырем годам видеосъемки⁸¹. И что новая система ARGUS-IS позволит «генерировать многие терабайты данных в минуту, или в сотни раз больше, чем датчики предыдущего поколения»⁸². Но в этом и заключается ставшая хронической проблема «data overload» — переизбыток или настоящей лавины данных. В конечном счете это приводит к тому, что подобную информацию невозможно использовать.

Чтобы найти решение проблемы, Пентагон отправился на стадион. Американский футбол, телеспектакль по определению, является областью наиболее продвинутых инноваций в области видеосъемки. Во время любого матча десятки камер снимают игроков со всех возможных позиций. Каждый фрагмент немедленно индексируется в базе данных. Благодаря мощному программному обеспечению режиссер может проиграть

на экране любое действие в момент, когда на экране появляется статистика. Как объясняет Ларри Джеймс, возглавляющий отдел «разведки, надзора и опознания» ВВС «в области сбора и анализа данных, спортивные каналы намного опережают военных»⁸³. Американская армия, направив своих представителей в ESPN, решила заполучить модифицированную версию программного обеспечения, которым пользуется телеканал⁸⁴. В конечном счете проблема все та же: «Те, кто занимается трансляцией спортивных программ, желают получить и каталогизировать видео, связанные с конкретным игроком или с победным голом, армия хочет располагать теми же данными, связанными с повстанцами»⁸⁵. Война будущего, как давным-давно предупреждал Вальтер Беньямин, явит «свой новый облик, когда военные категории безвозвратно уступят место спортивным, а все сражения утратят свою изначальную военную сущность и приобретут соревновательный дух»⁸⁶.

На следующем технологическом этапе будет осуществляться автоматическая индексация изображений. Вместо того чтобы вручную расставлять теги или вводить метаданные, эту однообразную работу можно будет поручить машине. Но для этого потребуется программное обеспечение, которое может описывать вещи и действия, то есть автоматически превращать некую совокупность пикселей в имена, глаголы и предложения. Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США финансирует разработки в этом направлении, призванные создать «когнитивные интегрированные системы автоматизированного видеонаблюдения» при содействии ученых, работающих в области когнитивных наук⁸⁷.

Можно себе представить, что через какое-то время появятся машины-переписчики, летающие роботы — судебные секретари, которые в реальном времени будут заносить в протокол самое ничтожное действие, происходящее в нашем брэнном мире. Как если бы параллельно в человеческой жизни присутствовали камеры, фиксирующие движущиеся изображения и тут же составляющие промежуточный отчет. Но строки этого текста, подробнейшая хроника любого факта или жеста в то же самое время превратятся в нечто иное: в гигантский индекс, компьютеризированный каталог огромной видеотеки,

где всякая жизнь станет ретроспективно «доступна для поиска», за счет всех сцен, зафиксированных камерой.

4. *Принцип слияния данных.* У дронов есть не только глаза, но и уши: «Дроны Predator и Reaper могут перехватывать электронные сигналы, исходящие от радио, сотовых телефонов или других средств связи»⁸⁸. Они предназначены для того, чтобы в целях архивирования и комбинирования соединить друг с другом в рамках единого item * различные информационные аспекты одного и того же события. Например, ассоциировать такой-то телефонный звонок с тем-то видеофрагментом и такими-то данными GPS. Это принцип «слияния данных» (data fusion)⁸⁹.

5. *Принцип схематизации жизненных форм.* Эта способность «визуализации данных из источников, сочетающих “кто”, “где” и “когда” в трехмерном плане, отмечает Дерек Грегори, напоминает хроногеографические диаграммы, разработанные шведским географом Торстеном Хагерстрандом в шестидесятые годы»⁹⁰. Это весьма инновационное направление гуманитарной географии предполагает составление карт нового типа, пространственно-временных граф, которые позволят отслеживать жизненные пути в трех измерениях со всеми их циклами, маршрутами, а также инцидентами и отклонениями. Предполагаемая радикальное изменение правил игры, этот проект жизненных картографий является одним из основных эпистимических принципов вооруженного надзора. Его целью является возможность «следить за различными индивидами в различных социальных сетях, чтобы разработать что-то вроде “жизненной схемы” (“pattern of life”) в соответствии с парадигмой “разведанные на основании активности”, которая сегодня является основой антиповстанческой доктрины»⁹¹.

Вопреки тому, что можно было бы подумать, основной целью подобных диспозитивов постоянного наблюдения является не преследование уже известных лиц, а выявление подозрительных элементов, которые обнаруживают себя через аномическое поведение. Поскольку это метод разведки «на основании активности», то есть скорее анализ поведения, чем формальное установление личностей, он парадоксальным образом претендует

* Item (англ.) — отдельный предмет.

на «идентификацию» лиц, которые остаются анонимными, то есть чтобы определять их через типичные черты поведения, соответствующие определенному образцу: скорее общая, а не индивидуальная идентификация⁹².

б. Принцип обнаружения аномалий и превентивной антиципации. Производится сканирование изображений с целью выделения в гуще событий чего-то значимого для взгляда, отвечающего за безопасность. Оно обнаруживает себя через аномию и нерегулярность. Всякое поведение, нарушающее привычную рутину, может представлять угрозу. «Сегодня, говорит аналитик ВВС, рассмотрение полученных дронами изображений — это нечто среднее между полицейской работой и социальными науками. Фокус направлен на понимание “форм жизни” и отклонение от этих норм. Например, если обычно многолюдная точка внезапно пустеет, то значит, местному населению известно, что некто установил там бомбу. Сегодня мы должны взяться за исследования культуры, наблюдать за жизнью людей»⁹³. Главным в этом задании, подытоживает Грегори, является «разделение на “нормальную” и “аномальную” активность в процессе своеобразного вооруженного ритм-анализа, который становится все более автоматизированным»⁹⁴.

Автоматическое обнаружение аномального поведения дополняется предсказанием его возможных последствий⁹⁵. Как только установлены типичные черты поведения в определенной ситуации, аналитики пытаются сделать возможные выводы, выстраивая линии, будущие траектории и способы вмешательства для их предотвращения. Это функция «быстрого ответа» данного диспозитива: «автоматическое распознавание определенных сценариев может служить ранним предупреждением об угрозе»⁹⁶. Предвидение будущего основано на знании о прошлом: архивы жизней, фиксирующие регулярные события и предсказывающие их повторяемость, составляют ту базу, на основании которой можно одновременно предвидеть будущее и изменить его ход посредством авторизованного вмешательства. Эти намерения, разумеется, опираются на крайне неустойчивые эпистемологические основания, что совершенно не мешает им быть крайне опасными.

И здесь названия подобных диспозитивов говорят сами за себя: «Argus»⁹⁷ и «Gorgon Stare»⁹⁸ — взгляд Горгоны. В греческой мифологии Аргуса, стоглазого персонажа, называли Panoptes — «тот, кто видит все». Паноптизм Бентама, который анализировал Фуко, сначала проявляется в архитектуре. Развивая эту схему, стены городов в последние десятилетия испещрены камерами видеонаблюдения. Наблюдение при помощи дрона более экономично: оно не требует ни преобразования пространства, ни навешивания устройств на то, что уже было построено. Ему достаточно воздуха и неба. Как в фильме «Eyeborgs»⁹⁹, камеры отделяются от стен, одновременно с этим получая крылья и оружие. Мы вступаем в эпоху вооруженных и летающих паноптических устройств. Что касается взгляда Горгоны, то она обращает в камень того, кто имел несчастье с ним пересечься. Это взгляд, который убивает. Больше не «надзирать и наказывать», а *надзирать и уничтожать*.

* * *

Дэвид Род, журналист The New York Times, похищенный в 2008 году и содержавшийся на протяжении семи месяцев в Вазиристане, был одним из первых жителей Запада, описавших эффект, производимый этим постоянным смертельным надзором на население, которое ему подвергается. Называя его «адам на земле», он добавляет: «Дроны были ужасны. С земли невозможно определить, что или кого они выслеживают, описывая круги над вашей головой. Отдаленный гул моторов звучит как постоянное напоминание о неминуемой гибели»¹⁰⁰.

Свидетельства, собранные в этом регионе авторами рапорта «Жить под надзором дронов», выпущенного в 2012 году, говорят о том же:

Они постоянно за нами наблюдают, они все время над нами, и мы не знаем, когда они нанесут свой удар¹⁰¹.

Все мы пребываем в постоянном страхе. Когда мы собираемся вместе, то боимся, что будет нанесен удар. Когда вы слышите,

как по небу пролетает дрон, то знаете, что он может вас атаковать. Мы боимся все время. Этот страх засел у нас в голове ¹⁰².

Дроны не выходят у меня из головы. Это мешает мне спать. Они как комары. Даже когда вы их не видите, вы можете их слышать и знаете, что они здесь ¹⁰³.

Дети, взрослые, женщины, все пребывают в страхе... Они кричат от ужаса ¹⁰⁴.

Житель Датта-Хель, небольшой местности, которая подвергалась ударам более тридцати раз на протяжении последних трех лет, говорит о своих соседях: «Многие погибли. Они заперты в камерах. Это действительно напоминает людей, находящихся в тюрьме. Они заключенные, запертые в своих камерах» ¹⁰⁵.

Дроны действительно обращают в камень. Они сеют массовый террор, направленный на население в целом. Именно это, помимо убитых и раненых, развалин, ярости и скорби, является главным эффектом постоянного смертельного надзора: физическое заключение, периметр которого теперь ограничен не решетками, заборами и стенами, а невидимыми кругами, которые очерчивают вечно крутящиеся у них над головами крылатые надсмотрщики.

69 Horapollo, Ori Apollinis Niliaci, *De sacris notis et sculptures libriduo*, Kerver, Paris, 1551, p. 222.

70 Цитируется по: Brian Mockenhaupt, “We’ve Seen the Future, and It’s Unmanned”, *Esquire*, 14 October 2009.

71 *Нерваль, Ж.* Дочери огня, 1985/ пер. с фр. Ю. Голубца. Л.: Художественная литература. С. 404.

72 Julian E. Barnes, “Military Refines ‘A Constant Stare Against Our Enemy’”, *Los Angeles Times*, November 2, 2009.

73 Ibid.

74 Ibid.

75 Sierra Nevada Corporation, “Wide-Area Airborne Persistent Surveillance: The Unblinking Eye”, презентация для симпозиума NATO-ISTAR в ноябре 2012.

76 См.: Arnie Heller, “From Video to Knowledge”, *Science and Technology Review*, Lawrence Livermore National Laboratory, April-May 2011.

77 См.: David Axe and Noah Shachtman, “Air Force’s ‘All-Seeing Eye’ Flops Vision Test”, *Wired*, January 24, 2011.

78 Цитируется по: “The Blimps Have Eyes 24/7: Overhead Surveillance Is Coming”, *Popular Mechanics*, May 17, 2012.

79 Axe and Shachtman, “Air Force’s ‘All-Seeing Eye’ Flops Vision Test”.

80 Как сообщают специалисты по сбору и обработке данных, «обработка данных инфраструктуры национальной безопасности

не приспособлена к объему данных, генерируемых беспилотными дронами». В результате чего «необходимы хорошо разработанные и точные техники анализа, предназначенные для людей, которые распределяют, индексируют, аннотируют и делают выводы из пентабайтов данных, ежедневно собираемых в определенном театре военных действий».

Heller, “From Video to Knowledge”.

81 “Too Much Information: Taming the UAV Data Explosion”, *Defense Industry Daily*, May 16, 2010.

82 Heller, “From Video to Knowledge”.

83 Sharon Weinberger, “How ESPN Taught the Pentagon to Handle a Deluge of Drone Data”, *Popular Mechanics*, June 11, 2012.

84 Ibid.

85 Ibid.

86 *Беньямин, В.* Маски времени. Эссе о культуре и литературе / пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Symposium, 2004. С. 162 (перевод изменен).

87 В рамках программы «The Mind’s Eye» (око разума — *англ.*).

88 Barnes, “Military Refines ‘A Constant Stare Against Our Enemy’”.

89 “Too Much Information”.

90 Derek Gregory, “From a View to a Kill: Drones and Late Modern War”, *Theory, Culture & Society* 28, no. 7–8 (2011): 208.

91 Derek Gregory, “Lines of Descent”, *Open Democracy*, November 8, 2011,

www.opendemocracy.net/derek-gregory/lines-of-descent

92 Как отмечают Уолл и Монахэн, «дроны одновременно являются продуктом и производят актуарную разновидность наблюдения.

Они используются для сбора данных о возможном риске, а затем управляют населением, чтобы уничтожить узлы, которые, по оценкам, превышают определенный порог риска. В каком-то смысле дроны являются разновидностью наблюдения, которая соответствует концепциям категорического подозрения и социального отбора, которые определяют прочие современные системы наблюдения». Tyler Wall and Torin Monahan, “Surveillance and Violence from Afar: The Politics of Drones and Liminal Security-scapes”, *Theoretical Criminology* 15, no. 3 (August 2011): 240.

93 Weinberger, “How ESPN Taught the Pentagon to Handle a Deluge of Drone Data”.

94 Derek Gregory, “From a View to a Kill”, p. 195.

95 Как отмечают двое исследователей, работающих над автоматизацией процесса видеоанализа: «Автоматическое определение аномального и угрожающего поведения в последнее время выделилось в отдельную область исследований видеонаблюдения: цель подобной технологии в том, чтобы прояснить контекст определенной сцены, произвести различие типов человеческого поведения, предсказы-

вая их последствия при помощи “визуального интеллекта”». Alessandro Ultramari and Christian Lebiere, “Using Ontologies in a Cognitive-Grounded System: Automatic Action Recognition in Video Surveillance”, в: *Proceedings of the Seventh International Conference on Semantic Technology for Intelligence, Defense, and Security*, Fairfax, 2012.

96 См.: Heller, “From Video to Knowledge”.

97 ARGUS-IS — это аббревиатура для «Autonomous Realtime Ground Ubiquitous Surveillance Imaging System» («Автономная система повсеместного наземного видеонаблюдения в реальном времени» — проект DARPA, знаменитого американского агентства военных исследований).

98 Система «Gorgon Stare» («Взгляд Медузы» — *англ.*), разработанная BBC США в его 645-м Подразделении авиационных систем, более известном как «Big Safari», использует тот же принцип, что и система ARGUS, но несколько его замедляет. Его создатели обещают, что можно будет наблюдать как целиком, так и в отдельных деталях «целый город, поэтому у противника не будет возможности понять, за чем именно мы наблюдаем, тогда как мы сможем увидеть все». Ellen Nakashima and Craig Whitlock, “With Air Force’s Gorgon Drone ‘We Can See Everything’”, *Washington Post*, January 2, 2011. Gorgon Stare была разработана как система постоянного наблюдения

для MQ-9 Reaper, но она вполне может быть перенесена на другие платформы.

99 *Eyeborgs* (рус. пер. «Видеть всё!»). — *Примеч. пер.*) впечатляющий научно-фантастический фильм категории В, снятый в 2009 году Ричардом Клэбаугом.

100 David Rohde, “Reuters Magazine: The Drone Wars”, Reuters, January 26, 2012. www.reuters.com/article/2012/01/26/us-david-rohde-drone-wars-idUSTRE80P11I20120126

101 Stanford International Human Rights and Conflict Resolution Clinic, Living Under Drones: Death, Injury and Trauma to Civilians from US Drone Practices in Pakistan, September 2012, p. 81 ff. livingunderdrones.org/wp-content/uploads/2012/10/Stanford-NYU-LIVING-UNDER-DRONES.pdf

102 Ibid.

103 Ibid. P. 83.

104 Ibid. P. 81.

105 Ibid. P. 87.

АНАЛИЗ ЖИЗНЕННЫХ ФОРМ

Командующие вражеских армий похожи на кого угодно;
бойцы вражеских армий похожи на кого угодно;
вражеские машины похожи на гражданские;
вражеские лагеря похожи на населенные пункты.

Научный отдел американского Министерства обороны ¹⁰⁶

«Это один из самых странных бюрократических ритуалов: каждую неделю более сотни членов всемогущего аппарата национальной безопасности участвуют в видеоконференции по надежно защищенным каналам для обсуждения биографий предполагаемых террористов и обозначения тех, кто должен умереть в ближайшее время» ¹⁰⁷. Это еженедельное собрание в Вашингтоне называют «вторником страха» ¹⁰⁸. Как только определяется список номинантов, он направляется в Белый дом, где его лично утверждает президент, в устном порядке, имя за именем. Как только этот «kill list» * утвержден, дело остается за дронами.

Критерии, релевантные для попадания в данный список приговоренных к смерти, остаются неизвестными. Администрация отказывается от любых комментариев по этому поводу. Вместе с тем Гарольд Кох, юридический советник Белого дома, спешит успокоить: «Наши процедуры и практики определения легитимных мишеней весьма основательны, а технический прогресс способствует тому, что они становятся все более точными» ¹⁰⁹. Одним словом, доверяйте нам с закрытыми глазами.

Но, помимо этих «персонализированных ударов», существуют также «сигнатурные удары» — сигнатура в данном случае понимается как след, индикатор или определяющая характеристика. Они наносятся по индивидам, личность которых остается неустановленной, но поведение которых заставляет подозревать или является надежным знаком принадлежности к «террористической организации».

В этом случае удар наносится «без точного установления личности индивидов, обозначенных в качестве целей» только

* Kill list — перечень подлежащих уничтожению (англ.).

на основании того, что их действия, за которыми ведется наблюдение с воздуха, «соответствуют определенной “сигнатуре” предварительно установленного поведения, которое США ассоциируют с активностью повстанцев»¹¹⁰. Подобные удары по неизвестным подозреваемым сегодня составляют большую часть атак¹¹¹.

Чтобы установить этих предполагаемых анонимных повстанцев, обращаются к тому, что «официальные лица описывают как “анализ жизненных форм” (“pattern of life analysis”¹¹²), которые используют фактические элементы, собранные камерами наблюдения дронов наравне с другими источниками... Эта информация в дальнейшем используется для того, чтобы определить в качестве целей предполагаемых повстанцев даже в том случае, когда их конкретные личности остаются неизвестными»¹¹³. Как объясняет оператор дрона Reaper: «Мы можем описать эти формы жизни, найти плохих парней, запросить авторизацию, а потом запустить весь цикл: обнаружить, выследить, обозначить в качестве цели, атаковать»¹¹⁴.

Всякая жизнь имеет свою форму и определенный мотив. Ваши повседневные действия повторяются, у вашего поведения есть определенная регулярность: в определенный час вы просыпаетесь и используете один и тот же маршрут, чтобы добраться до работы или куда-то еще. Вы регулярно встречаете друзей в определенных местах. Если наблюдать за вами, то можно составить карту типичных для вас пространственно-временных маршрутов. Аналогичным образом, получив доступ к вашим телефонным звонкам, на нее можно наложить карту вашей социальной сети, ваши личные связи и установить их относительную важность для вашей жизни. Как объясняет учебник, написанный для американской армии: «Как только противник перемещается из одной точки в другую, разведка и наблюдение следует за ним, отмечая локации и каждого индивида, с которым он идет на контакт. Таким образом устанавливается цель, места, индивиды и “узлы” возникающей вражеской сети»¹¹⁵. Как только соткана эта двойная сеть — ваших мест и ваших связей, — ваше поведение можно предсказать: если не будет дождя, то вы вполне возможно отправитесь на пробежку в такой-то парк в такое-то время. Таким образом, можно определить подозрительную

нерегулярность: сегодня вы не пошли той же дорогой, что обычно, у вас была встреча в непривычном месте. Всякое отклонение от нормы, которую вы сами задаете своими привычками, может быть предупредительным сигналом: происходит что-то ненормальное, а потому потенциально подозрительное.

Анализ жизненных форм более точно определяется как «слияние анализа связей и геопространственного анализа»¹¹⁶. Чтобы понимать, о чем идет речь, нужно представить наложение на одной и той же цифровой карте Facebook, карт Google и календаря Outlook. Слияние данных социальных сетей, пространственных и временных; картография, совмещающая *socius, locus и tempus* * — то есть три измерения, которые как в своей регулярности, так и в несогласованности составляют то, что называется человеческой жизнью.

Этот метод восходит к «разведке на основании активности»¹¹⁷. Из массы собранных данных об определенном лице, группе или местности постепенно складываются некие «паттерны» понятных мотивов. Активность представляет собой альтернативу идентичности: вместо того чтобы, установив определенную цель, пытаться ее обнаружить, поступить противоположным образом. Накапливать данные, строить графики во все больших масштабах, чтобы затем, через анализ «big data», свести воедино узловые точки, которые за счет своего положения на общей диаграмме и обведенного в кружок цвета могут быть обозначены как подлежащие устранению угрозы: «компилируя ассоциативные данные на основании активности с метаданными во временном разрезе... можно сформировать богатый архив, который позволит получить описание жизненных форм, сетей и аномальностей, которые в противном случае могли бы быть проигнорированы»¹¹⁸. Инструменты гуманитарной географии и социологии сетей оказываются на службе ликвидационной политики, в рамках которой «постоянный надзор» делает возможным выявление опасных лиц. В ходе кропотливой работы по архивированию жизней постепенно формируются разделы анонимного досье. Как только оно становится достаточно пухлым, выносится смертный приговор.

* Социум, место и время (*лат.*).

Официальные лица утверждают, что подобные методы позволяют быть уверенным в выборе мишени: «Вы можете терпеливо и настойчиво преследовать определенных лиц, получая представление о том, как они перемещаются, куда ходят и с кем встречаются»¹¹⁹. Те, кто в итоге уничтожат, «являются людьми, чьи действия очевидно дают со временем понять, что они представляют угрозу»¹²⁰.

Но проблема, как в эпистемологическом, так и в политическом смысле, заключается в предполагаемой способности адекватно придать этому представлению, полученному путем сопоставления всевозможных признаков, четкий статус легитимной мишени.

Данный диспозитив и методология имеют очевидные ограничения. Взять хотя бы оптику. Как признается бывший офицер ЦРУ, «на высоте 6000 метров, вы мало что видите»¹²¹. Дрон может различать лишь весьма смутные очертания. Например, в апреле 2011 года американские дроны «были не в состоянии отличить двух морских пехотинцев в полном снаряжении в их легко узнаваемой форме от нерегулярных частей противника»¹²². Дрон видит лишь неясные силуэты. На этот счет в кулуарах американской администрации гуляет шутка: «Когда в ЦРУ три человека занимаются аэробикой, они думают, что это лагерь подготовки террористов»¹²³.

17 марта 2011 года американский авиаудар уничтожил группу людей, собравшихся в районе Датта-Хель, именно на основании того, что «их поведение напоминало образ действий повстанцев, связанных с “Аль-Каидой”»¹²⁴. Способ их расположения соответствовал уже существующей матрице, которая связана с подозрением в террористической деятельности. Но это собрание, обнаруженное с воздуха, на самом деле было вполне традиционным сходом, *jiġga*, созданным для обсуждения разногласий, возникших в местной общине. Число жертв среди мирного населения оценивается от 19 до 30 человек. С воздуха ничто так не напоминает собрание повстанцев, как собрание жителей деревни.

Второго сентября 2010 года американские власти заявили о ликвидации лидера «Талибана» в афганском Тахаре. Но на самом деле ракеты уничтожили Забета Амануллу, мирного

жителя, в ходе его электоральной кампании. Подобная ошибка стала возможной именно из-за чрезмерного доверия (необходимого для подобного диспозитива) к количественному анализу: аналитики сосредоточили внимание на сим-картах, списке звонков и графиках социальных сетей: «Они не преследовали человека с определенным именем, в качестве целей фигурировали телефоны»¹²⁵.

В том, что касается получения доказательств, количество признаков не переходит в качество. В этом и заключается проблема в представлении Гарета Портера: «Используя подобный метод анализа связей, разведка не в состоянии оперировать самым незначительным качественным различием между отношениями, обозначенными на их карте, и связями между “узлами”. Этот метод основан исключительно на количественных базах данных, например количестве телефонных звонков или визитов, нанесенных тому, кто ранее был обозначен в качестве цели, или некоторому числу связанных с ним лиц. Неизбежным результатом чего является возрастающее число телефонных номеров гражданских лиц на карте сетей повстанцев. Если перечень телефонных звонков гражданских образует многочисленные связи с номерами, уже фигурирующими в списке “kill/capture”^{*}, то, вполне вероятно, сделавший их индивид также будет в него занесен»¹²⁶. Одним словом, в подобной логике, когда принадлежность к чему-то и сама личность выводятся из количества и частоты контактов, вне зависимости от их характера, то, как заключает один офицер, неизбежна ситуация, при которой: «Как только мы решаем, что определенный индивид является плохим парнем, те, кто часто с ним общается, также становятся плохими»¹²⁷.

Подобный метод профилирования имеет дело исключительно со схемами. Однако одной и той же схеме по определению могут соответствовать весьма гетерогенные феномены. Это эпистемологическая проблема китайской тени. Образ сторожевого пса напоминает сторожевого пса, но как с уверенностью сказать, что за объект она отражает, если мы имеем доступ лишь к тени, которую он отбрасывает? Возможно, это всего лишь руки.

* Убийства/поимки (англ.).

И тем не менее. Именно на подобных эпистемологических основаниях американские дроны сегодня наносят «удары по сигнатуре». Власти выстроили свой театр теней: «Очень часто результат сводится к стрельбе вслепую на основании индикаторов “жизненных форм” без непосредственного подтверждения, поскольку цели являются тем, чем мы думаем они являются, с высоким риском уничтожения невинных в процессе»¹²⁸.

Это подтверждает пакистанец, который вместе со своей семьей стал жертвой атаки дронов:

«— Как ты думаешь, почему они вас атаковали?

— Они говорили, что там были террористы, но это был всего лишь мой дом... Это не террористы. Это всего лишь обычные люди, которые носят бороду»¹²⁹.

106 Defense Science Board, 2004 Summer Study on Transition to and from Hostilities, Washington, December 2004, p. 154, цитируется по: Derek Gregory, “In another time-zone, the bombs fall unsafely”, Arab World Geographer, 2007, vol. 9, n. 2, p. 88–112.

107 Jo Becker and Scott Shane, “Secret ‘Kill List’ Proves a Test of Obama’s Principles and Will”, New York Times, May 29, 2012.

108 «Terror Tuesday».

109 Harold Koh, “The Obama Administration and International Law”, речь, произнесенная на ежегодном собрании American Society of International Law’s (Американского общества международного права) 25 марта 2010 года,

www.state.gov/s/l/releases/remarks/139119.htm

110 Human Rights Clinic at Columbia Law School, Center for Civilians in Conflict, The Civilian Impact of Drones: Unexamined Costs, Unanswered Questions, September 2012, civiliansinconflict.org/upload/files/publications/The_Civilian_Impact_of_Drones_w_cover.pdf

111 Ibid. P. 9. См. также: Daniel Klaidman, Kill or Capture: The War on Terror and the Soul of the Obama Presidency. Boston, Houghton Mifflin Harcourt, 2012, p. 41.

112 У этого выражения нет прямого аналога во французском: оно обозначает морфологический или «конфигурационный» анализ. Его также можно

перевести как анализ схем, моделей или мотивов определенной жизни.

113 David S. Cloud, “CIA Drones Have Broader List of Targets”, Los Angeles Times, May 5, 2010.

114 Цитируется по: Anna Mulrine, “UAV Pilots”, Air Force Magazine 92, no. 1 (January 2009).

115 US Army, Field Manual 3-60: The Targeting Process, November 2010, B-3.

116 Tony Mason, Suzanne Foss, and Vinh Lam, “Using ArcGIS for Intelligence Analysis”, Esri International User Conference, 2012, proceedings.esri.com/library/userconf/feduc11/papers/tech/feduc-using-arcgis-for-intelligence-analysis.pdf

117 «Activity based intelligence» — ABI.

118 Keith L. Barber, “NSG Expeditionary Architecture: Harnessing Big Data”, Pathfinder 10, no. 5 (September-October 2012): 10.

119 Цитируется по: Adam Entous, “CIA Drones Hit Wider Range of Targets in Pakistan”, Reuters, May 5, 2010.

120 Cloud, “CIA Drones Have Broader List of Targets”.

121 Цитируется по: Ken Dilanian, “CIA Drones May Be Avoiding Pakistani Civilians”, Los Angeles Times, February 22, 2011.

122 Winslow Wheeler, “Finding the Right Targets”, Time, February 29, 2012.

123 Becker and Shane, “Secret ‘Kill List’ Proves a Test of Obama’s Principles and Will”.

124 Center for Civilians in Conflict, Civilian Impact of Drones, 34. См. также: Scott Shane, “Contrasting Reports of Drone Strikes”, New York Times, August 11, 2011.

125 Kate Clark, The Takhar Attack, Targeted Killings and the Parallel Worlds of US Intelligence and Afghanistan, Afghanistan Analyst Network Thematic Report, June 2011, 12, aan-afghanistan.com/uploads/20110511KClark_Takhar-attack_final.pdf

126 Gareth Porter, “How McChrystal and Petraeus Built an Indiscriminate Killing Machine”, Truthout, September 26, 2011.

127 Ibid.

128 Joshua Foust, “Unaccountable Killing Machines: The True Cost of US Drones”, The Atlantic, December 30, 2011.

129 Со слов Садуллы Вазира, цитируется по: Sadaullah Wazir, цитируется по: Madiha Tahir, “Louder Than Bombs”, New Inquiry, July 16, 2012, thenewinquiry.com/essays/louder-than-bombs

Человеческая деятельность на поверхности Земли не может создать препятствий для самолета, который перемещается в третьем измерении.

Джулио Дуэ¹³⁰

Вместе с концепцией «глобальной войны против террора» вооруженное насилие вышло за свои привычные рамки: оно стало неопределенным как во времени, так и в пространстве¹³¹. Весь мир, как теперь говорят, стал полем боя. Хотя лучше было бы сказать, что он стал охотничьим угодьем. Если вектор военного насилия и становится глобальным, то именно для того, чтобы создать условия для облавы.

Если война в конечном счете определяется как схватка, то охота — как преследование. Этим двум занятиям соответствуют две разные географии. Схватка возникает там, где сталкиваются различные силы. Облава же перемещается туда, где есть добыча. Для государства-охотника само место, где осуществляется насилие, теперь ограничено не контурами определенной зоны, а всего лишь присутствием врага-добычи, который, если можно так выразиться, везде носит с собой компактный и подвижный ореол зоны личной враждебности.

Чтобы уйти от своих преследователей, жертва пытается стать невидимой или недостижимой. Но недостижимость определяется не просто особенностью физического рельефа местности — густыми рощами или глубокими расщелинами, — но также шероховатостями политической географии. Как напоминают теоретики охоты на человека, «суверенные границы — в числе главных союзников»¹³², на которых может рассчитывать беглец. Английское Common Law * иногда разрешало в деревнях «вести охоту на опасных хищников, таких как лисы и хорьки на чужой территории, так как их уничтожение представляет общественный интерес»¹³³. Подобного рода законодательство сегодня позволяет США вести охоту на человеческую дичь по всему миру¹³⁴. Нужно, резюмирует Пол Вольфовиц, «лишить их всякого убежища»¹³⁵.

* Общее право (англ.).

Складывается картина инвазивной власти, которая основана не на праве завоевания, а на праве преследования.

Право на вторжение или универсальное вмешательство, которое разрешает преследовать добычу повсюду, где она может скрыться, рискуя при этом погрязнуть принцип территориальной целостности, традиционно связанный с государственным суверенитетом. Поскольку в рамках этой концепции суверенитет всех прочих государств в особых случаях становится относительным. Пользование им в полной мере предоставляется только в том случае, если они допускают императорскую облаву в своих владениях. В противном же случае, если они не могут этого обеспечить (в случае «несостоятельных государств») или не хотят (в случае «государств-преступников»), их границы могут быть легитимным образом нарушены государством-охотником.

Сухопутным формам территориального суверенитета, основанного на огораживании территории, дрон противопоставляет нависающую непрерывность воздуха. В этом смысле он питается теми великими надеждами, которые исторически возлагались на воздушные силы. Нечувствительное к неровностям почвы летающее оружие, писал Дуэ, «свободно перемещается в третьем измерении»¹³⁶. Оно прочерчивает в небе свои собственные линии.

Выходя в стратосферу, имперская власть изменяет свое отношение к пространству. Речь идет не столько о том, чтобы *оккупировать* территорию, сколько о том, чтобы *контролировать с высоты*, обеспечивая господство в воздухе. Эяль Вайцман объясняет в этих терминах современную израильскую стратегию, которую он определяет как *политику вертикальности*. В подобной модели «скорее технологии, чем оккупации»¹³⁷ речь идет о том, чтобы «поддерживать господство над эвакуированными территориями средствами, отличными от территориального контроля»¹³⁸. Этой вертикализации власти соответствует форма внутритерриториального авторитета, где всё: каждый индивид, каждый дом или улица, «даже самое незначительное событие, — может быть объектом наблюдения, стать поводом для вмешательства полиции или же уничтожено с воздуха»¹³⁹.

Вопрос суверенитета таким образом приобретает *аэрополитическое* измерение¹⁴⁰: кто имеет власть в воздухе и над волнами? ¹⁴¹ Эллисон Уильямс, который сегодня настаивает

на необходимости осмысления политической географии как феномена *в трех измерениях*, говорит о «кризисе воздушного суверенитета»¹⁴². Регулярные нарушения воздушного пространства стран-сателлитов американскими дронами являются его самым наглядным подтверждением. Суверенитет больше не является плоским и территориальным, теперь он объемный и трехмерный, как и попытки его оспорить.

Классические военные доктрины, объясняет Стивен Грэм, использовали «горизонтальную проекцию власти на геополитическое пространство, “плоское” и “нерельефное” по своей природе»¹⁴³. Подобный способ проекции в настоящий момент заменен другим или же им дополняется. В общих чертах, происходит переход от горизонтального к вертикальному, от двухмерного пространства старых генштабовских карт к объемной геополитике.

В современных доктринах господства в воздухе оперативное пространство больше не рассматривается как гомогенная и непрерывная зона. Оно становится «динамической мозаикой, в которой тактические цели повстанцев могут изменяться от квартала к кварталу»¹⁴⁴. Нужно представить себе лоскутное панно из разноцветных выдвижных ящиков, которым всякий раз соответствуют специфические правила боя.

Но эти выдвижные ящики также и по большей части являются *кубами*. Это центральный концепт «kill box», который не совсем удачно переводят как «смертельная коробка» или «куб смерти». Он сложился в начале девяностых: «“Kill box” графически изображается в виде черной линии, ограничивающей специфическую зону, с черными диагоналями внутри»¹⁴⁵. Нужно представить себе на трехмерном экране кубы, помещенные на поверхность, разбитую на квадраты. Театр операций оказывается заполнен этими прозрачными коробками.

«“Kill box” имеет свой жизненный цикл: его открывают, его активируют, его замораживают и закрывают. За его эволюцией можно следить на экране, что немного напоминает дефрагментацию жесткого диска: небольшие кластеры, которые активизируются и меняют цвет по мере того, как подвергаются обработке. Как только она установлена, непосредственной целью того или иного “kill box” является авторизация

для воздушных сил наносить удары по объектам на земле без дополнительного согласования с командованием»¹⁴⁶.

С учетом того, что ««мозаичная» природа антиповстанческих действий делает его крайне подходящей для децентрализованной ликвидации»¹⁴⁷, каждый куб становится «автономной оперативной зоной»¹⁴⁸ для подразделений, которым поручено ее выполнение. Говоря проще: внутри определенного куба находится зона свободного огня. Каждый «kill box» — это автономная зона временного истребления.

В этой модели зона конфликта представляется фрагментированным пространством со множеством непостоянных коробок смерти, которые активируются одновременно изоциренным и довольно бюрократизированным образом. Как с нескрывааемым энтузиазмом объясняет в электронном письме генерал Формика: ««Kill box» позволяют нам делать то, что мы хотим, уже много лет... а именно быстро изменять очертания поля боя; в настоящий момент, со всеми автоматизированными технологиями и использованием «kill box» американскими ВВС, вы можете сделать изменения контуров поля боя крайне гибкими одновременно во времени и пространстве»¹⁴⁹.

В памятке, адресованной Дональду Рамсфельду в 2005 году, президент корпорации RAND советовал ему «принять на вооружение нелинейную систему «kill box»»¹⁵⁰, предназначенную для антиповстанческих операций. Томсон особо подчеркивает: «Размер «kill box» может быть изменен и адаптирован для открытого пространства или городской войны; они могут открываться и закрываться в ответ на динамическое развитие военной ситуации»¹⁵¹.

Этот двойной принцип прерывности и изменения масштаба «kill box» крайне важен: он позволяет расширение подобной модели *за пределы* любой объявленной зоны конфликта. Временные микрокубы смертельной исключительности могут быть открыты, в зависимости от требования момента, в любой точке мира, где будет обнаружено лицо, которое определено как легитимная мишень.

Когда стратеги американской армии пытаются представить, на что будут похожи дроны через двадцать пять лет, они отправляют штатного дизайнера рисовать фоторобот типичного арабского

города, с его мечетью, узнаваемыми постройками и пальмами. В небе парят стрекозы. Речь идет о нанодронах, автономных роботах-насекомых, способных барражировать целым роем и «летать во все более ограниченных пространствах»¹⁵².

Благодаря подобным устройствам вооруженное насилие может осуществляться в самом ограниченном пространстве, в микрокубах смерти. Вместо того чтобы взрывать весь дом ради ликвидации одного человека, сделать оружие миниатюрным, проникнуть через оконный проем и направить взрывную волну на одну комнату, а по возможности — на единственное тело. Ваша комната или офис становятся полем битвы.

Не дожидаясь этих миниатюрных устройств будущего, сторонники дронов уже сегодня настаивают на технологической точности данного оружия. Но парадокс в том, что это предполагаемое преимущество в точности становится доводом в пользу расширения поля огня на весь мир. Мы имеем дело с разнонаправленным движением, которое, пользуясь пространственно-юридическим понятием «зоны военного конфликта», пытается его полностью дезавуировать. У этого парадоксального расчленения есть два принципа: 1) зона военного конфликта, разбитая на все более миниатюрные «kill box», в идеале стремится к тому, чтобы ограничиться единственным телом врага-добычи — тело как поле битвы. Это принцип *точности или спецификации*; 2) но теперь считается, что мобильное микропространство в целях преследования и в виду «хирургического» характера удара может стать мишенью, где бы оно ни находилось: мир как охотничье угодье. Это принцип глобализации или гомогенизации. Именно потому, что мы можем выцеливать наши мишени с той точностью, которую мы можем себе позволить, объясняют нам военные и ЦРУ, мы можем атаковать там, где нам вздумается, в том числе вне зоны какого-либо военного конфликта.

Схожим образом американские юристы сегодня хором утверждают, что понятие «зоны военного конфликта» не должно рассматриваться в узко-географическом смысле. Этой географически ориентированной концепции, предположительно неактуальной, они противопоставляют другую, целеориентированную, привязанную к телу врага-добычи, согласно которой военный конфликт перемещаются «туда, куда перемещаются

они, без всякой географической привязки»¹⁵³. В соответствии с этим тезисом, «границы поля боя определяются не географическими линиями, а скорее локализацией участников военного конфликта»¹⁵⁴.

Один из наиболее важных аргументов, как прагматического, так и юридического характера, эти юристы заимствуют непосредственно из выступлений американской администрации. Если требуется отказаться от географически ориентированного права на войну, то именно потому, что продление его действия приведет к «созданию убежищ для террористических организаций в любом государстве, где полицейские силы недостаточно эффективны»¹⁵⁵. Но этот аргумент также выдает политический подтекст, скрывающийся за дискуссией о семантике: речь идет о том, чтобы обосновать использование летальной полицейской силы за пределами границ.

Одна из проблем, как отмечает Дерек Грегори, заключается в том, что «юридическая логика, согласно которой поле боя расширяется за пределы объявленной зоны военных действий, растягивается до бесконечности»¹⁵⁶. Заново определяя зону военного конфликта как мобильную точку, привязанную к личности врага, под предлогом права на войну приходят к требованию, эквивалентному праву на внеюрисдикционную расправу по всему миру, включая мирные территории и собственных граждан, причем без всякого суда¹⁵⁷.

Как далеко это может пойти? Этот вопрос в 2010 году задал представитель НПО «Human Rights Watch» Бараку Обаме: «Представление, согласно которому весь мир автоматически становится продолжением поля боя, к которому применяются законы военного времени, противоречит международному праву. Каким образом администрация определяет “глобальное поле боя”?... Понимает ли она это выражение в буквальном смысле? Подразумевает ли это, что использование летальной силы под предлогом борьбы с терроризмом будет разрешено в парижской квартире, коммерческом центре в Лондоне или на автобусной остановке в Айове?»¹⁵⁸

Понимая опасность подобного толкования, критически настроенные юристы защищают более классическое понятие зоны вооруженного конфликта, настаивая на фундаментальной

идея о том, что вооруженное насилие имеет контуры, четко обозначенные в пространстве; что война как юридическая категория должна быть *географически разграниченным объектом*. Является ли свойством вооруженного конфликта тот факт, что он занимает определенное *место, зону, поддающуюся разграничению*? Несмотря на свой очевидно абстрактный характер, этот онтологический вопрос сегодня имеет важнейшие политические последствия. Если мы ответим на него утвердительно, то получим очередной набор трюизмов: существует легальная география войны и мира, которые понимаются не просто как состояния, следующие друг за другом во времени, а как два различных пространства, поддающиеся разграничению. Зона есть зона — определенная часть пространства, с ее границами, внутренним и внешним пространством; вооруженный конфликт есть вооруженный конфликт, то есть он заявляет о себе определенной интенсивностью насилия. Но у этих простых определений есть очень важные нормативные последствия, в первую очередь следующее: если *особые законы* о праве на войну применяются только *там*, где есть война, то за ее пределами отсутствует право поступать так, как поступил бы солдат.

Как напоминает Мэри Эллен О'Коннел, квалифицирующая удары, наносимые сегодня в Пакистане, Сомали или Йемене, как незаконные: «Дроны запускают ракеты или сбрасывают бомбы, а это вид вооружений, который можно использовать законным образом исключительно во время противостояния, возникающего в ходе вооруженного конфликта»¹⁵⁹. Поскольку «на территории Пакистана не было военного конфликта и не происходило серьезных столкновений между организованными вооруженными группами, международные правовые нормы не признают право на убийство вне текущего военного конфликта. Так называемая “война против террора” не является военным конфликтом»¹⁶⁰. Поэтому нанесение подобных ударов является грубым нарушением права на войну.

Различные проекты охоты на человека в глобальном масштабе немедленно вступают в противоречие с этим традиционным толкованием права. Поэтому ее апологеты прилагают все усилия, чтобы оспорить подобную точку зрения и дезавуировать

положение, в соответствии с которым право на военные конфликты предполагает *имплицитную географическую онтологию*¹⁶¹. В продолжающейся борьбе за расширение охотничьих угодий эти юристы в первых рядах. И эта практическая онтология является их полем боя¹⁶². Вопрос «что такое точка (*lieu*)?» становится вопросом жизни и смерти. Возможно, пришло время напомнить, что, географически ограничивая законное использование насилия, фундаментальной целью права было его описать.

130 Giulio Douhet, *La Maitrise de l'air*, Economica, Paris, 2007, p. 57.

131 Географ Дерек Грегори объясняет: «необходимость анализа не только “вечной войны”, но и “войны повсеместной”». Derek Gregory, “The Everywhere War”, *Geographical Journal* 177, no. 3 (September 2011): 238.

132 Steven Marks, Thomas Meer, and Matthew Nilson, “Manhunting: A Methodology for Finding Persons of National Interest”, thesis, Naval Postgraduate School, Monterey, June 2005, 28.

133 Blackstone, *Commentaries on the Laws of England*, New York, Garland, 1978, 3: 213.

134 Однако, чтобы осуществить это в полной мере, будет необходимо,

вступив в противоречие с существующими законами, воскресить» архаическое понятие «общих врагов человечества». См.: Daniel Heller-Roazen, *The Enemy of All: Piracy and the Law of Nations*, New York, Zone Books, 2009.

135 “Deputy Secretary Wolfowitz Interview with CNN International”, опубликовано 5 ноября 2002 года.

136 Giulio Douhet, *La Maitrise de l'air*, Economica, Paris, 2007, p. 57.

137 См.: Eyal Weizman, *Hollow Land: Israel's Architecture of Occupation*. London, Verso, 2007, p. 239.

138 Ibid. P. 237.

139 Eyal Weizman, “Control in the Air”, *Open Democracy*, May 2002, www.opendemocracy.net/conflict-politicsverticality/article_810.jsp

140 Это выражение использовалось забытым автором, писавшим в сороковые годы, Бёрнетом Херши: Burnet Hershey, *The Air Future: A Primer of Aeropolitics*, New York, Duell, Sloan and Pearce, 1943.

141 Вайцман напоминает, что во время официальных переговоров в Кэмп-Дэвиде Израиль, хотя и уступил территорию, но при этом настоял на сохранении «использования воздушного пространства и наблюдении за ним», имея в виду воздушное пространство над палестинскими территориями. Weizman, “Control in the Air”.

142 Alison J. Williams, “A Crisis in Aerial Sovereignty? Considering the Implications of Recent Military Violations of National Airspace”, *Area 42*, no. 1 (March 2010): 51–59.

143 Stephen Graham, “Vertical Geopolitics: Baghdad and After”, *Antipode* 36, no. 1 (January 2004): 12–23.

144 Joint Publication 3–24, *Counterinsurgency Operations*, October 5, 2009, VIII–16.

145 Air Land Sea Application Center, *Field Manual 3–09.34 Multiservice Tactics, Techniques and Procedures (MTTPs) for Kill Box Employment*, June 13, 2005, I–5.

146 Ibid. P. I–1.

147 Joint Publication 3–24, *Counterinsurgency Operations*, October 5, 2009, II–19.

148 Доклад о перспективах военного использования боевых дронов,

датированный 1996 годом, дальновидно прогнозировал: «В отдаленной перспективе БПЛА будут осуществляться как идентификация целей, так и их уничтожение в автономных зонах операций (kill boxes)». См.: Air Force Scientific Advisory Board, *UAV Technologies and Combat Operations*, 3–4, SAF/PA 96–1204, 1996, 3–4.

149 Цитируется по: James W. MacGregor, “Bringing the Box into Doctrine: Joint Doctrine and the Kill Box”, *United States Army School of Advanced Military Studies, United States Army Command and General Staff College, Fort Leavenworth, Kansas, AY 03-04*, 43.

150 James A. Thomson to Donald H. Rumsfeld, memorandum, February 7, 2005, цитируется по: Howard D. Belote, “USAF Counterinsurgency Air- power: Air-Ground Integration for the Long War”, *Air and Space Power Journal* 20, no. 3 (Autumn 2006): 63.

151 Ibid.

152 U.S. Army, *Unmanned Aircraft Systems, Roadmap, 2010–2035*, 65.

153 Kenneth Anderson, “Self-Defense and Non-International Armed Conflict in Drone Warfare”, *Opinio Juris*, October 22, 2010, opiniojuris.org/2010/10/22/self-defense-and-non-international-armed-conflict-in-drone-warfare

154 Michael W. Lewis, “How Should the OBL Operation Be Characterized?”, *Opinio Juris*, May 3, 2011,

opiniojuris.org/2011/05/03/how-should-the-obl-operation-be-characterized

155 Michael W. Lewis, “Drones and the Boundaries of the Battle- field”, *Texas International Law Journal* 47, no. 2 (June 2010): 312.

156 Gregory, “The Everywhere War”, 242.

157 Как нам хорошо известно теперь, наличие американского гражданства не является защитой от целевого убийства. Но американский гражданин, убитый во время атаки с дронов в сентябре 2011 года, Анвар аль-Авлаки, возможно, в глазах приговоривших его к смерти, считался не совсем или уже не американским гражданином. Как, очевидно, и его шестнадцатилетний сын, родившийся в Денвере и убитый неделю спустя во время удара, который должен был завершить начатое. См.: Tom Finn and Noah Browning, “An American Teenager in Yemen: Paying for the Sins of His Father?”, *Time*, October 27, 2001.

158 Human Rights Watch, “Letter to Obama on Targeted Killings and Drones”, December 7, 2010, www.hrw.org/news/2010/12/07/letter-obama-targeted-killings

159 Mary Ellen O’Connell, “Unlawful Killing with Combat Drones: A Case Study of Pakistan, 2004–2009”, abstract, Notre Dame Law School, Legal Studies Research Paper no. 09–43, 2009.

160 Ibid.

161 Как вспоминает Кеннет Андерсон, критики были обеспокоены тем фактом, что «возникновение технологий целевых убийств при помощи дронов... может нарушить или полностью упразднить негласную основу законов войны, то есть подразумеваемую географическую привязку военных конфликтов». Kenneth Anderson, “Targeted Killing and Drone Warfare: How We Came to Debate Whether There Is a ‘Legal Geography of War’”, в: *Future Challenges in National Security and Law*, ed. Peter Berkowitz, Research Paper no. 2011–16, Hoover Institution, Stanford, CA, 3.

162 Об этом концепте см.: Katherine Munn and Barry Smith, *Applied Ontology: An Introduction*, Heusenstamm bei Frankfurt, Ontos Verlag, 2008.

АНТИПОВСТАНЧЕСКАЯ БОРЬБА С ВОЗДУХА

В воздушных силах заложены основы нашего уничтожения.

Если мы не подойдем к их использованию со всей
ответственностью,
то проиграем эту войну.

Генерал Маккристал ¹⁶³

«Одним из наиболее распространенных видов вооруженных сил, получивших наибольшее применение в настоящее время, является авиация. Но пока партизанская война находится на первом этапе, когда в гористой местности имеются лишь небольшие скопления партизан, противник не применяет авиацию. Эффективность авиации заключается в систематическом разрушении наблюдаемых с воздуха оборонительных сооружений.

Но для того, чтобы построить такие оборонительные сооружения, необходимо большое количество людей, чего не бывает при ведении партизанской войны» ¹⁶⁴. Когда Че Гевара в шестидесятые годы писал эти строки, это было действительно так.

До самого недавнего времени стратеги антиповстанческой войны из, как тогда говорили, «империалистического лагеря» придерживались того же мнения. Против горстки малозаметных бойцов, способных притаиться в труднодоступной местности или затеряться среди населения, воздушные силы, как считалось, были практически бессильны. Хуже того — контрпродуктивны. При отсутствии видимого с воздуха скопления войск бомбардировка превратится в кровавую баню для мирного населения. Но если доктрина этого не допускала, то скорее из стратегических, чем из нравственных соображений: тогда как заявленной целью войны было привлечение населения на свою сторону, бездумное использование приведет его в объятия врага. Отсюда *теоретическая* маргинализация военно-воздушных сил в подобной стратегии. Еще в 2006 году в написанном для американской армии «Counterinsurgency Field Manual»* этому вопросу посвящено несколько страниц, выделенных в специальное приложение.

* Полевой устав антиповстанческой борьбы (англ.).

Но на практике изменения уже начались. Использование дронов стремительно распространялось, начиная с конца двухтысячных авиация де-факто стала важнейшим оружием американских операций, направленных против повстанцев. Некоторые теоретики взялись за переосмысление этой негласной перемены: сделать военную практику осознанной, даже ценой значительного доктринального переворота.

Сожалея об отставании теории от практики, стратеги, связанные с ВВС, сегодня призывают недвусмысленно принять доктрину антиповстанческой войны с воздуха. Эти сторонники «воздушной мощи» напрямую сталкиваются с традиционными теоретиками «наземно-центричной» антиповстанческой войны, этой «устаревшей парадигмы с ограниченными рамками», которая, как они с сожалением отмечают, «сводит военно-воздушные силы к вспомогательным функциям, тогда как “настоящая” работа поручена наземным силам»¹⁶⁵. Необходимо четко осознать архаичность этой модели и противопоставить ей новую, аэроцентричную модель, одним из наиболее подходящих инструментов которой с недавних пор считается дрон. Партизан вполне может оставаться, согласно формуле Шмитта, *теллурическим*¹⁶⁶ по своей сути, но антипартизан должен стать *стратосферным*.

Партизанская война давно стала проблемой для великих держав, постоянно вовлеченных в асимметричные конфликты. Прямому столкновению партизаны предпочитают короткие стычки и перестрелки, чтобы компенсировать свою изначальную слабость. Напасть и сразу же отступить, оставаясь неуловимыми. Дрон является запоздалым ответом на эту историческую проблему: он обращает против герильи, но в абсолютизированной форме, ее собственный принцип: *лишить врага того, с кем он враждует*. У партизана, противостоящего армии дронов, больше нет объекта нападения. «Мы молим Аллаха, чтобы столкнуться с американскими солдатами, которых можно убить. Мы не можем сражаться против падающих с неба бомб»¹⁶⁷. Американские офицеры обожают повторять эти слова жителя афганской деревни, которые приводит *New York Post* в своих презентациях о дронах в формате *Power Point*; они видят в них подтверждение неумолимой эффективности их нового оружия.

Делая сражение невозможным, превращая вооруженное насилие в расправу, все направлено на то, чтобы уничтожить волю к сопротивлению у солдат противника. Потому что, если «перспектива смерти как таковая не может подорвать волю к сопротивлению... дело обстоит совершенно иначе с бессилием, которое порождает неизбежность смерти, объявленной некоей инстанцией, с которой невозможно сражаться»¹⁶⁸.

Поэтому дрон, как объясняет генерал-майор ВВС Чарльз Данлап, «дает нам возможность подорвать дух повстанцев»¹⁶⁹. Идея не нова. Сэр Джон Баготт Глабб уже сформулировал ее практически слово в слово, говоря о воздушных бомбардировках, которые осуществляли британцы при подавлении туземных восстаний в период между двумя мировыми войнами: «Их несомненное моральное воздействие в значительной степени связано с деморализацией, которую они вызывают у человека племенного склада, с возникающим чувством бессилия от невозможности эффективно отразить атаку»¹⁷⁰.

Речь идет о войне при помощи внушаемого страха, что уже давно не скрывается: «Американская воздушная мощь с ее точечными атаками является эквивалентом (в куда большем масштабе и с большей эффективностью) того воздействия, которое пытаются произвести повстанцы... при помощи импровизированных взрывных устройств»¹⁷¹. Все сказано яснее некуда: если не принимать в расчет продвинутые технологии, эквивалентом атак при помощи дронов являются теракты с использованием бомб. Дроны — это оружие государственного терроризма.

Стратегам ВВС, разумеется, известны «исторические» возражения теоретиков антиповстанческой войны. Вспомните об уроках прошлого, говорят они им. То, что вы называете новой стратегией, уже не раз было опробовано, со вполне конкретными результатами. Ваша доктрина «контроля с воздуха» не что иное, как стратегия авиабомбардировок, которую применяли Королевские ВВС в период после Первой мировой войны, чтобы «дезорганизовать противника, уничтожать деревни и заставить местное население признать британский мандат»¹⁷². Эта политика, напоминают они, привела к весьма болезненному провалу. Остается только процитировать британского офицера, который в 1923 году подвел ее итог, приводя удивительно современное описание порочных последствий

стратегии, которая напоминает ту, что сегодня, три поколения спустя, применяется в том же регионе: «Заставляя жителей бежать из своих домов в состоянии полного отчаяния, рассеивая их по соседним кланам и племенам, наполняя их сердца ненавистью к тому, что они считают “бесчестными” методами ведения войны, эти атаки производят именно тот политический эффект, которого в наших же интересах стоит избегать. А именно глубокое озлобление пограничных племен, которые уверенно от нас отдаляются»¹⁷³.

Как туманно выражается Ангелина Магиннесс, офицер разведки при штабе командования специальными операциями, с учетом «исторических уроков контроля с воздуха, которые подсказывает опыт Королевских ВВС, *интересно*, что некоторые выдающиеся теоретики военно-воздушных сил сегодня предлагают этот вариант в качестве альтернативы массированного использования наземных сил в антиповстанческой стратегии»¹⁷⁴. Она выдвигает еще более конкретные упреки против сторонников аэроцентричной модели, обвиняя их в фундаментальном непонимании самой сути антиповстанческой стратегии: «Мейлинджер не в состоянии понять подлинной природы восстания и борьбы с ним. Если во время операций их центром притяжения является население и если это население проживает, действует и отождествляет себя с наземной средой, то глупо считать, что США могут изменить характер антиповстанческой войны в указанном направлении и не потерпят при этом поражения... Восстание по своей природе главным образом направлено на территорию; из чего с необходимостью следует, что антиповстанческие кампании должны иметь ту же направленность»¹⁷⁵.

Метафизический спор между небом и землей: можно ли возвести антиповстанческую войну в ранг аэрополитики, не утратив ее духа? Конечно же, есть риск, что в ходе операции стратегия и политика вместе с ней потеряются за облаками.

Сторонники антиповстанческой войны при помощи дронов утверждают, что им удалось избежать традиционных недостатков за счет технического прогресса. Конечно же, в прошлом применение авиации «с негативным эффектом от неточного оружия и сопутствующими потерями имело больше недостатков, чем тактических преимуществ»¹⁷⁶. Но именно этот досадный исторический опыт, продолжают они, породил веру в «триумф, согласно

которому бороться с повстанцами означает “топтать землю сапогом” и воздушная мощь контрпродуктивна»¹⁷⁷. Но все это уже позади: дрон является продуктом высоких технологий. Двойная революция пристального взгляда и точного выбора цели уже отправила, утверждают они, все эти возражения на свалку истории.

Проблема лжи в политике, предупреждала Ханна Арендт, заключается в том, что лжец в конечном счете начинает верить собственной лжи¹⁷⁸. Подобное ощущение возникает и в нашем случае, мы можем констатировать что-то вроде феномена дискурсивной аутоинтоксикации. Постоянно повторяя, что удары с дронов настолько хирургически точны и имеют крайне незначительные побочные эффекты, их сторонники, похоже, сами начинают верить в исчезновение мощнейшего обратного эффекта. Но факты упрямы, они говорят об обратном.

Дэвид Килкуллен совершенно не похож на пацифиста. Бывший советник генерала Петреуса в Ираке, сегодня в США он считается одним из главных специалистов по антиповстанческой войне. В 2009-м он в соавторстве с Андрю Макдональдом Экзамом опубликовал в *The New York Times* обращение, в котором призвал к мораторию на удары при помощи дронов в Пакистане¹⁷⁹. Вердикт обоих авторов однозначен: подобные операции опасны и контрпродуктивны для американских интересов. Обольщаясь кратковременными тактическими успехами, они забывают, что за них придется дорого заплатить в стратегической перспективе.

Во-первых, отмечают они, эти удары приводят к тому, что гражданское население бросается в объятия экстремистских группировок, которые кажутся им «менее отвратительными, чем безликий враг, который воюет на расстоянии и чаще убивает мирных жителей, чем бойцов»¹⁸⁰. Они добавляют: «Стратегия использования дронов схожа с французскими авиабомбардировками во время алжирских кампаний в пятидесятые годы и методами “контроля с воздуха”, которые британцы использовали в двадцатые годы в регионе, который называется пакистанскими племенными территориями. Этот феномен имеет исторический резонанс... который заставляет местное население верить в преемственность колониальной политики, в виде атак при помощи дронов»¹⁸¹.

Во-вторых, эта ненависть и устойчивая радикализация общественного мнения не ограничиваются регионом нанесения ударов:

в глобализованном мире вооруженное насилие находит отголосок в самых разных странах. И разделяемая повсеместно оценка этой вызывающей отвращение мощи сводится к тому, что она в одно и то же время труслива и высокомерна. Берегитесь расплаты.

В-третьих, что самое главное: «Использование дронов имеет все черты *тактики, или, точнее, технологического элемента, который начинает подменять собой стратегию*»¹⁸². Поэтому их общий диагноз: повсеместно используя гаджет вместо того, чтобы выработать настоящую стратегию, государственный аппарат рискует стремительно оглупеть.

В этих внутренних американских дебатах решается что-то по-настоящему важное: понимание *политики*, ни больше ни меньше. Чтобы понять, какой именно, необходимо вкратце набросать частичную генеалогию доктрин, которые они пытаются переработать.

Те, кто, подобно некоторым французским теоретикам, пытались описать революционную стратегию, не раз открывали книги Мао, Че Гевары и прочих. Из своего поверхностного знакомства с революционными теориями они вынесли один важнейший для их собственных построений тезис: борьба — это в первую очередь политика. Галула, преподававший в военных школах за океаном после службы в Алжире, сжато сформулировал полученные уроки в канонической формуле: «Война за население — самая общая характеристика контрреволюционной войны»¹⁸³. Подобно герилье, антиповстанческая война — прежде всего война политическая. Ее центр тяжести приходится на население, которое нужно одновременно заставить не солидаризироваться с противником и победить его в интересах этого населения. Стратегической целью подобной войны является маргинализация противника, лишение его народной поддержки¹⁸⁴. Как только это удастся сделать, победа в кармане.

Для тех, кто принимает эту концепцию, как, например, для Килкуллена, антагонизм между восстанием и антивосстанием сводится к «борьбе за контроль над спорным политическим пространством»¹⁸⁵. А это сложно делать извне. Чтобы вернуть контроль над территорией, одновременно географической и политической, нужно ее занимать. Территорию нельзя контролировать вертикально, с воздуха, а только горизонтально — на суше. Поскольку

настоящая «территория» является человеческой, то есть относится к самому населению, то начинать надо с того, что оно думает, во что верит и как воспринимает происходящее. Искусство антиповстанческой борьбы является искусством «“политической войны”», в которой восприятие ее политических результатов гораздо важнее тактических успехов на поле боя»¹⁸⁶, именно осязаемые политические эффекты военных операций на само население, которое является причиной конфликта, определяют уместность применяемых тактик и вооружения. Покорять, по расхожей формуле, «умы и сердца и населения» означает, помимо прочего, применение широкого арсенала «военных, политических, экономических и гражданских средств»¹⁸⁷, в число которых совсем не обязательно входит прямая сила. Эти замечательные слова, разумеется, отсылают к связанным с ними историческим практикам.

В конечном счете, не подобная ли *военно-политическая* трактовка антиповстанческой войны, парадоксальным образом наследующая марксистки-революционной трактовке вооруженного насилия, заставляет сегодня сторонников традиционной демоцентричной и наземно-центричной доктрины отказывать дрону в праве называться исключительным орудием американской антиповстанческой войны? Когда Килкуллен выступает против технологического фетишизма дрона, он делает это, держа в уме стратегическую концепцию в духе Галула: «На оперативном уровне борьба с восстанием является соревнованием различных лагерей, каждый из которых старается мобилизовать население для борьбы за свое дело. Целью остаются люди»¹⁸⁸.

С точки зрения специалистов по антиповстанческой борьбе, происходит именно опасное изменение парадигмы, которая делает уязвимой как стратегию американской армии, так и ее институциональное положение внутри этой парадигмы: дронизация различных операций на самом деле означает победу *контртеррористической* парадигмы над антиповстанческой.

В самом начале, объясняют они, обе парадигмы были практически синонимами, отличался лишь способ их применения. Ярлык «антитеррор» чаще всего использовался в связи с негативными коннотациями «террора» в пропагандистских целях, как риторическое средство делегитимировать враждебные повстанческие движения противника¹⁸⁹. Что и произошло

в семидесятые годы в Европе, когда в ответ на действия RAF и Красных бригад антитеррор постепенно становился все более автономным, превращаясь в отдельную парадигму, порывая с ограничениями, которые накладывали на него традиционные доктрины антиповстанческой борьбы. Различия между ними весьма существенны.

Тогда как антиповстанческая борьба по определению является военно-политической, антитеррор является полицейски-секуритарным. Это принципиальное различие в ориентации проявляется в их важнейших чертах.

Прежде всего, в различном восприятии врага. Там, где первая парадигма рассматривает повстанцев как «выдвигающих принципиальные требования, назревших в определенном обществе», причину которых нужно попытаться понять, чтобы успешнее с ними сражаться, вторая, навешивая на них ярлык террористов, воспринимает их как «аберрантных индивидов», опасных личностей, если не просто сумасшедших или чистое воплощение зла на земле.

Попав в эту категорию, они воспринимаются не как политические противники, над которыми нужно одержать верх, а как преступники, которых нужно арестовать или уничтожить. Там, где антиповстанческая стратегия стремится прежде всего «привести к краху стратегии повстанцев вместо арестов тех, кто совершил определенные действия»¹⁹⁰, антитеррор поступает с точностью до наоборот: его полицейская логика индивидуализирует проблему и ограничивает свои задачи к нейтрализации максимального числа подозреваемых в каждом конкретном случае. Там, где антиповстанческая борьба является децентрализованной, антитеррористические действия индивидоцентричны. Речь идет не о том, чтобы развести противника и население, а исключительно о том, чтобы перевести его в состояние, когда он больше не может нанести вред. Решение в каждом конкретном случае сводится к их преследованию в отрыве от любых социальных и геополитических причин, выражением которых они являются. Анализ растворяется на фоне категорий типично полицейского понимания вещей.

Морализаторский и манихейский по своему характеру, антитеррор отвергает всякий реальный анализ одновременно

причин враждебности и того воздействия, который она оказывает. Дихотомия добра и зла теперь уже не просто риторический мотив, она навязывает себя в качестве аналитической категории, подменяя собой понимание сложности стратегических отношений. Там, где антиповстанческая стратегия наравне с грубой силой предлагает компромисс или определенные дипломатические шаги, давление и принуждение к согласию, антитеррор исключает всякое политическое разрешение конфликта. «Мы не ведем переговоров с террористами» — это девиз принципиально астратегического образа мысли.

Дронизированная охота на человека является триумфальной победой, одновременно практической и доктринальной, антитеррора над антиповстанческой борьбой. В этой логике счет убитых и список охотничьих трофеев заменяет собой стратегическую оценку политических эффектов вооруженного насилия. Успех измеряется статистикой. Их оценка больше никак не связана с их реальным эффектом на практике.

Сторонники традиционной доктрины обеспокоены: они полагают, что эта смена приоритетов в средне- и долгосрочной перспективе приведет к стратегической катастрофе с точки зрения американских интересов. Разумеется, дроны могут стирать тела противников в порошок на расстоянии, но совершенно не годятся для того, чтобы «завоевывать умы и сердца». Как пишет Питер Матулич: «Использование дронов в настоящий момент для нанесения ударов по террористам в Пакистане полностью противоречит доктрине эффективной антиповстанческой войны, которую США выработали за последние десять лет... операции с использованием дронов имеют лишь ограниченную пользу, если не вообще контрпродуктивны. Дроны не способны добиваться решения децентрализованных задач антиповстанческой войны. Их использование в операциях по “подрезке” производит крайне негативное воздействие, приводя, помимо прочего, к сопутствующим потерям и милитаризации местного населения. Они не только настраивают население против нас, но и готовят почву для новых восстаний»¹⁹¹.

Свидетельство одного из лидеров «Талибана» в Пакистане, Байтуллы Мехсуда, служит иллюстрацией правдоподобности этого утверждения: «Я потратил три месяца на вербовку

и с трудом нашел человек десять-пятнадцать. После единственной атаки американцев у меня было сто пятьдесят добровольцев»¹⁹². Схема «действие — расправа», которая напоминает азы повстанческой тактики, похоже, совершенно забыта американцами. Что удивительно, с учетом того, что она черным по белому прописана в их учебниках: «Конфронтация исключительно военными средствами в большинстве случаев контрпродуктивна; она создает риск роста озлобленности населения, появления мучеников и вовлечения его в круговорот мести»¹⁹³. Но можно ли на самом деле говорить о забвении?

Можно, если только речь не идет о чем-то еще. Все вполне может так обстоять, как полагают апологеты традиционной доктрины, и изменения, предлагаемые стратегами воздушной мощи, на самом деле куда более радикальны: они призывают к полному отказу от политической компоненты классической антиповстанческой теории. Данлап с особой настойчивостью подчеркивает, что официальная доктрина тратит совершенно непропорциональные усилия для того, чтобы завоевать «умы и сердца при помощи оккупационных войск»¹⁹⁴. Потому что, доказывает он, «не стоит недооценивать роль силы для устранения непримиримых повстанцев»¹⁹⁵. «Даже если исторически часто обсуждалось воздействие... воздушной мощи на население враждебных наций, сегодня вопрос стоит иначе: в фокусе находится психологическое воздействие на самих повстанцев, а не на гражданское население»¹⁹⁶.

Мы видим перераспределение приоритетов и появлении схемы, в которой эффективность определенной политики, направленной на запугивание и полное уничтожение, отныне будет важнее политического эффекта, производимого на население. Дроны восстанавливают население против нас — и что с того? Кого волнуют «умы и сердца» вазиристанских крестьян или им подобных? В любом случае, в отличие от старых колониальных войн, целью больше не является контроль территории, а всего лишь дистанционное уничтожение «террористической угрозы».

В этой перспективе массовое использование дронов приобретает иной смысл. Тактическая ограниченность воздушного оружия старого типа, отмечает специальный советник ВВС Ричард

Андерс, заключалась в том, что оно не могло уничтожить противника настолько быстро, чтобы он не мог восполнить свои потери за счет мобилизации»¹⁹⁷. Необходимо читать между строк для понимания того, что армада дронов — охотников-убийц уже сегодня обладает необходимыми качествами: выиграть гонку на время и уничтожать людей по крайней мере с той же скоростью, что их будут набирать. Стратегическая схема антиповстанческой войны наконец прояснена: как только вырастает одна голова, ее немедленно срубают. И неважно, что эта профилактическая мера имеет пагубные последствия, закручивая бешеную спираль репрессивных мер и провоцируя новую мобилизацию. В подобной перспективе *возражения* о том, что удары будут контрпродуктивны и позволят противнику, в соответствии с классической схемой борьбы с репрессиями, проводить успешную мобилизацию, утрачивают свою силу. Неважно, как противник пополняет свои силы, потому что теперь их можно регулярно нейтрализовать по мере того, как к нему присоединяются все новые рекруты. Их будут выкашивать снова и снова. Это не что иное, как схема бесконечного эрадикационизма*. Как только антитеррор берет верх над антиповстанческой борьбой, ее удовлетворительным результатом, надо понимать, становится достаточно регулярное устранение возникающих угроз в режиме запланированной жатвы: «...убивайте их в достаточном количестве, и угроза исчезнет. Но “kill list”... никогда не станет короче, просто одни лица и имена заменят другими»¹⁹⁸. В этой бесконечной спирали стратегия искоренения парадоксальным образом обречена на то, чтобы никогда ничего не искоренять. Сама динамика этих пагубных последствий никогда не позволит ей обезглавить гидру, которую она без конца собственноручно оживляет за счет эффектов своей собственной негативности.

Сторонники дрона как привилегированного орудия «антитеррора» обещают войну без потерь и поражений. Они забывают уточнить, что это будет война без победы. Вырисовывается сценарий бесконечного насилия, из которого нет выхода. Парадокс неуязвимой власти, ведущей войны, в которых нельзя одержать победу. Она движется к вечной войне...

* От *eradiquer* (франц.) — искоренять.

163 Dexter Fikins, “U.S. Tightens Airstrike Policy in Afghanistan”, *New York Times*, 21 June 2009.

164 *Че Гевара Э.* Партизанская война / пер. с исп. А. Тарасова. М.: Иностранная литература, 1961. С. 25.

165 Philip S. Meilinger, “Counterinsurgency from Above”, *Air Force Magazine* 91, no. 7 (July 2008): 39.

166 *Шмитт, К.* Теория партизана / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2007. С. 36.

167 Человек, произнесший эти слова, Маулви Абдулла Хэджази, был крестьянином, который отреагировал на американские удары. Цитируется по: Barry Bearak, “Death on the ground, U.S. Raid Kills Unknown Number in an Afghan Village”, *New York Times*, 13 October 2001.

168 Charles J. Dunlap, “Air-Minded Considerations for Joint Counterinsurgency Doctrine”, *Air and Space Power Journal*, Winter 2007, 65.

169 Charles J. Dunlap, “Making Revolutionary Change: Airpower in COIN Today”, *Parameters*, Summer 2008, 58.

170 Цитируется там же. С. 58.

171 Ibid.

172 Angelina M. Maguinness, “Counterinsurgency: Is ‘Air Control’ the Answer?”, *Small Wars Journal*, June 2009, smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/261-maguinness.pdf

173 F. S. Keen, “To What Extent Would the Use of the Latest Scientific and Mechanical Methods of War Affect the Operations on the North-West Frontier of India?”, *Journal of the United Service Institution of India* 53, no. 233 (1923): 400, цитируется по: Andrew Roe, “Aviation and Guerilla War: Proposals for ‘Air Control’ of the North-West Frontier of India”, *Royal Air Force Power Review* 14 no. 1 (2011): p. 55. See also Derek Gregory, “From a View to a Kill: Drones and Late Modern War”, *Theory, Culture & Society* 28, nos. 7–8 (2011): 189.

174 Maguinness, “Counterinsurgency”. Курсив мой. — Г. III.

175 Ibid.

176 Richard Andres, “The New Role of Air Strike in Small Wars: A Response to Jon Compton”, *Small Wars Journal*, July 2008, smallwarsjournal.com/blog/the-new-role-of-air-strike-in-small-wars

177 Арендт предупреждала: «В области политики, где секретность и умышленный обман всегда играли значительную роль, самообман опасен по определению; обманщик, обманывающий самого себя, теряет всякий контакт не только со своей аудиторией, но и с реальным миром, который все равно его настигнет, так как он может избежать этого мира только умозрительно, но не физическим образом». Hannah Arendt, “Lying in Politics”, цитируется по:

- Crisis of the Republic. New York, Harcourt, Brace, Jovanovich, 1989, p. 36.
- 178 David Kilcullen and Andrew McDonald Exum, “Death from Above, Outrage Down Below”, New York Times, May 17, 2009.
- 179 Ibid.
- 180 Ibid.
- 181 Ibid.
- 182 David Galula, Contre-insurrection. Théorie et pratique, Economica, Paris, 2008, p. 16.
- 183 David Kilcullen, “Counterinsurgency Redux”, Survival 48, no. 4 (December 2006): 117.
- 184 Ibid. P. 113.
- 185 David Kilcullen, Counterinsurgency, Oxford, Oxford University Press, 2010, p. 188.
- 186 “Counterinsurgency”, цитируется по: Joint Publication 1-02 Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms, 2010, 69.
- 187 Kilcullen, “Counterinsurgency Redux”, 6.
- 188 Kilcullen, Counterinsurgency, 186.
- 189 Ibid. P. 187.
- 190 David Kilcullen, “Countering Global Insurgency”, Journal of Strategic Studies 28, no. 4 (August 2005): 605.
- 191 Peter Matulich, “Why COIN Principles Don’t Fly with Drones”, Small Wars Journal, February 2012, smallwarsjournal.com/jrnl/art/why-coin-principles-dont-fly-with-drones
- 192 Цитируется по: Shuja Nawaz, FATA-A Most Dangerous Place: Meeting the Challenge of Militancy and Terror in the Federally Administered Tribal Areas of Pakistan, Center for Strategic and International Studies, January 2009, 18, csis.org/files/media/csis/pubs/081218_nawaz_fata_web.pdf
- 193 Joint Publication 3-24, Counterinsurgency Operations, October 5, 2009, xv.
- 194 Dunlap, “Making Revolutionary Change”, 60.
- 195 Ibid.
- 196 Ibid. P. 59.
- 197 Andres, “The New Role of Air Strike”.
- 198 Joshua S. Jones, “Necessary (Perhaps) but Not Sufficient: Assessing Drone Strikes Through a Counterinsurgency Lens”, Small Wars Journal, August 2012, smallwarsjournal.com/blog/necessary-maybe-but-not-sufficient-assessing-drone-strikes-through-a-counterinsurgency-lens

УЯЗВИМОСТИ

Эти мошенники продавали волшебное зелье,
которое делает неуязвимым на войне,
приносит удачу на охоте
и защищает от всякой опасности.

Шарль-Этьен Брассёр де Бурбур ¹⁹⁹

Великие мифы о неуязвимости — почти всегда истории поражения. Герой неуязвим, за исключением одного места. Ахилл повсюду «непроницаем для железа», разумеется, за исключением пятки. Зигфрид, искупавшийся в крови дракона, «покрыт кожей, столь же твердой, как чешуя, что устоит под ударами топора» ²⁰⁰, за исключением правого плеча, на котором отпечатался липовый лист. Геракл еще ребенком оборачивает Аякса в шкуру немейского льва, что делает его тело неуязвимым, за исключением подмышек, которые не соприкасались с шерстью хищника. В персидской мифологии Зороастр льет волшебную воду на голову Исфандияра, но тот делает ошибку, закрыв глаза, и Рустаму удастся его сразить, отправив роковую стрелу в правую глазницу. В северных преданиях Фригга, мать Бальдра, заставляет все существа, одушевленные и неодушевленные, не причинять вреда ее сыну. Клятву приносят все, кроме чахлого растения, которое не пригласили на совет....

Мифы как раз и говорят нам, что неуязвимость — всего лишь миф. Всегда есть слабое место, что-то непредвиденное, какой-нибудь дефект. Урок состоит не только в том, что неуязвимость не может быть абсолютной, но и в том, что всякая попытка ее достичь создает определенную уязвимость. Удерживая тело Ахилла, чтобы погрузить его в реку, Тетиды одновременно делает его неуязвимым и создает уязвимое место, которым становится именно то, за что его держат. Совершенно не исключая друг друга, придание неуязвимости и уязвимость отсылают друг к другу.

Это предварительное замечание можно рассматривать как правило метода: перед лицом противника, который кажется неуязвимым или считает себя таковым, найти дефект, отыскать ахиллесову пятю. Обнаружить, в чем и по какой причине уязвим

«неуязвимый». Схватка предполагает исследование, и это исследование неприятельского тела.

В Средние века, до того, как порох произвел переворот в социотехнических условиях жизни и смерти в бою, рыцарям, как считается, удалось «сделаться практически неуязвимыми таким образом, что они могли настолько плотно подогнать части своих доспехов, что ни копье, ни меч, ни кинжал не могли достать до их тела, сделав их настолько сильными, что ничто не могло их пробить»²⁰¹. Вследствие чего «неотъемлемой частью воинского искусства стал поиск дефектов брони как в битвах, так и в отдельных схватках»²⁰².

Между образом, который видят на своих экранах операторы дронов, и тем, что происходит на месте событий, имеется определенная задержка: это называется «латентностью сигнала». Пространство, которое, как считается, должно быть спрессовано техническими средствами, возвращается в виде несжимаемого временного интервала. Все, что операторы могут взять на прицел, является ускользящим образом уже не актуальной ситуации. The New York Times рассказывает, что мишени атаки пытаются играть на этой асинхронии: «...едва кому-то приходит в голову, что он может стать мишенью охоты при помощи дрона, он начинает перемещаться зигзагами»²⁰³.

Вопреки представлению о всемогуществе, которое он охотно поддерживает, дрон является весьма ненадежным оружием. У него есть масса уязвимостей. В первую очередь — технических.

Использование дронов предполагает контроль над воздушным пространством, в котором они задействованы. Это условие легко достижимо в условиях асимметричной войны, но если противник располагает эффективной противовоздушной обороной, то большая часть имеющихся дронов, как свидетельствует Дентула, просто-напросто «падают как мухи»²⁰⁴.

Помимо господства в воздухе, необходим контроль частот. В 2009 году в прессе появлялись сообщения о том, что иракские повстанцы смогли перехватить видео, переданное дроном Predator²⁰⁵. Чтобы совершить этот подвиг и взломать красу и гордость американского военпрома, им потребовалась всего лишь спутниковая антенна, а также программное обеспечение,

которое можно купить в интернете меньше чем за тридцать евро. Уверенные в своем техническом превосходстве, американские военные не приняли самых элементарных мер предосторожности, чтобы надежно закодировать свои сообщения. Израильская армия совершила похожий промах, внезапно осознав, что «Хезболла» за последние десять лет придумала способ перехватывать видео, передаваемые дронами, что, помимо всего прочего, позволило обнаруживать подразделения Цахала на земле, чтобы наверняка завлечь их в засаду²⁰⁶. Вооруженный надзор, сам того не ведая, одалживал свои глаза противнику. Одним из классических правил герильи является овладение оружием, доступным в ближайшем лагере. Это правило сегодня распространяется и на электромагнитную часть арсенала.

Если сигналы, которые *эмитируют* дроны, можно столь легко перехватить, то возможность перехвата потока данных, который ими управляет, не кажется чем-то невероятным. Воздушные пираты будущего будут действовать при помощи информатики — взломать код и установить контроль над аппаратом на расстоянии. Журнал Wired недавно обнаружил, что компьютерный вирус заразил компьютеры базы Крич, включая те, которые находятся в распоряжении операторов дронов²⁰⁷. Речь идет о шпионских программах типа кейлоггер, способных регистрировать нажатие клавиш и передавать их третьей стороне, воруя таким образом пароли. Это достаточно серьезная угроза, но можно рассматривать и другие сценарии. Компьютеризированное оружие надежнее поразить при помощи вируса, чем при помощи бомб.

Возможность использовать полностью роботизированные дроны может стать решением проблемы вероятного перехвата нитей управления. Что не устраняет иные дефекты безопасности. Чтобы перемещаться, эти устройства все время зависят от данных GPS, то есть от данных, поступающих со спутников, которые также можно фальсифицировать или перехватывать. Во время эксперимента, проведенного по заказу американских властей в 2012 году, группа исследователей из Университета Техаса продемонстрировала, с какой легкостью дрон может быть сбит таким образом. При помощи аппарата стоимостью около тысячи долларов команда исследователей послала ложный сигнал устройству: «Мы заставили дрон поверить в то, что

он резко взлетает»²⁰⁸. Автопилот, который должен регулировать высоту полета, отреагировал на это, направив аппарат в землю. Он бы разбился, если бы не вмешательство в последний момент.

Но у него есть не только технические дефекты. А еще и политико-стратегические. Пристрастие американцев к «войне без потерь», отмечали два китайских стратега в 1999 году, дает противникам США простое, быстрое и недорогое средство нанести поражение самой могущественной державе мира:

«Обычные американские солдаты, которые должны сражаться на поле боя, сегодня становятся главной ценностью на войне, чем-то вроде фарфоровых ваз, которые боятся разбить.

Все противники, которые уже сталкивались с американской армией на поле боя, вполне усвоили секрет успеха: если эту армию нельзя победить, необходимо убивать как можно больше высокопоставленных офицеров»²⁰⁹. Дронизация американской армии лишь усиливает эту стратегическую слабость. Поскольку военные покидают поле боя, агрессия противника направлена на более доступные мишени. Как объясняет американский военный, «мы должны понять, что попытки надежно защитить наши силы от всякой вражеской угрозы... приводят к тому, что “бремя риска” теперь лежит не на наших плечах, а исключительно на плечах тех, кто не располагает материальными средствами, чтобы нести его, а именно на гражданском населении»²¹⁰.

Парадокс в том, что сверхзащищенность военного персонала создает тенденцию к изменению традиционного распределения риска в обществе между солдатами, подвергающимися опасности, и мирными гражданами, находящимися под защитой.

Максимально увеличивая защиту жизни военных и делая неприступность «safe zone» * символом своего всемогущества, государство-дрон умышленно перенаправляет ответные действия против своего собственного населения²¹¹.

Подобный сценарий выглядит тем более вероятным, что действенность способа поддержания безопасности по принципу «проецировать силу, не проецируя уязвимости»²¹² основана на сомнительных посылах. Они предполагают, что возможно эффективное превращение «safe zone» в оплоты на своей

* Безопасной зоны (англ.).

территории; что опасность, угроза, враг могут быть надежно помещены во враждебную зону, с которой они никак не соприкасаются. Это притязание упирается в проблему неустранимой проницаемости границ. Не существует стены настолько высокой и препятствия настолько непреодолимого, чтобы гарантировать полную изоляцию «gated community» * в национальном масштабе.

Боевой дрон — оружие low-cost **, по крайней мере в сравнении с обычными боевыми самолетами. И на протяжении долгого времени это один из основных аргументов, которые приводят политикам представители военной индустрии. Но противоречие в том, что подобное оружие по своей природе производится во все больших количествах.

Чем занимается Френсис Фукуяма после «конца истории»? В свободную минутку он собирает в своем гараже небольшие дроны, а потом с гордостью выставляет их напоказ в своем блоге ²¹³. Он принадлежит к стремительно развивающейся субкультуре DIY *** — дронов, созданных в домашних условиях. Как и в случае бума авиамоделизма шестидесятых годов, сегодня существует небольшое сообщество любителей, которые покупают или собирают дроны для собственного удовольствия, что обходится им в несколько сот евро. Оснащенные микрокамерами, эти устройства позволяют снимать короткие и дикие любительские фильмы, порой завораживающей красоты. Первое, что приходит мне в голову, — подражающий птичьему полет в нью-йоркском небе: оторваться от Бруклинского моста, пронестись вдоль фасадов Скайлайн и в конце приземлиться на факеле статуи Свободы ²¹⁴.

Но если дрон может и должен служить мирным целям, то его вполне возможно за небольшую сумму переделать в самое настоящее неконвенциональное оружие. Русский исследователь Евгений Мясников видит в любительских дронах потенциал для «атак при по помощи смертников под стероидами»: в отличие от того, кто несет на себе пояс смертника, любитель-

* Закрытых сообществ (англ.).

** Малозатратное (англ.).

*** Do it yourself (англ.), здесь — самодельных.

ский дрон может с легкостью «проникнуть в пределы периметра безопасности, угрожать зонам ограниченного доступа вроде “зеленых зон” и добираться до общественных мест с большим скоплением людей, например до спортивных стадионов»²¹⁵.

В ноябре 2006 года, конфиденциальный рапорт американских спецслужб сообщал о новой технике, используемой повстанцами в Ираке. Носитель пояса смертника был оснащен камерой, которая напрямую передавала изображение его командирам. За счет этого оборудования «другой член террористической ячейки мог наблюдать за действиями потенциальной мишени самоубийственной атаки *посредством* миниатюрной камеры, установленной на его куртке. Еще один соучастник мог убедиться, что это лицо подобралось достаточно близко к обозначенной цели, чтобы произвести взрыв. Если ему не удавалось это сделать, наблюдатель мог активировать взрывчатку дистанционно»²¹⁶. Так изобретается человеческий дрон: человек, дистанционно управляемый другими людьми, имеющими возможность взорвать его в любой момент при помощи дистанционно управляемого устройства. Ирония в том, что благодаря камерам, также установленным на шлемах их солдат, вражеское командование увидит на своих мониторах, как некто приближается и производит подозрительные действия. По ослепительной белизне, которая заполнит экраны их мониторов, они узнают, что их люди погибли. Если все уже зашло настолько далеко, то следующим этапом совершенствования искусства покушения станет экономия на носителе бомбы: то есть переход от дронизированного партизана к обычному дрону.

- 199 Brasseur de Bourbourg, Histoire du Canada, I, Paris, Plancy, 1852, p. 21.
- 200 Louis de Baecker, De la langue néerlandaise, Paris, Thorin, 1868, p. 40.
- 201 Felice, Encyclopédie ou Dictionnaire universel raisonné des connoissances, tome III, 1781, Yverdon, p. 570.
- 202 Ibid.
- 203 Mark Mazzetti, “The Drone Zone”, New York Times, July 6, 2012.
- 204 “DoD News Briefing with Lt. Gen. Deptula and Col. Mathewson from the Pentagon”, July 23, 2009, www.defense.gov/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=4451
- 205 Siobhan Gorman, Yochi J. Dreazen and August Cole, “Insurgents Hack U.S. Drones”, Wall Street Journal, December 17, 2009.
- 206 UPI, “Israel Encrypts UAVs as Cyberwar Widens”, June 12, 2012.
- 207 Noah Shachtman, “Computer Virus Hits U.S. Drone Fleet”, Wired, July 10, 2011.
- 208 Lorenzo Franceschi-Bicchierai, “Drone Hijacking? That’s Just the Start of GPS Troubles”, Wired, July 6, 2012.
- 209 Qiao Liang and Wang Xiangsui, Unrestricted Warfare. Panama City, Pan American Publishing, 2002, p. 93.
- 210 Trent A. Gibson, “Hell-Bent on Force Protection: Confusing Troop Welfare with Mission Accomplishment in Counterinsurgency”, master’s thesis, Marine Corps University, Quantico, VA, 2009, 6.
- 211 Mike Davis, Buda’s Wagon: A Brief History of the Car Bomb, London, Verso, 2007, 190.
- 212 К принципу исключения смертельного риска в зоне конфликта добавляется принцип обеспечения безопасности оперативных баз: «Территория США должна оставаться безопасной базой, действуя из которой ВВС может проецировать власть в глобальном масштабе». Steven M. Rinaldi, Donald H. Leatham, and Timothy Kaufman, “Protecting the Homeland Air Force: Roles in Homeland Security,” Aerospace Power Journal, Spring 2002, 83.
- 213 Francis Fukuyama, “Surveillance Drones, Take Two”, Democracy, Development, and the Rule of Law (blog), September 12, 2012, blogs.the-american-interest.com/fukuyama/2012/09/20/surveillance-drones-take-two
- 214 См. видео Team Black Sheep от 30 ноября 2010 года на YouTube: www.youtube.com/watch?v=M9cSxEqKQ78 и сайт Team Black Sheep: www.team-blacksheep.com
- 215 “Terrorists’ Unmanned Air Force”, Defensetech, May 1, 2006, defensetech.org/2006/05/01/terrorists-unmanned-air-force. Дэнис Гормли считает, что наиболее вероятным сценарием будет превращение «игрушечных самолетов и прочих гражданских воздушных машин в “БПЛА для бедных”». Dennis Gormley, “UAVs and Cruise Missiles

as Possible Terrorist Weapons”,

Occasional Paper no. 12, Center

for Nonproliferation Studies, 2003, 8.

216 Report DIIR SCID 010-17-0410,

November 2006. См.: “Iraq War Logs:

Al Qaida’s New Suicide Bombing

Tactics”, The Guardian, October 22,

2010, [www.guardian.com/world/iraq/](http://www.guardian.com/world/iraq/warlogs/C39190D3-0310-47E3-)

warlogs/C39190D3-0310-47E3-

A50A-27B20C4A81B

II ЭТОС И ПСЮХЕ

Для меня робот —
наш ответ террористам-смертникам.

Барт Эверрет²¹⁷

Вальтер Беньямин рассуждал о дронах, этих радиоуправляемых самолетах, которые военные теоретики представляли себе уже в середине тридцатых годов²¹⁸. Пример был необходим ему для иллюстрации различия между «второй техникой», характерной для индустриальных обществ, и «первой техникой», уходящей корнями в доисторические времена. Их разделяет, полагал он, не столько отставание или архаизм первой по отношению ко второй, сколько «разница в устремлениях»: «Первая старалась максимально задействовать человека, тогда как вторая — минимально. Подвиг первой, если можно так выразиться, состоит в человеческом самопожертвовании, а вторая представлена беспилотным самолетом, который управляется при помощи радиоволн»²¹⁹.

С одной стороны — техника самопожертвования, с другой — техника игры. С одной стороны — полноценное участие, с другой — его полное отсутствие. С одной — уникальность жизненного акта, с другой — равнодушное воспроизведение механического жеста: «*В первый раз, как в последний* — таков был девиз первой техники (а также ее неисправимый недостаток или пожертвование жизнью как пример на все времена). *Один раз ничего не значит* — девиз второй техники (целью которой является воспроизведение своего опыта, постоянно его изменяя)»²²⁰. С одной стороны — камикадзе или тот, кто совершает самоубийственную атаку, разрушаясь однажды и навеки во время единственного взрыва, с другой — дрон, который запускает свои ракеты как ни в чем не бывало.

Превращение в камикадзе означает полное слияние тела бойца с его оружием, дрон гарантирует их радикальное разделение. Камикадзе: мое тело — это оружие. Дрон: у моего оружия нет тела. Первое подразумевает смерть действующего лица. Второе ее полностью исключает. Пилоты дронов — это люди, чья смерть невозможна. В этом смысле они представляют

противоположные полюса в диапазоне смертельного риска. Между ними находятся классические бойцы — люди, подвергающие себя смертельному риску.

Говорят о «suicide bombing», «взрывах террористов-смертников», но как назвать их смысловую противоположность? Не существует специального выражения для обозначения того, кто может убить при помощи взрыва, никогда не рискуя собственной жизнью. У них не только нет *необходимости* рисковать своей жизнью, чтобы совершить убийство, для них *невозможно* умереть, убивая других.

Вопреки эволюционистской схеме, которую Бенъямин использует исключительно для того, чтобы основательнее ее опровергнуть, камикадзе и дрон, оружие самопожертвования и оружие самосохранения, не следуют друг за другом в хронологическом порядке, подобно тому, как история вытесняет доисторическую эпоху. Они как раз возникают одновременно, как две противоположные тактики, будучи исторически ответом друг на друга.

В середине тридцатых годов инженер фирмы RCA, специализирующейся на радиосвязи, прочел статью о японской армии, которая его всерьез обеспокоила. Он узнал, что японцы начали формирование эскадрилий пилотов-смертников. Задолго до никем не предвиденной трагедии Перл-Харбора, Зворыкин осознал степень угрозы: «Эффективность этого метода, разумеется, еще предстоит продемонстрировать, но если войска можно подготовить психологически, то он станет опаснейшим оружием. Поскольку мы с трудом можем себе представить, что подобные методы будут внедрены в нашей стране, мы должны использовать наше техническое превосходство, чтобы решить эту проблему»²²¹. В США уже имелись прототипы «радиоуправляемых самолетов», которые можно было использовать в качестве воздушных торпед. Проблема была в том, что эти радиоуправляемые устройства действовали вслепую: они «теряли в эффективности, как только исчезал визуальный контакт с направлявшей их базой. Японцы, очевидно, нашли решение этой проблемы». Их решением стал камикадзе: поскольку у пилота были глаза и он был готов к смерти, то вполне мог довести свой аппарат непосредственно до цели.

Но работавший на RCA Зворыкин также был одним из пионеров телевидения. В этом и состояло решение: «Возможный способ добиться практически таких же результатов, что и пилот смертник, — оснастить радиоуправляемую торпеду электрическим глазом»²²². В этом случае оператор сможет видеть мишень до самого конца и визуально направлять снаряд вплоть до точки соприкосновения, управляя им дистанционно.

В кабине самолета останется только электрическая сетчатка пилота, а его тело будет перемещено в другое место, вне досягаемости противоздушной обороны противника. Вместе с принципом совмещения телевидения и дистанционного управления Зворыкин открыл формулу того, что позже превратится одновременно в *smart bomb** и боевой дрон.

Текст Зворыкина примечателен именно тем, что в нем дается одно из первых теоретических определений дрона как *антикамакадзе*. Не только с точки зрения логики, но и тактики: это оружие, которое является одновременно средством от камикадзе и его звездой-близнецом. Дроны и камикадзе являются двумя противоположными практическими решениями одной и той же проблемы, а именно доведения снаряда до цели. То, чего японцы стремились добиться за счет превосходства своей морали самопожертвования, американцы добьются за счет своего материального первенства в области технологий. То, чего японцы надеялись добиться за счет психологических тренировок и морали героического самопожертвования, будет реализовано американцами чисто техническими средствами. Концептуальный генезис дрона находится в контексте этико-технической экономии жизни и смерти, в которой технологическая власть заменяет неизбежное самопожертвование. Там, где, с одной стороны, будут доблестные воины, готовые пожертвовать собой ради общего дела, с другой — будут всего лишь призрачные устройства.

Сегодня мы снова сталкиваемся с этим антагонизмом между камикадзе и дистанционным управлением. Атаки смертников против атак призраков. Это противоположность прежде всего экономическая. Она противопоставляет тех, кто располагает

* Умная бомба (англ.).

капиталом и технологиями, тем, у кого для сражения нет ничего, кроме собственного тела. Двум этим материальным и тактическим порядкам соответствуют два порядка этических — этика героического самопожертвования, с одной стороны, этика жизнеутверждающего самосохранения — с другой.

Дроны и камикадзе отвечают двум противоположным основаниям нравственного чувства. Два этоса отражаются словно в зеркале, и каждый является одновременно антитезой и кошмаром другого. В этом различии важно, по крайней мере на первый взгляд, определенное отношение к смерти, своей и чужой, к самопожертвованию или самосохранению, опасности и отваге, уязвимости и разрушительной силе. Две политические и аффективные экономии отношения к смерти, той, которую мы несем, и той, которая нам угрожает. Но также две противоположные идеи ужаса, два его видения.

Ричард Коэн, автор редакционной статьи в *The Washington Post*, поделился своим видением ситуации: «Что касается бойцов “Талибана”, то они не ценят свою жизнь и ни за грош расстаются с ней в ходе атак смертников. Сложно представить себе американского камикадзе»²²³. Он настаивает: «Американских камикадзе не существует. У нас нет иступленного почитания атак смертников, мы не устраиваем перед камерой детские парады, чтобы другие дети завидовали потере близкого родственника. Нам это неприятно. Это приводит нас в оцепенение. Это по-настоящему отвратительно»²²⁴. И самодовольно добавляет: «Возможно, мы стали слишком ценить жизнь».

Что означают все эти «неприятно», «приводит в оцепенение», «отвратительно» по отношению к готовности умереть в борьбе и прославлять подобную смерть? Старый идол самопожертвования в бою был низвергнут со своего пьедестала и пал в объятия врага, став отвратительным пугалом и поводом для того, что проявить моральную брезгливость. Самопожертвованию, гнусному и непостижимому, которое немедленно расценивается как презрение к жизни, забывая о том, что оно в первую очередь связано с презрением к смерти, противопоставляется этика любви к жизни, идеальным воплощением которой, разумеется, будет дрон. И завершающий штрих этого позерства: оказывается, «мы» ценим жизнь настолько, что порой, возможно, заходим

в этом слишком далеко. Избыток любви, который был бы вполне простителен, если бы так не напоминал самолюбование.

Вопреки заявлениям автора, «мы» ценим именно *наши* жизни, а не жизнь *как таковую*. Если нельзя представить себе американского камикадзе, это слепое пятно на карте воображимого, то именно потому, что он был бы оксюмороном. В этом случае жизнь не могла бы отрицать сама себя. На это у нее есть уважительная причина: она отрицает только жизнь других.

На вопрос журналиста, действительно ли палестинцы не заботятся о человеческой жизни, даже в том случае, когда это жизнь их близких, Эйяд Эль-Саррадж, возглавляющий программу душевного здоровья в Газе, ответил следующим образом: «Как вы можете верить в собственную человечность, если не верите в человечность своего врага?»²²⁵

Один кошмар вместо другого: почему убивать, не подвергая свою жизнь опасности, менее ужасно, чем в том случае, когда вы разделяете участь своих жертв? Почему оружие, позволяющее убивать без всякого риска, менее отвратительно, чем его полная противоположность? Жаклин Роз, указывая на то обстоятельство, что «бомбардировка при помощи кассетных бомб кажется западным лидерам не просто менее отталкивающей, а преподносится ими как свидетельство их морального превосходства», недоумевает: «Причина, по которой умереть вместе с вашей жертвой считается великим грехом по сравнению с сохранением вашей жизни в процессе убийства, совершенно не ясна»²²⁶. «Антрополог, прибывший с Марса», добавляет Хью Гастерсон, мог бы сразу заметить, что многие на Ближнем Востоке относятся к атакам американских дронов точно так же, как Ричард Коэн к террористам-смертникам. Атаки дронов повсеместно воспринимаются как трусливые, потому что пилот дронов убивает людей на земле, находясь в безопасном месте, в расположенном в Неваде коконе с кондиционером, без всякого риска быть убитым теми, кого он атакует»²²⁷.

Таляль Асад предполагает, что ужас, который вызывают террористы-смертники в «западных» обществах, вызван тем, что их исполнители своим действием априори блокируют механизм карательного правосудия: погибая вместе со своей жертвой, совмещая в одном криминальном акте преступление

и наказание, он делает само наказание невозможным, дезактивируя важнейший узел, необходимый для функционирования уголовного права²²⁸. Он никогда не сможет «заплатить за то, что сделал».

В ужасе, который внушает идея смерти, находящаяся в ведении беспилотных устройств, без сомнения, есть что-то похожее: «Оператор дрона, — добавляет Гастерсон, — зеркальное отражение террориста-смертника в том смысле, что он также не соответствует нашим фундаментальным представлениям о войне, хотя и в противоположном смысле»²²⁹.

217 Цитируется по: Peter W. Singer, *Wired For War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century*, Penguin, New York, 2009, p. 62.

218 Ранней мечтой было использование дистанционного управления для освобождения механики от всего органического, точности от ошибки и скорости от страха. В 1934 году генерал-майор Джон Фуллер рассматривал этот процесс в качестве телеологического принципа, который неизбежно приведет к созданию флотов самолетов-призраков: «Дисциплина, тренировки и мастерство могут снизить страх, но не полностью его устранить. Однако мне кажется, что следующим великим военным изобретением будет беспилотный самолет,

летающая бомба или торпеда, направляемая на цель беспроводным способом. Тогда, я думаю, мы увидим самую стремительную разновидность войны, которую только можно себе представить». John Frederick Charles Fuller, "Speed in Modern Warfare", цитируется по: Stephen King, Hall et al., *The Book of Speed* (London: Batsford, 1934), 138.

219 Walter Benjamin, *L'Œuvre d'art à l'époque de sa reproduction mécanisée*, *Ecrits français*, Gallimard, Paris, 1991, p. 148. Я выражаю признательность Марку Берде за эту ссылку.

220 Ibid.

221 Vladimir K. Zworykin, "Flying Torpedo with an Electric Eye" (1934), цитируется по: Television, ed. Arthur

F. Van Dyck, Robert S. Burnap, Edward T. Dickey, and George M. K. Baker (Princeton: RCA, 1947), 4: 360.

222 Ibid.

223 Richard Cohen, “Obama Needs More Than Personality to Win in Afghanistan”, Washington Post, October 6, 2009.

224 Richard Cohen, “Is the Afghanistan Surge Worth the Lives That Will Be Lost?”, Washington Post, December 8, 2009.

225 “Suicide Bombers: Dignity, Despair and the Need for Hope Interview with Eyad El Sarraj”, Journal of Palestine Studies 31, no. 4 (Summer 2002): 74, цитируется по: Jacqueline Rose, “Deadly Embrace”, London Review of Books, November 4, 2004, 21–24, www.lrb.co.uk/v26/n21/jacqueline-rose/deadly-embrace.

226 Rose, “Deadly Embrace”.

227 Hugh Gusterson, “An American Suicide Bomber?”, Bulletin of the Atomic Scientists, January 20, 2010, www.thebulletin.org/americansuicide-bomber. Таяль Асад добавляет: «Поскольку военные вторжения западных держав продолжают эту колониальную традицию, должно

быть очевидно, что их первичной целью является не защита жизни как таковой, а поощрение определенных человеческих существ и превращение остальных в преступников». Talal Asad, On Suicide Bombing, New York, Columbia University Press, 2007, p. 36.

228 «Так что же происходит, если несущий смерть умирает по собственной воле в момент самого преступления? Или, другими словами, если преступление и наказание сведены воедино?.. Месть всегда оправдывается тем, что она лишь наносит ответный удар, поэтому требуется, чтобы преступление и наказание были разнесены во времени. Но когда это не представляется возможным, как, например, в случае атаки террориста-смертника, этот фундаментальный смысл тождества — свидетеля, который отождествляется с мертвецом и зависит от карающего правосудия, — может быть поставлен под угрозу, его вполне может охватить ужас». Asad, On Suicide Bombing, p. 90.

229 Gusterson, “An American Suicide Bomber”.

«ПУСКАЙ УМРУТ ДРУГИЕ»

Можешь бежать,
ты всего лишь умрешь запыхавшись.

Футболка, прославляющая дрон Predator

Один военный теоретик в начале XX века описывал умонастроения, царившие в экипажах первых боевых подводных лодок в эпоху, когда еще не был изобретен радар и корабли на водной поверхности были совершенно не способны обнаружить их присутствие: «Они были неуязвимы. Война была для них чем-то вроде игры, спорта или охоты, во время которой им не оставалось ничего другого, как, призвав смерть и направив ее в нужном направлении, наблюдать за зрелищем агонии своих жертв. Они же в это время были в недосягаемости для атаки и, вернувшись в порт, предавались рассказам о своих охотничьих подвигах»²³¹.

Благодаря новейшим достижениям, дрон дает своим операторам еще большее ощущение неуязвимости. Сегодня, как когда-то давно, вместе с радикальным дисбалансом в области смертельного риска, изменяется определение структуры отношений враждебности, смысл того, что называется «быть на войне». Полностью отказываясь от модели битвы, война становится чем-то иным, «насилием» другого порядка. Она сводится к бойне или охоте. С врагами больше не сражаются, их отстреливают, как кроликов.

В XVI веке книга образов смерти представляла вооруженного воина, который сражается со скелетом — самой смертью, — как аллегория смехотворной борьбы, бессмысленности с самого начала проигранной битвы, ведь то, что мертво, умереть не может. Смерти некуда торопиться, а глаза солдата, с которым она сошлась в бою, уже пусты.

Сегодня операторы дронов охотно принимают эти классические образы на свой счет. На гербе дрона MQ9 Reaper изображена Смерть с косой, угрожающим оскалом и каплями крови, окропляющими девиз «Пускай умрут другие».

В этом, конечно, нет ничего нового. Всякий раз, когда экономическое неравенство, как пишет Вольтер, приводит к тому, что «достаточно богатый становится практически неуязвим на войне»²³², это делает процесс убийства односторонним. Начиная с того момента, когда один из лагерей за счет подавляющего технического превосходства своего оружия становится практически неуязвимым, жизнь и смерть находятся по разные стороны линии фронта.

Но всякий раз, когда это происходит, современники осознают проблему и начинают испытывать отвращение к зрелищу вооруженного насилия, которое столь откровенно противоречит «общепринятому представлению о войне как о занятии, практикуя которое, смерть и убийство людей совершаются обеими сторонами»²³³. Как только они начинают открыто выражать свое несогласие, всегда можно прибегнуть к старой аргументативной стратегии для успокоения разгоряченных умов: чтобы заставить замолчать тех, кто использует резко обличительный тон, — обратиться к рассуждениям об исторической неизбежности. Чтобы показать, при помощи исторических примеров, что в подобной ситуации нет ничего принципиально нового, *поэтом* она вполне приемлема.

В статье под названием «В защиту дронов, исторический аргумент» Дэвид Белл критикует тех, кто видит в этом оружии «что-то принципиально новое — что-то из области научной фантастики, ставшей реальностью», и напоминает, что, «хотя наша технология и нова, в самом желании уничтожить врагов на расстоянии, находясь в полной безопасности, ничего нового нет»²³⁴. Это, безусловно, так, но каким образом этот «исторический» довод может быть использован для «защиты дронов», остается загадкой.

Ведь Белл мог бы добавить, что «желание уничтожить врагов на расстоянии, находясь в полной безопасности» никогда не было удовлетворено столь полно, как в тех славных эпизодах колониальных войн, когда туземцев выкашивало целыми рядами, а на солдатах белых армий не оставалось и царапины. В тот вечер, когда в Судане второго сентября 1898 года состоялась «сражение» при Омдурмане, потери англо-египетской коалиции под командованием Кичнера составили сорок восемь

убитых при десяти тысячах дервишей, сраженных свинцовыми очередями из пулемета Максим. Можно привести еще немало подобных примеров.

Использование дронов в этом смысле вписывается в ряд «асимметричных войн» с пулеметами против дротиков и допотопных ружей, этих «маленьких войн», в которых оставалось мало героического и которые уже, собственно, не были «войнами» в том благородном смысле, который Запад по-прежнему вкладывал в это слово, все еще воображая себя Древней Грецией. Если отвращение к использованию не слишком джентльменских приемов и существовало, оно было уместно лишь в ситуациях конфликта между равными, по контрасту с усмирением заведомо более слабых. Как напоминает Юнгер: «С давних пор было принято различать два стиля, высшую и варварскую форму права на войну при наличии определенных конвенций... В Средние века флот христианской державы мог использовать греческий огонь лишь при встрече с турецкими кораблями. В XX веке пули дум-дум, запрещенные на европейском театре военных действий, использовали в колониальных войнах, оправдывая это тем, что обычные свинцовые пули не могут остановить натиска дикарей»²³⁵.

И все же любопытно, что эти исторические прецеденты используются в качестве возможного оправдания для их современных аналогов. Именно в этом подтекст аргументов из серии «ничто не ново под луной». Их функция в том, чтобы слегка унять возникшее беспокойство, ссылаясь на прошлое, которое якобы служит правовым обоснованием. Но эта успокоительная прививка истории делается ценой искажения подлинного смысла исторической преемственности. Как объясняет Таяль Асад, на самом деле все сводится к двойной игре: с одной стороны, «психологический эффект, возникающий в ситуации неравных возможностей убийства, смягчается тем обстоятельством, что существует старинная традиция войн против народов, которые считаются отсталыми как в военном, так и в этническом смысле, а в этом случае вполне допускается, что они несут куда более многочисленные потери», с другой же — «стремительно растущий поток литературы о новых военных технологиях практически не уделяет внимания их связи со старыми колониальными

войнами»²³⁶. Призрак колониальной жестокости одновременно призывается, чтобы сделать относительным совершаемое сегодня насилие, вписывая его в традиции прошлого, и изгоняется, потому что при этом забывают уточнить, в чем именно эта традиция состоит. Дрон — орудие постколониального насилия, страдающего амнезией.

230 Jean de Vauzelles, *Imagines mortis*, Birckmann, Cologne, 1555, ill. 40.

231 Raoul Castex, *Synthèse de la guerre sous-marine*, Challamel, Paris, 1920, p. 121.

232 Voltaire, *Essai sur les mœurs, Oeuvres complètes*, Garnier, Paris, 1878, vol. 11, p. 349.

233 Talal Asad, *On Suicide Bombing*, New York, Columbia University Press, 2007, p. 35.

234 David Bell, “In Defense of Drones: A Historical Argument”, *New Republic*, January 27, 2012.

235 Ernst Jünger, *Le Nœud gordien*, Bourgois, 1995, p. 57.

236 Asad, *On Suicide Bombing*, 35.

Герб дрона Reaper — «Смерть с косой»

КРИЗИС ВОЕННОГО ЭТОСА

Технический прогресс, даруя надежду убивать, наверняка не подвергаясь опасности, чреват забвением того, что важнейшим достоинством любого солдата является презрение к смерти.

Капитан Бушри,
военный обозреватель, апрель 1914 года ²³⁷

Гиг, лидийский пастух, случайно находит в расщелине обнаженный труп гиганта, а на нем золотое кольцо, которое делает его невидимым. Наделенный необыкновенной силой и уверенный в том, что надежно скрыт от людских глаз, он совершает массу злодеяний, убивает короля и завладевает тронem. Его противники не могут ни уклониться от его ударов, ни найти от него защиту. Невидимость делает его практически неуязвимым. Поскольку он может действовать, не оставляя свидетелей, это также гарантирует ему безнаказанность.

То, что «Государство» Платона предлагало в форме мысленно-го эксперимента, дрон реализует техническими средствами. Как пишут Кааг и Крепс, с учетом того, что «дистанционно управляемые аппараты не несут ответственности за последствия своих действий, а управляющие ими люди находятся на огромном расстоянии, миф о Гиге становится сегодня скорее притчей об антитерроре, чем о терроризме» ²³⁸. Избавившись от всех ограничений, которые навязывают отношения взаимности, могут ли обладатели дронов проявить благородство и устоять перед искушением совершить несправедливость, за которую теперь никто не обяжет их ответить? Это вопрос о *нравственной риске*, к которому мы еще вернемся.

Но эту проблему можно поставить по-другому. Если по-прежнему верно, что «самый сильный никогда не бывает настолько силен, чтобы оставаться постоянно повелителем, если он не превращает своей силы в право, а повиновение ему» в добродетель ²³⁹, то уместно спросить: что за добродетель необходима современным Гигам? Поставим вопрос иначе. Не «может ли невидимка быть добродетельным»? А скорее, «если он по-прежнему хочет говорить о себе как о добродетель-

ном и считать себя таковым, в том числе перед самим собой, что за новое определение добродетели ему необходимо?»

У традиционного военного этоса были базовые добродетели: отвага, самопожертвование, героизм... Подобные «ценности» имели вполне определенную идеологическую функцию. Сделать бойню приемлемой, а еще лучше — достойной славы. Генералы этого особо не скрывали: «Нужно найти способ вести людей на смерть, в противном случае война будет невозможна; я знаю этот способ; он состоит в духе самопожертвования и ни в чем ином»²⁴⁰.

В подобном представлении «готовность к смерти» является одним из важнейших факторов победы, который лежит в основе того, что еще Клаузевиц называл «нравственной силой». Это было непререкаемой истиной: «Мы не должны забывать, что наш долг состоит в том, чтобы убивать и быть убитыми. Мы никогда не должны упускать из внимания этот факт. Воевать убивая и не быть убитым — это иллюзия; воевать так, чтобы быть убитым не погибая, — это нелепость. Поэтому нужно уметь убивать и вместе с тем быть готовым погибнуть самому. Человек, который посвящает себя смерти, ужасен»²⁴¹. В соответствии с классическими философскими идеалами война представляется этическим опытом по определению: вести войну — значит научиться умирать.

Но остается одна проблема: «Как объяснить, почему в войне ратуют за героическое самопожертвование? Не противоречит ли это требованию “сохранения своих сил”?» — спрашивал Мао. Нет, отвечал он сам себе, «не противоречит. Это — противоположности, но они друг друга обуславливают. Война — это кровопролитная политика, за которую приходится расплачиваться, и иногда очень дорогой ценой. Временная жертва частью сил (отказ от сохранения сил) преследует цель сохранения всех сил навсегда»²⁴². Именно в этой диалектике предохраняющего риска или сохраняющего разрушения находится место ценности самопожертвования, которое считается героическим, потому что позволяет, отрицая части, поддерживать целое. Потому что «подлинная отвага», отвага цивилизованных людей, как проповедовал Гегель, заключается в чем-то большем, чем простое презрение к смерти, а именно

в готовности «защищать государство и... принести себя в жертву»²⁴³.

Но что происходит, когда все это больше не нужно? Когда больше нет необходимости подвергать риску живую силу, чтобы нанести урон противнику? Диалектика самопожертвования сводится к простому императиву самосохранения. Вследствие чего героизм, а вместе с ним и отвага становятся невозможными.

Этот диагноз не оригинален: мы вступили, говорят нам на протяжении последних двадцати лет, в эпоху войны без доблести — «virtueless war»²⁴⁴ или в «постгероическую» эпоху²⁴⁵. Если они и присутствуют, то разве в виде ностальгии по давно ушедшим временам, как осадок стремительно разлагающейся идеологии. Но в этот момент порядком изношенные старые ценности еще могут восстать против тех, кто вознамерился с ними разделаться. Если надстройки сохраняются, то они все еще могут вызывать смущение и за счет своей инерции замедлить развитие инфраструктуры, которая стремится выбить почву у них из-под ног.

Проблема, очевидно, в том, что с точки зрения традиционных ценностей убить при помощи дрона и оставить на месте врага мокрое место, не рискуя собственной шкурой, кажется предельной трусостью и бесчестием. Несоответствие технической реальности и кодекса поведения на войне с его остаточной идеологией приводит к серьезным противоречиям, в том числе в рядах вооруженных сил. Конфликт новых видов вооружения и старой гвардии, хотя и порядком поредевшей, но все еще принимающий решения, проявляется в *кризисе военного этоса*.

Довольно характерный штрих: самая резкая критика дронов исходит не от заправских пацифистов, ее высказывают пилоты ВВС, выступающие за сохранение своих традиционных военных ценностей²⁴⁶. Сегодня эти утратившие былое значение воздушные рыцари, последние представители военной касты в состоянии упадка, поют под гитару песни, в которых мстят своему механическому сопернику. Группа *Dos gringos** — «дуэт боевых пилотов, возрождающих традиционный жанр пилотской песни» — сочинила этот гимн:

* Два гринго, здесь: два американца (*исп.*).

Они сбили Предейта,
 Как по мне — одним меньше к чертям.
 Они сбили Предейта
 и сразу пролили мне на сердце бальзам.

...

Они сбили Предейта,
 На душе у пилота печалька.
 Он разгрохал машину-каталку
 И, должно быть, бесился в бессилье.
 Ах, малышку-тюленя так жалко²⁴⁷.

Несмотря на свою бравату, пилоты проиграли. Top Gun погиб, а лейтенант Мэверик, уже ощущавший себя в кресле, которое вот-вот катапультируют, в итоге растворится в воздухе. На смену ему придет другой персонаж, идеализировать которого куда сложнее.

Для беспилотного самолета в английском языке есть непереводаемое выражение «unmanned aerial vehicle»^{**}. Опасность заключается именно в том, чтобы стать «unmanned» во всех смыслах этого слова, буквально — «рас-человеченным», но также деверилизованным, то есть кастрированным. Именно по этой причине офицеры ВВС так сопротивлялись массовому использованию дронов, что, разумеется, грозило им потерей рабочих мест, их профессиональной квалификации, но также — на куда более глубинном уровне — их мужской чести, в значительной степени связанной с риском²⁴⁸.

Однако мы обязаны напомнить тем, кто поет лебединую песню воинского героизма, что он дышал на ладан задолго до того, как это со всей очевидностью показали дроны. Вальтер Беньямин уже давно иронизировал над смехотворной и непоследовательной глорификацией «героизма» империалистической войны реакционными мыслителями: «Авторы ни словом не обмолвились о том, что массовые сражения

^{**} Буквально: «рас-человеченное воздушное передвижное устройство» (*англ.*).

с использованием тяжелой артиллерии и авиации, сражения, в которых они видят наивысшую форму проявления бытия, совершенно дискредитируют те хилые героические идеи, которые еще смогли уцелеть после Первой мировой войны»²⁴⁹. Поэтому, когда Лютвак называет «постгероической» ту разновидность современной войны, в которой не требуется подвергать риску ни одного солдата регулярной армии в ходе внешних интервенций, мы вправе спросить себя: прежде чем возвещать о конце героической эпохи, жили ли мы в ней когда-либо на самом деле? Как бы то ни было, сильно потускневший идеал героического жертвоприношения сегодня отрицается настолько открыто, что его необходимо срочно исключить из числа официальных ценностей. От него необходимо избавиться и заменить другими представлениями о военной доблести.

Если дрон проявляет доблесть, то именно потому, что позволяет избежать потерь в своих рядах. Этот довод недавно был в общем виде изложен в одном британском докладе: поскольку «беспилотный летательный аппарат позволяет избегать возможных потерь среди экипажей, он морально обоснован самим этим фактом»²⁵⁰. Достаточно сравнить это утверждение о доблестных дронах, избавляющих своих операторов от всякого риска смерти в классическом понимании, с традиционным, согласно которому военная доблесть состоит в чем-то прямо противоположном, чтобы понять масштаб происходящей революции в области ценностей.

В заботе о сохранении собственных сил и стремлении избежать бессмысленных потерь, разумеется, нет ничего нового и специфического. «Презрение к смерти» в классическом военном этосе совершенно не предполагает отказа от усилий по сохранению собственной жизни. Специфичность данного случая в том, что сохранение жизни собственных солдат преподносится государством как практически абсолютный императив, который в крайнем случае исключает всякое самопожертвование. Плохая армия подвергает риску жизни своих солдат, хорошая сохраняет их всеми доступными средствами. Стремление подвергать риску подлежит осуждению, ценится возможность убивать, не подвергаясь опасности. Умереть за Родину — это было прекрасно, но еще прекраснее убивать за нее,

тем более что теперь она избавляет нас от необходимости платить за это высокую цену.

На наших глазах происходит осознанный переход от одной официальной этики к другой, от этики самопожертвования и отваги к этике самосохранения и более-менее открыто признаваемой трусости. В этом великом процессе переоценки ценностей отныне следует поправить все, чему мы когда-то поклонялись, и превозносить то, к чему раньше относились с презрением. То, что раньше называлось трусостью, становится храбростью, то, что называлось убийством, становится сражением, а дух самопожертвования, обрекавший врага на верную смерть, вызывает лишь отвращение. Низость возводится в ранг величия. В этом смысле мы наблюдаем не столько за зрелищем «войны без доблести», сколько за огромной работой по переоценке воинских ценностей.

Но может ли вооруженное насилие обходиться без своей дозы героического «моралина»?

Отлучить от него непросто. Решение состоит в том, чтобы отказаться от самой сути, сохранив производимый им эффект. То есть использовать те же слова, изменив их смысл.

В сентябре 2012 года Пентагон изучал возможность награждения медалями операторов дронов²⁵¹. Проблема была в том, чтобы понять, за что они могут ее получить, с учетом того, что награды, по идее, вручаются за *отвагу в бою*. Но что в конце концов подразумевается под отвагой? Все зависит от того определения, которое мы ей даем. Зададим этот вопрос современным Ляхетам и Никиям.

Полковник Эрик Метьюсен, пилот дрона на пенсии, предложил собственное определение этого понятия: «Для меня отвага отнюдь не означает, что вы рискуете своей жизнью. Отвага состоит в том, чтобы поступать справедливо. Отвага связана с вашей мотивацией и целями, которые вы преследуете. Она означает поступать справедливо по справедливым причинам. Вот что такое отвага для меня»²⁵². Самое мягкое, что можно сказать по поводу этого «определения», одновременно беспредметного, тавтологического, сводимого к откровенно иезуитскому оправданию средств за счет целей: оно не слишком хорошо продумано.

Лютер Тернер, полковник в отставке, который вначале пилотировал боевые самолеты, а затем дроны, предлагает другое определение, которое позволяет несколько яснее увидеть суть: «Я твердо убежден, что нужна отвага, чтобы пилотировать дрон, особенно когда от вас требуется отнять чью-то жизнь. В некоторых случаях вы видите, как все происходит, в цветах и деталях»²⁵³.

Чтобы стать убийцей, нужна отвага. Так или иначе, идея в том, что есть некая разновидность отваги, связанная с самим фактом убийства и наблюдения за этим в мельчайших деталях. Требуется усилие над самим собой, чтобы преодолеть изначальное отвращение к убийству и наблюдению за ним, а главное — наблюдать за самим собой в процессе.

Если суммировать аргументы этих двух пилотов дронов, мы приходим к идее о том, что мужество может заключаться в выполнении работы, которая кажется вам отвратительной. При условии, что вы делаете это во исполнение долга и ради высших ценностей, которые сами по себе правильны и справедливы. Это просто иной способ сказать: отвага состоит в том, чтобы делать грязную работу²⁵⁴.

Тем же, кто негодует по поводу столь превратного толкования слов, указывая на оруэлловское искажение их смысла, которое производит военный новояз, называя «отвагой» то, что испокон веков называли трусостью или подлостью — убивать, никогда не рискуя собственной шкурой, всегда можно ответить: «Я не думаю, что пилоты на самом деле находятся “в безопасности” Wired и NPR сообщают, что пилоты подвержены сильному стрессу и стрессовым посттравматическим синдромам, которые сказываются на их семейной жизни. Солдаты ограждены от угрозы физической смерти, но не от ран психологических, которые не заживают»²⁵⁵.

Все, что касается посттравматического синдрома, мы обсудим в следующей главе, но здесь появляется одна важная идея, развивающая и дополняющая первую: если операторы дронов не являются «отважными» в классическом смысле слова, потому что они не рискуют своей жизнью *физически*, они косвенным образом подвергают риску свою *психическую* жизнь. Не рискуя своим телом в ходе операций, они рискуют своим психическим здоровьем. Здесь мы имеем дело со специфической формой

отваги, которая заключается не в демонстрации своей физической уязвимости перед угрозой насилия со стороны противника, а в демонстрации уязвимости психической в виде последствий от созерцания зрелища своей собственной деструктивности.

Эта новая формулировка, которая перемещает самопожертвование из физической сферы в моральную, позволяет наделить операторов дронов толикой как будто совсем утраченного ими героизма. Это осознанное изобретение новой военной доблести, исключительно психологического героизма.

«Солдат — это человек, ставший разменной монетой, ему досталась жалкая слава палача и жертвы», — писал Виньи²⁵⁶. Солдат творит насилие и подвергается его риску; он одновременно палач и жертва. Но что происходит с исчезновением самой возможности подвергаться риску насилия? Это последствие необратимо: теперь он всего лишь палач. Но именно поэтому необходимо, чтобы он стал жертвой хоть в каком-нибудь смысле. Проблема в том, чтобы понять, в каком именно. Остается лишь одна возможность: он должен быть психологической жертвой принуждения к тому, чтобы стать палачом. Это условие, при котором, несмотря на всю очевидность обратного, он все еще может выглядеть в глазах общества солдатом, которым больше не является.

Как возникает тема психической уязвимости того, кто совершает насилие? Какова ее генеалогия? Исторически мы видим, как в начале XX века складывается, в виде реакции на бойню 14–18-го годов и в качестве центрального мотива пацифистского и феминистского дискурса, критика военных институтов: армии заставляют солдат совершать насилие, которое сводит их с ума, психологически опустошает, травмирует и огрубляет. Джейн Адамс развивает эту тему на международном конгрессе 1915 года в Гааге в своем докладе под названием «Бунт против войны». Она приводит свидетельство медсестры, рассказывающей о кошмарах «бредящих солдат... одержимых одной и той же галлюцинацией — они вырывают штыки из тел убитых ими людей»²⁵⁷. В этом же смысле Адамс интересуется случаем, когда рядовые отказывались стрелять. «Я избавился от кошмара убивать», — говорил один из них²⁵⁸. Она показывает, каким образом армии старались подавить сопротивление

убийству, выдавая стимуляторы перед атакой с целью «снизить чувствительность подобных людей»²⁵⁹ и сделать убийство возможным. Тема солдат как жертв насилия, которое было им навязано, изначально возникла как прямая критика институтов, которые добивались подобных эффектов. То, что изначально было доводом против милитаризма, сегодня трансформируется и в новой форме служит оправданием дронизированного убийства. Именно такого рода обоснование призвано сегодня восстановить подорванную репутацию операторов дронов в глазах общественности. Раньше демонстрация психических травм солдат использовалась для протеста против их насильственной мобилизации государством, сегодня же она используется, чтобы придать новой форме одностороннего насилия героическую окраску, которой оно было лишено.

237 Цитируется по: Castex, *Synthèse de la guerre*. P. 125.

238 John Kaag and Sarah Kreps, “The Moral Hazard of Drones”, *The Stone*, New York Times blog, July 22, 2012.

239 Руссо Ж. Ж. Трактаты / пер. с фр. А. Д. Хаютина и В. С. Алексеева-Попова. М.: Наука, 1969. С. 155.

240 General Cardot, *Hérésies et apostasies militaires de notre temps*, Paris/Nancy, 1908, p. 89, цитируется по: François Lagrange, “Les combattants de la “mort certaine””. *Les sens du sacrifice à l’horizon de la Grande Guerre*, Cultures et conflits, no. 63, 2006, p. 63–81.

241 Слова принадлежат генералу Драгомирову, цитируется по:

Comte P. Vassili, *La Sainte Russie*, Paris, Firmin-Didot, 1890, p. 134.

242 Мао Цзедун. Избранные произведения. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках. 1969, Т. 2. С. 196.

243 Гегель Г.Ф.В. *Философия права* / пер. с нем. Б. Г. Столпнера и М. И. Левиной. М.: Мысль, 1990. С. 362.

244 Выражение, использованное британским маршалом авиации Брайаном Барриджем: Jane Mayer, “The Predator War”, *New Yorker*, October 26, 2009.

245 См.: Edward N. Luttwak, *Le Grand Livre de la stratégie: de la paix et de la guerre*, Paris, Odile Jacob, 2002.

246 John L. McLucas, *Reflections of a Technocrat: Managing Defense, Air, and Space Programs During the Cold War*, Maxwell Air Force Base, Air University Press, 2006, 141.

247 Этот фрагмент можно прослушать по ссылке: www.youtube.com/watch?v=t8-kNPKNCtg

248 На эту тему см.: Franck Barrett, “The Organizational Construction of Hegemonic Masculinity: The Case of the US Navy”, *Gender, Work and Organization* 3, no. 3 (1996): 129–42.

249 *Беньямин В.* Маски времени. Цит. соч. С. 361.

250 JDN 2/11: The UK Approach to Unmanned Aircraft Systems, цитируется по: Walter Pincus, “Are Drones a Technological Tipping Point in Warfare?”, *Washington Post*, April 24, 2011.

251 Al Kamen, “Drone Pilots to Get Medals?”, *Washington Post*, September 7, 2012. Эта медаль в итоге появилась. См.: Andrew Tilghman, “New Medal for Drone Pilots Outranks Bronze Star”, *Military Times*, February 13, 2013.

252 См.: Greg Jaffe, “Combat Generation: Drone Operators Climb on Winds of Change in the Air Force”, *Washington Post*, February 28, 2010.

253 Mark Mazzetti, “The Drone Zone”, *New York Times*, July 6, 2012.

254 Об этом понятии и парадоксе, которые теперь проявляются в самых различных видах деятельности, см.: Christophe Dejours, *Souffrance en France, la banalisation de l’injustice sociale*, Paris, Seuil, 1998, p. 108f.

255 Leah Libresco, “Brave Enough to Kill”, *Unequally Yoked* (blog), July 19, 2012, www.patheos.com/blogs/unequallyyoked/2012/07/brave-enough-to-kill.html

256 Alfred de Vigny. “Souvenirs de servitude militaire”, *Œuvres*, I, Bruxelles, Méline, 1837, p. 11.

257 Jane Addams, “The Revolt Against War”, в: *Women at The Hague: The International Congress of Women and Its Results*, Urbana, University of Illinois Press, 2003, p. 35.

258 Ibid. P. 34.

259 Ibid. P. 35.

Самое страшное в военных неврозах — это, безусловно, внутренний враг.

Фрейд ²⁶⁰

Растиражированный прессой сюжет о «травматизме пилотов дронов» стал общим местом. Он воспроизводится, начиная с сообщения The Associated Press 2008 года, озаглавленного «Бойцы радиоуправляемых устройств страдают от стресса боя на расстоянии: операторы дронов Predator подвержены психологическим травмам точно так же, как их товарищи на поле боя» ²⁶¹. Несмотря на броский заголовок, в статье не приводилось никаких фактов, позволяющих обосновать этот тезис. Напротив, журналист ссылался на различные интервью с операторами дронов, в которых «никто из них не сообщал о каких-то специфических расстройствах, связанных с их миссиями» ²⁶².

Мы обнаруживаем похожий прием: эффект, производимый заголовком, за которым следует весьма расплывчатое опровержение в большинстве появившихся в прессе статей по вопросу.

В ответ на эти броские заголовки солдаты американской армии не стеснялись выражать свое презрение на военных форумах: «Что за сборище долбанных нытиков?.. Увольте их и найдите тех, кто может справиться со стрессом, сидя целый день в климатизированном фургоне и возвращаясь каждый вечер домой» ²⁶³. Или, в том же духе: «Мне вообще параллельна эта кучка задротов-программистов, которые выносят нам мозг про “трудности боевой службы” или “синдром посттравматического стресса”... да они вообще ни разу не были на передовой и в них ни разу не стреляли. Это оскорбление для тех, кто действительно идет в бой, когда в тебя действительно стреляют, вот им действительно приходится иметь дело с психологическими последствиями войны» ²⁶⁴.

Не без гордости подчеркивая свое отличие от тех, кого они считают сборищем доходяг, эти выразители мнения «классических» военных косвенным образом указывают на то, какую роль в дискуссии играла эта популярная в прессе тема. Акцент на предполагаемом травматизме операторов позволял

одновременно приравнять *за счет* их общей психологической уязвимости (бойцы страдают от боевого стресса, как и операторы, поэтому они такие же бойцы, как и все остальные) и очеловечить их как акторов вооруженного насилия (несмотря на технологичность их вооружения, это не хладнокровные убийцы).

Если сделать акцент на психологических страданиях операторов, то это позволит ослабить аргумент о «ментальности Play Station», в соответствии с которым диспозитив убийства на экране способствует виртуализации осознания человекоубийства. Какое-то время назад, когда дроны еще не были постоянным предметом дискуссий в американской прессе, пилоты могли более-менее откровенно отвечать на заданные им вопросы. Что означает для вас убийство на экране? Из прекрасного, если коротко:

О, это настоящий кайф для игрока! ²⁶⁵

Это как играть в «Цивилизацию», когда вы командуете юнитами и подразделениями в бою ²⁶⁶.

Это как видеоигра. Она может стать немного кровавой, но, черт побери, как же круто! ²⁶⁷

После подобных провалов в области связей с общественностью пресс-атташе пришлось скорректировать их стрельбу и проинструктировать своих подчиненных, потому что мы больше не находим подобных заявлений в интервью. Напротив, когда в 2012 году репортер The New York Times посетил базу дронов, он отметил: «Пилоты много раз говорили мне, как бы оправдываясь: “Мы здесь не в видеоигры играем”» ²⁶⁸.

Вот как Airforce technology *, новостной сайт, посвященный оборонной индустрии, осмысляет этот дискурсивный поворот: «Хотя в начале мы полагали, что операторы дронов будут абстрагироваться от своих действий куда больше, чем персонал на поле боя, сегодня мы видим нечто прямо противоположное. Некоторые аналитики настаивают на том, что операторы

* Технология военно-воздушных сил (англ.).

слишком переживают по поводу того, что они делают, испытывая более сильный стресс, чем войска, развернутые в Афганистане»²⁶⁹. Круг замкнулся, картина перевернулась. Они совсем не переживают опыт убийства, которое становится все менее реальным, совсем напротив, операторы крайне огорчены, до такой степени, что можно всерьез задаться вопросом: не заключается ли проблема в том, что они, «пожалуй, слишком переживают» за своих жертв («almost care too much»)?

Мы понимаем, что если бы они ничего не испытывали, то это стало бы этической проблемой. Но поскольку они убивают с чувством и даже, более того, проявляя *care* *, они могут продолжать заниматься этим с нашего одобрения. Подобная забота и щепетильность, предполагаемая эмпатия по отношению к жертвам, как это ни парадоксально, становится поводом для реабилитации убийства при помощи дронов в глазах общественности. Довод об эмпатии претерпевает те же изменения, что и приведенный выше довод о психологической уязвимости. Тогда как эмпатия по отношению к врагу в классическом виде тематизировалась как импульс для возможного сопротивления убийству, возможного предложения отказать убивать врага, в этом дискурсе он используется, чтобы стряхнуть глянец с человечности, которая противопоставляется механизированному оружию убийства. Наблюдая за этой масштабной операцией по инструментализации этически-аффективных категорий для военных нужд, вспоминается совсем иной образ — крокодила, проливающего слезу, чтобы лучше переварить свою жертву.

Единственное, что омрачает картину, — раскрученное прессой утверждение о психологических травмах пилотов дронов никак не обосновано эмпирическими данными. Военный психолог Эрнандо Ортега недавно провел большое исследование на эту тему. Он подверг пилотов дронов психологическим тестам, чтобы установить уровень испытываемого ими стресса и определить вероятные симптомы посттравматического стресса (Posttraumatic stress disorder, PTSD). Их результаты вполне очевидны: если во многих случаях были обнаружены «синдромы расстройства сна, связанные с работой в команде», ни у одного

* Забота, уход, внимание (*англ.*).

пилота не был диагностирован PTSD: «Я думаю, у нас был один оператор бортовой аппаратуры обнаружения, у которого его в принципе можно было диагностировать, но о чем говорить, если он всего лишь один?.. Главное открытие этого исследования состояло в том, что, вопреки нашим предположениям, наблюдение за боем день за днем не является причиной особого стресса»²⁷⁰. При этом: «Работа в команде, изменения графика — вот главные факторы стресса... Это действительно скучная работа, требующая следить за одним и тем же дни напролет. Это невероятно скучно. И даже ужасно. Поддерживать отношения с семьей — вот о чем они говорят как об источнике стресса. Если вы начнете это изучать, то они вам не скажут: это потому, что я ходил в бой. И не потому, что я должен был взорвать целое здание. Они не говорят: это потому, что я видел, как взрывами убивает людей. Все это не является для них источником стресса, по крайней мере на субъективном уровне. Зато на все остальное, то есть на качество жизни, жалуются практически все. Если вы поговорите с медсестрами, работающими в ночную смену, или с любым персоналом, работающим в команде, у них будут похожие жалобы»²⁷¹. Война становится удаленной работой с ненормированным графиком, и у тех, кто ею занимается, проявляются соответствующие симптомы.

В остальном же: «У них, скорее, есть что-то вроде экзистенциального конфликта. Возможно, что-то вроде чувства вины: правильное ли решение я принял? Поэтому они часто задают себе вопросы задним числом, что контрастирует с классическими синдромами посттравматического стресса, которые связаны с физической угрозой... Это, скорее, что-то вроде чувства вины, наблюдать за боем, причем в мельчайших деталях»²⁷².

Но это «чувство вины», о котором упоминает военный психолог, само по себе не изучается. Оно выходит за пределы его компетенций. В теоретическом плане это вторжение в область «экзистенциальных вопросов», которые находятся за пределами психологического исследования. В плане практическом их вверяют заботам полковых священников, которых специально привлекают к работе на базах управления дронами, чтобы справляться с подобного рода душевными переживаниями²⁷³. Об убийстве как духовной проблеме.

Поэтому весь шум в прессе возник совершенно из ничего. Военная психология не находит следов синдрома посттравматического стресса. Стоит добавить, что она действительно не может его обнаружить по одной простой причине, связанной с нозографическими категориями, которыми она оперирует. Откроем ее Библию, так называемую DSM²⁷⁴. Что такое PTSD? Этот синдром, говорит нам учебник по психиатрии, предполагает, что пациент «был подвержен фактору сильнейшего травматического стресса, связанного с личным опытом участия в событиях, чреватых угрозой смерти или тяжелого ранения или любой другой угрозой его физической неприкосновенности»²⁷⁵. Операторы дронов по определению не попадают в подобную ситуацию: их физической неприкосновенности ничто не угрожает. Можно было бы сказать, что операторы находятся в положении «свидетелей события, чреватого смертью, ранениями или угрозой нарушения физической неприкосновенности другого лица»²⁷⁶, но на самом деле они являются не просто *свидетелями*: они являются *виновниками* этой смерти, этих ранений и угроз. Это слишком неопределенная категория, чтобы адекватно описывать подобную форму опыта. Уже в который раз дрон делает невозможным функционирование имеющихся у нас категорий до такой степени, что делает их непригодными к использованию. Что касается общего понятия «боевого стресса», который определяется как стресс «происходящего от риска во время военных операций в тех же условиях, которые приводят к телесным ранениям и болезням на войне» или же как «условия, приближенные к боевым в операциях, не связанных с ведением войны... в зонах операций, которые определяются как зоны непрерывного действия и большой опасности»²⁷⁷, то стоит признать, что его едва ли можно использовать, не изменяя радикально смысл всех этих слов.

Военные психологи могут сэкономить время и деньги. Ни к чему вести продолжительные и дорогостоящие исследования, чтобы выяснить, встречаются ли патологии, описанные подобным образом, у операторов дронов. Это невозможно по определению: технический диспозитив аннулирует или же радикальным образом изменяет единственные факторы стресса, предусмотренные существующими нозографическими категориями.

Чтобы лучше понять суть дела, мы, как это часто бывает, продвинемся вперед, немного освежив в памяти психоанализ. Вскоре после окончания мирового конфликта, во время международного конгресса по военным неврозам, на котором были собраны главные светила того времени, Карл Абрахам выдвинул один важный тезис о солдатах: «От них требуется не только пребывать в ситуации опасности — то есть в исключительно пассивном состоянии, — но кое-что еще, что до сих привлекало мало внимания. Я имею в виду агрессию, на которую солдат должен быть способен в любой момент. Речь идет не только о готовности умирать, но и убивать»²⁷⁸. Абрахам рассматривает случаи солдат-пациентов, у которых «тревога, связанная с необходимостью убийства, приобретает то же значение, что и с необходимостью умирать»²⁷⁹. Поэтому вопрос меняется следующим образом: что значит необходимость убивать, стать убийцей, угроза убийством, убивать для самого субъекта? Фрейд, написавший предисловие к сборнику материалов конференции, предлагает ответ: «В военных неврозах пугает в первую очередь внутренний враг»²⁸⁰. Совершающий насилие субъект наблюдает, как во время войны в нем развивается, подобно паразиту, пугающий двойник, это и будет его новое Я — «военное Я». Угроза является не внешней, а внутренней, потому что это внезапно появляющееся Я ставит под угрозу Я старое — «мирное Я». Военный невроз является ответом на этот внутренний конфликт: попытка дать ему что-то вроде разрешения в патологической форме²⁸¹.

Значительно позднее психолог Рейчел Макнейр предложила дополнить слишком ограниченное определение PTSD, предложив формулировку «травматический стресс, вызванный активным действием» (Perpetration-Induced Traumatic Stress, PITS)²⁸². Констатируя, что новейшая литература практически целиком сфокусировалась на пассивных травмах, нанесенных жертвам внешними силами, она искала способ выделить активную составляющую этих расстройств, связанную с акторами насилия, с совершением активных действий. Что весьма непросто в смешанном опыте солдата, но Макнейр изучала однозначные случаи, например кошмары палачей, которых преследовали картины последних минут приговоренных к смерти.

Она не ссылается на операторов дронов, для этого ее книга написана слишком давно, но данный диспозитив, похоже, вполне подходит для подтверждения ее теории: он описывает случай вооруженного насилия в чистом виде, то есть сведенного к его активному аспекту, исключающему всякую витальную опасность. Именно нозологическую категорию PITS, возникшую относительно недавно, следует подтвердить эмпирически, если мы хотим что-то прояснить в дискуссии о травматизме операторов.

Стремительное развитие новых технологий дистанционного насилия призвано придать новое направление методам психотической проблематизации военного опыта западных обществ. Первые признаки этого уже проявляются. В государстве, оснащенном в значительной степени дронизированными вооруженными силами, мы неизбежно перейдем от изучения психических травм, связанных с подверженностью насилию, к травмам, связанным с совершаемым насилием. Поэтому непременно появится что-то вроде клиники для палачей, в которой будет проводиться психотерапия убийц, чтобы помочь им справиться со своим несчастьем.

Что пока оставляет нам две гипотезы относительно психической жизни пилотов дронов: или же это оружие способствует появлению безжалостных убийц, или же оно влияет на их психику таким образом, что их мучает чувство вины, которое может развиваться в невроз. На практике жизнь реальных людей проходит между этими двумя полюсами. Вопрос же о том, какая участь представляется нам более завидной, остается открытым...

260 Freud, "Introduction a La Psychanalyse des névroses de guerre", Résultats, idées, problèmes, 1. PUF, Paris, 1984, p. 247.

261 Scott Lindlaw, "Remote Control Warriors Suffer War Stress: Predator Operators Prone to Psychological Trauma as Battlefield Comrades", Associated Press, August 7, 2008.

261 Ibid.

263 Дискуссионный форум военного сообщества по адресу: www.militarytimes.com, "Thread: UAV Operators Suffer War Stress", последнее обращение: May 2011.

264 Ibid.

265 Blake Morlock, "Pilot Is in Tucson; His Aircraft's over Iraq Battlefield", Tucson Citizen, August 30, 2007.

266 Matt J. Martin and Charles W. Sasser, Predator: The Remote-Control Air War over Iraq and Afghanistan, Minneapolis, Zenith, 2010, p. 31.

267 Peter W. Singer, Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century, New York, Penguin, 2009, p. 332.

268 Mark Mazzetti, "The Drone Zone", New York Times, July 6, 2012.

269 "Come in Ground Control: UAVs from the Ground Up", Airforce Technology, November 17, 2010, www.airforce-technology.com/features/feature101998

270 Ортега представил результаты своих исследований в лекции "Combat Stress in Remotely Piloted/

Unmanned Aircraft System Operations", прочитанной в январе 2012 года в Брукингском институте совместно с Питером В. Сингером. Аудиоверсия его замечаний доступна по адресу: www.brookings.edu/

[events/2012/02/03-military-medical-issues](http://www.brookings.edu/events/2012/02/03-military-medical-issues)

271 Ibid.

272 Ibid.

273 «И мы еще не изучали по-настоящему, какая часть подобного чувства вины связана именно с этим. Мы знаем, что оно есть и что происходит нечто плохое. Они начинают говорить об этом в своем кругу. Мы стараемся привлечь к этому больше капелланов, чтобы поместить их в безопасное окружение, а также больше сотрудников неотложной медицинской помощи и врачей». Ibid.

274 Знаменитый Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM) (Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам — *англ.*), опубликованный Американской психиатрической ассоциацией.

275 DSM-IV, Diagnosis and Criteria, 309.81.

276 Ibid.

277 U. S. Marine Corps, Combat Stress — Army Field Manual (FM) 90-44/6-22.5, 2000.

278 Karl Abraham, цитируется по: Psycho-Analysis and the War Neuroses, ed. Ernest Jones. London, International

Psycho-Analytical Library Press, 1921, p. 24.

279 Ibid.

280 Ibid. P. 247. Стоит отметить, что утверждение Фрейда относительно «отвращения к убийству» менее категорично, чем утверждение Гроссмана (которое я рассматриваю ниже). Вместо предположения о том, что сопротивление убийству является значимым антропологическим фактом, Фрейд подчеркивает, что конфликт возникает между противоречащими друг другу типами эго, а также указывает на опасность, которую представляет импульс убийства, освобожденный в условиях войны.

281 «Конфликт происходит между старым мирным эго солдата и его

новым военным эго. Он становится все более острым по мере того, как мирное эго осознает, что его жизни угрожает опасность, связанная с безрассудством этого едва сформировавшегося паразитического двойника. Не менее верным представляется утверждение о том, что это старое эго защищает себя от смертельной опасности, спасаясь бегством в травматический невроз, или же что оно определяет себя по отношению к новому эго, которое угрожает его жизни». Фрейд. Цит. соч. С. 245.

282 См.: Rachel MacNair, *Perpetration-Induced Traumatic Stress: The Psychological Consequences of Killing*, Westport, CT: Praeger/Greenwood, 2005.

УБИВАТЬ НА РАССТОЯНИИ

— Дорогой, у меня такое чувство, что ты где далеко <...>
— Прости. Нет, я скорее здесь. Ты знаешь, сложно переключатся всякий раз, быть то там, то здесь. Это как жить одновременно в двух местах. Словно в параллельных вселенных...

Рассказ о жизни пилота дрона, 2010²⁸³

Целью военных технологий наблюдения, отмечает Харун Фароки, является не столько производство репрезентаций, сколько «“оперативные образы”, то есть образы, которые *не представляют* объект, а являются частью операции»²⁸⁴. То есть *цель* в данном случае нужна для *выцеливания*: она предназначена не для того, чтобы представлять объекты, а чтобы оказывать на них воздействие, превращать их в *мишени*. Функционал глаза соответствует функционалу оружия²⁸⁵.

Связующим звеном между ними будет изображение на экране, которое само является не столько непосредственной репрезентацией, сколько наглядным изображением, созданным в оперативных целях. На него можно кликнуть, а клик означает убийство. Но непосредственный акт убийства сводится к следующему: переместить указатель или стрелку на небольшие «интерактивные изображения»²⁸⁶, крохотные фигурки, которые заняли место того, что когда-то было вражеским телом во плоти.

Эта процедура напоминает старый прием забивания гвоздей: практика состояла в том, чтобы «вбивать гвозди или втыкать иголки в восковую фигуру человека, против которого было направлено заклинание, возможно, изначально действительно заключалась в забивании гвоздей... однако со временем, по причине неудобств и риска для производящего процедуру, был выработан более подходящий метод: заменить его восковым “ргоху”* живого человека. Подобная практика была известна под латинским названием *defixio*²⁸⁷». Эта гипотеза о происхождении восковых кукол, конечно, надуманна, но в ней есть то, над чем можно поразмыслить. В метафорах выбора цели,

* Заместителем (*англ.*).

которыми пользуются операторы, можно услышать странные отголоски этой архаической практики: «to *pinpoint*» (приколоть), «to *nail*» (пригвоздить)... То, что когда-то было магической практикой, стало приемом из арсенала высоких технологий. Но само по себе колдовство, возможно, не исчезло.

Психолог и бывший военный Дейв Гроссман разработал теорию отвращения к убийству. Чем ближе человеческая цель, тем больше изначальное сопротивление, которое необходимо побороть, и наоборот, чем больше дистанция, тем проще перейти к действию. Следуя этой гипотезе, он построил кривую психических реакций, возникающих при использовании различных видов вооружения.

В ситуации, когда дистанция максимальна, когда они не видят своих жертв, военные, пишет Гроссман, «могут не считать, что они убивают живых людей»²⁸⁸. Именно по этой причине пилоты, уничтожившие тысячи мирных жителей, могут никогда не испытывать по этому поводу угрызений совести²⁸⁹. По мере того как сокращается дистанция, снижается и возможность психологического отрицания: «На близком расстоянии сопротивление убийству огромно. Когда противнику можно посмотреть в лицо, когда известно, стар он или молод, испуган или разгневан, невозможно отрицать, что человек, которого мы убиваем, не такой же, как мы. Именно в подобной ситуации встречаются отказы убивать»²⁹⁰.

Эту теорию можно критиковать с разных точек зрения, но меня сейчас интересует ее дальнобойность в эвристическом смысле. И правда, как поместить в эту схему дрон? В соответствии с критерием дальнобойности, физического расстояния, она должна располагаться в крайнем правом углу, на полюсе максимальной дистанции. Но камеры позволяют оператору видеть цель, как если бы она находилась вблизи. В соответствии со вторым критерием — перцептивной близости — дрон должен располагаться левее по дистанционной стрелке. Проблема в том, что так называемая дистанция охватывает самые различные измерения, которые смешиваются в обыденном опыте, а технологии размыкают и перераспределяют их в пространстве. Теперь становится возможным быть одновременно далеко и близко, в зависимости от неравноценных измерений прагматического

соприсутствия²⁹². Физическая дистанция совершенно необязательно предполагает дистанцию перцептивную. Чтобы вписать дрон в эту схему, необходимо разложить на составные части унитарный термин «дистанция» и преломить горизонтальный луч, который стал рассеиваться.

Операторы видят своих жертв: в этом состоит первая особенность опыта дистанционного насилия, который они получают. Когда они их преследуют, это может длиться неделями. Они следуют за ними в их повседневных делах, иногда вырабатывая странное чувство близости: «вы видите, как они просыпаются по утрам, идут на работу, ложатся спать»²⁹³; «я вижу матерей вместе с их детьми, отцов с детьми, отцов с матерями, вижу детей, играющих в футбол»²⁹⁴.

Видеонаблюдение позволяет им увидеть последствия атак. В этом существенная разница с опытом обычных пилотов: «Когда вы проносите на скорости восемьсот-девятьсот километров в час, сбрасываете двухсоткилограммовую бомбу и тут же улетаете, вы не видите, что именно там происходит... но, когда Predator запускает свою ракету, вы следуете за ней вплоть до поражения, и это, скажу я вам, производит впечатление, потому что происходит у вас на глазах. И да, это — личное. Ведь оно потом долго не выходит у вас из головы»²⁹⁵. Это специфическое сочетание физической дистанции²⁹⁶ и визуальной близости обманывает классический закон дистанции: большая дальнбойность не делает насилие более абстрактным или обезличенным, наоборот, более «графическим» и личным.

Однако эти факты могут быть уравновешены другими и вписываться в техническую структуру диспозитива. Если операторы видят, что делают, то перцептивная близость все же остается частичной. Она пропускается через фильтр в виде интерфейса. Помимо того что вся гамма чувств ограничена визуальным измерением²⁹⁷, разрешения, которого хватает для обозначения мишени, все же недостаточно, чтобы различать лица²⁹⁸. Это весьма ограниченное видение. Операторы различают лишь крохотные безликие аватары. Бывший офицер ЦРУ рассказывает: «После взрыва вы можете видеть эти разбегающиеся во все стороны фигурки, но, как только дым рассеивается, остаются лишь развалины и обугленные остовы»²⁹⁹. Феномен фигуратив-

ной редукции человеческих мишеней способствует тому, что убивать людей становится проще: «На вашем экране нет живой плоти, только координаты»³⁰⁰. Вас не забрызгивает кровь противника. Это отсутствие пятен в физическом смысле вполне соответствует тому, что совесть также остается незапятнанной.

Еще один важный момент. Оператор видит, сам не попадая в поле зрения. Или, как предположил Мильграм: «Возможно, намного проще вредить человеку, когда он не способен наблюдать за нашими действиями, чем когда он может это делать»³⁰¹. Тот факт, что убийца и его жертва не находятся во «взаимном перцептивном поле», упрощает управление насилием. Это избавляет актора от смущения или чувства стыда, которое может возникнуть, если его действия кто-то увидит. Гроссман добавляет: «Цена, которую приходится платить большинству человекоубийц, если они действуют с близкого расстояния, — воспоминание об этом “ужасном лице, искаженном болью и ненавистью, да еще какой ненавистью”, — эту цену нам не придется платить, если мы всего лишь не будем смотреть в лицо своей жертве»³⁰². Именно этого позволяет добиться дрон. Он показывает его лишь для того, чтобы иметь возможность прицелиться, но этого совершенно недостаточно, чтобы по-настоящему разглядеть лицо. Но, что важнее всего, он защищает оператора от *вида того, кто смотрит на него и понимает, что он делает*.

Этот незначительный психологический дискомфорт способствует тому, что Мильграм называет разрывом «феноменологического единства действия». Я нажимаю здесь на кнопку, а где-то там, в зареве взрыва исчезает силуэт: «Существует физическое и пространственное разделение между действием и его последствиями. Субъект нажимает рычаг в одной комнате, а крики слышны в другой. Два события связаны, однако отсутствует убедительное феноменологическое единство. Собственная структура означаемого акта распадается по причине разнесенности в пространстве»³⁰³. Разбивка акта между двумя удаленными точками, как между стрелками гигантского компаса, раскалывая единство его восприятия, подрывает его непосредственный феноменологический смысл. Чтобы помыслить акт в его единстве, субъект должен быть в состоянии объединить две стороны расколотого феномена. Как пишет один пилот

о своем первом ударе: «Мне потребовалось некоторое время, чтобы в конце концов привыкнуть к реальности того, что происходит где-то далеко, чтобы “реальное” стало по-настоящему реальным»³⁰⁴. Чтобы удар, который обладает для нас реальностью на рациональном уровне, проявил свою реальность в качестве унитарного акта, требуется определенное время и работа по реализации. Единство действия не дано, чтобы проявиться, оно должно стать объектом интеллектуальной работы по реунификации, рефлексивного синтеза. Вместе с этой неустранимой сложностью, возникающей из-за того, что только одна сторона этого гемиплегического акта доступна проживающему его сознанию оператора.

Именно особенности перцептивной фильтрации, фигуративной редукции противника, невзаимность перцептивных полей, нарушение феноменологического единства акта являются теми факторами, которые в сочетании создают мощный эффект «моральных амортизаторов»³⁰⁵. Взамен оптической близости этот диспозитив дает операторам действенные средства дистанцирования. Но у подобной формы опыта есть еще одна существенная черта: она осуществляет военное насилие, находясь в мирной зоне.

Для обычных солдат переход от войны к миру — момент особо деликатный. Именно здесь, в этом переходе от мира морального к иному миру, могут проявляться сложности адаптации или «реинтеграции» — возвращение к мирной жизни требует некоего пространства «декомпрессии». Даже в том случае, если операторы дронов никогда не покидают страну, «телепортируясь в зону боевых действий»³⁰⁶, они должны кувыркаться подобным образом два раза в день в экспресс-режиме, практически без пауз. Проблема состоит в этом постоянном перемещении туда-сюда между совершенно противоположными мирами. «Это очень странно, — говорит полковник Майкл Ленахан, пилот Predator и начальник операций 196-й разведывательной эскадрильи. — Ведь это совсем не одно и то же: вы переходите от запуска ракет к походу со своим сыном на футбольный матч. Убийца утром — отец семейства вечером. Ежедневное кувыркание между “мирным Я” и “Я военным”»³⁰⁷.

Это ощущение двойственности часто проскальзывает в их свидетельствах: «Возникает когнитивный диссонанс...

когда вы физически находитесь в самолете, ваше сознание переключается автоматически. Для нас, я полагаю, это был скорее вопрос когнитивного выбора — теперь я на войне. Поэтому нахождение на поле боя служило разделительной стеной — не только на физическом, но и на когнитивном уровне. Постоянно возникала проблема, ведь на самом деле мы по своему усмотрению должны были создавать для себя этого когнитивное пространство. Мы никогда не пребывали в состоянии мира. Мы все время были где-то между миром и войной»³⁰⁸. Другой оператор, описывая столкновение тихой семейной жизни и жестокостей войны на работе, а также свои постоянные усилия по поддержанию ментальной границы между двумя мирами, объясняет: «Иногда сложно переключаться в постоянном режиме, перемещаясь туда и обратно. Это как жить одновременно в двух местах. В параллельных вселенных... В этом есть что-то такое, что может сделать пилота Predator шизофреником»³⁰⁹.

Условием психологической ассимиляции подобной формы опыта будет способность переживающих к изоляции. Как свидетельствует один из них: «Вы должны уметь включить и выключить рубильник»³¹⁰. Но именно эта способность оказывается под угрозой в тот момент, когда акторы насилия возвращаются в мирную зону. Как пишет один военный, пришедший на выручку операторам дронов, которых его коллеги атаковали на одном из военных форумов, называя их доходягами и другими обидными словами: «Сегодня сложно быть “at home”^{*}. Хиппи ненавидят все то, что мы делали в Ираке, и кричат об этом все громче. Подумайте, сколько антивоенных плакатов видят пилоты по дороге на работу и возвращаясь домой»³¹¹. Так он указывает на центральное противоречие данного диспозитива. Перемещая акторов вооруженного насилия в домашнее пространство, их помещают в социальное и политическое окружение, скорее всего не способное их понять, но при этом в состоянии прямо у них на глазах протестовать именно против того насилия, акторами которого они являются.

Мужчины на войне нуждаются в том, чтобы выстроить особый нравственный мир, в котором убийство, и в этом его отличие

* Дома (англ.).

от мира гражданского, является доблестью, а не находится под запретом³¹². Противоречие между этими нормативными режимами всегда латентно, но в этом случае оно становится открытым и устойчивым именно потому, что в одном месте накладываются друг на друга противоположные вселенные. В каком-то смысле операторы одновременно находятся в тылу и на фронте, они застряли между двумя совершенно различными системами нравственности, между которыми разрываются их жизни. Через них проходят противоречия обществ, ведущих войны за пределами страны, но живущих так, как если бы они находились в состоянии мира. Только они одновременно находятся и там и там, разрываясь между двумя полюсами. Они переживают двойственность систем морали так называемых демократических государств, которые также являются империалистическими военными державами. Возможно, то, что писал Киган о современном призывнике, станет актуальным для оператора дрона, то есть он, в свою очередь, начнет «думать, что с учетом тех видов вооружения, которые дает ему государство, его кодекс гуманного поведения говорит либо об отталкивающем лицемерии, либо о психотической неспособности увидеть связь между своими действиями и их последствиями»³¹³.

Что и начинает происходить на самом деле. Брендон Брайнт, оператор дронов на протяжении пяти лет, решил покинуть ряды ВВС. Сегодня он говорит об этом открыто. Одно воспоминание особенно не идет у него из головы:

До попадания остается шестнадцать секунд.

— Секунды тянутся еле-еле, — вспоминает сегодня Брендон...

В этот момент он все еще может повернуть ракету. Три секунды. Брендон изучает каждый пиксель на экране. Внезапно к углу дома подбегает ребенок... Брендон видит вспышку на экране — взрыв. Стены дома обваливаются. Ребенок исчез. Брендону скручивает живот.

— Мы только что убили мальчишку? Спрашивает он у коллеги, который сидит рядом.

— Да, я думаю, это был мальчишка, отвечает ему пилот...

Именно в этот момент вмешивается кто-то, кого они не знают,

находящийся на командном посту в штабе армии и следящий за их атакой:

— Нет, это была собака.

Они еще раз просматривают запись. Собака на двух ногах?..

— На протяжении шести лет я видел, как умирали мужчины, женщины и дети, — рассказывает он. Я никогда не мог представить, что убью столько людей. На самом деле, я никогда не мог представить, что убью хотя бы одного.

В те дни, когда выдавалась свободная минута, он вел свой походный дневник: «На поле боя не было солдат, только кровь повсюду, тотальная война. Я просто обмирал. Я хотел, чтобы мои глаза перестали видеть».

А потом, в какой-то момент, он перестал получать удовольствие от встреч с друзьями. Девушка, с которой он тогда встречался, жаловалась на его приступы хандры. «Нет никакого рублильника, я не могу просто взять и переключиться», — отвечал он ей. Когда он возвращался домой, то не мог заснуть и начинал качать мышцы. Он начал спорить с начальством... В один прекрасный день он рухнул на пол кабинета, свернувшись в три погибели и харкая кровью...

И тогда он понял, что не будет подписывать новый контракт, который ему предлагали. Именно в тот день, когда он вернулся в копит и услышал со стороны, как говорит своим коллегам: «Эй, кого из этих сукиных детей мы разнесем сегодня?»³¹⁴

Подобные свидетельства крайне редки. Намного чаще от действующих операторов можно услышать совсем иные рассуждения: «Я не чувствую никакой эмоциональной привязанности к противнику <...> У меня есть долг, и я его выполняю»³¹⁵. Это «очень сдержанный» военный, поясняет журналист.

Военный психолог Эрнандо Ортега настаивает на важности подобных процедур самоизоляции: «На базе ВВС, кажется, в Биле у них на двери есть табличка “Добро пожаловать в зону ответственности”, сама табличка окрашена в цвет пустынного камуфляжа. Как только они проходят через эту дверь, начинается игра, они теперь в зоне боевых действий. Когда они выходят наружу, они снова дома. Даже простые ритуалы вроде этого могут им помочь, но есть и критерии отбора, которые мы можем

выработать, точно так же, как мы разработали медицинские стандарты для отбора пилотов за одиннадцать лет до изобретения самолета»³¹⁶. В процессе отбора на службу стоит отдавать предпочтение тем, кто спонтанно проявляет выраженные способности к разделению, к «переключению рубильника “работа” и переходу в режим “дом”»³¹⁷. Отбирать на службу тех, кто способен изолировать, развести по сторонам, больше не думать, не думать вообще.

Поэтому психопатология дрона была совсем не там, где ее искали, то есть не в непосредственном травматизме операторов, а, напротив, в производстве в промышленных масштабах психозов разгораживания, иммунитета против любой попытки рефлексии над своим собственным насилием, ведь их тела находятся вне возможной досягаемости для противника.

Я задался вопросом, в чем может состоять доблесть современных Гигов? Военная психология дает нам ответ. Это практическая способность разгораживать, разводить по сторонам. В самый темный час XX века Симона Вейль предложила замечательную интерпретацию платоновского мифа и одновременно возможность его принципиально новой формулировки сегодня. Невидимым остается не носитель кольца, а оно само: «Кольцо Гига стало невидимым, это сам акт разведения по сторонам. Развести по сторонам своя Я и преступление, которое совершаешь. Не видеть между ними никакой связи»³¹⁸. Гиг: «Я стал королем, а прежний король убит. Между этим нет никакой связи. Вот кольцо». Мы разводим по сторонам и забываем, что именно «эта способность разводить по сторонам делает возможным любое преступление»³¹⁹.

283 Martin Sasser. *Op. cit.* P. 85

284 Harun Farocki, "Phantom Images", *Public* 29 (2004), p. 12–17. Кинематографисты двадцатых годов, чтобы снять сцены с невозможных для человека ракурсов (например, под несущимся поездом), придумали так называемые фантомные планы (phantom shots). Камера-дрон, закрепленная в носовой части машины, не является эквивалентом того, что обычно видят пилоты, сидящие перед панелью управления. Она перпендикулярно фокусируется на земле, а на горизонте. Ее вертикальная, всеохватывающая перспектива совершенно не стремится воспроизвести горизонтальную перспективу пилота или же стрелка, сидящего в застекленной кабине внутри самолета. Поэтому она не является эквивалентом использованной ранее субъективной точки зрения. Для обозначения этой новой и весьма двусмысленной формы Фароки предлагает новый термин: «Мы можем интерпретировать фильмы, которые показывают точку зрения бомбы как субъективные фантомные образы» (*Ibid.* P. 13). Это выражение адекватно описывает тип изображений, получаемых дронами: это слишком «субъективные фантомные образы».

285 Предложение Фароки позволяет внести важный нюанс в наблюдение Поля Вирильо о том, что «для людей на войне функция оружия соответствует функции глаза», при этом, добавляет он, «военная машина представляет-

ся... инструментом репрезентации». Paul Virilio, *Guerre et cinema.*

Logistique de la perception, Cahiers du cinema, Paris, 1984, p. 26.

286 Mathieu Triclot, *Philosophie des jeux video*, "Zones", *La Découverte*, Paris, 2011, p. 94. Вместе с этим безразличием интерактивный знак основан на некоем подобии инструментального реализма, потому что как только он становится интерактивным, то взаимодействует со всем миром.

287 "Staca", *Ancient laws and institutes of England*, II, Glossary, Eyre & Spottiswoode, Londres, 1840, n. p.

288 *Ibid.* P. 59.

289 *Ibid.* P. 107.

290 *Ibid.* P. 118.

291 Dave Grossman, *On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society*, Back Bay Books, New York, 1995, p. 98.

292 Я хотел бы прибавить более развернутый теоретический комментарий к концепту прагматического соприсутствия, который я здесь развиваю. Тогда как локальное присутствие определяется через отношение сущности к месту (отношение локализации), соприсутствие определяется исключительно через отношения между сущностями (существами или событиями). Разумеется, соприсутствие, как правило, подразумевает колокализацию, чтобы соприсутствовать, существа обычно должны находиться в одном месте, но это не всегда так, и введение технологий дистанционного контроля

означает важный разрыв. Если соприсутствие не означает «присутствие в», оно теперь не является «присутствием для». Мы регулярно получаем подобный опыт, не зная об этом. Кто-то был здесь, но я его еще не увидел. Иными словами, соприсутствие не означает соприсутствия на сознательном уровне. Оно несводимо к субъективному ощущению. Вещи, материальные неодушевленные объекты могут соприсутствовать. Но соприсутствие также не является простым сосуществованием. Чтобы две сущности могли сосуществовать, достаточно, чтобы они существовали в одно время, в синхронном режиме. Но соприсутствие требует чего-то куда большего, а именно возможности для одной стороны влиять на другую или испытывать ее влияние (отношение причинности). Иными словами, соприсутствие определяется непосредственной, но не обязательно актуализированной возможностью реального отношения. Если сформулировать иначе, соприсутствие определяется доступностью одной стороны для другой. Чтобы соприсутствовать, необходимо быть в досягаемости друг для друга. Две армии присутствуют одна напротив другой, когда они находятся на расстоянии выстрела, даже если ни одного выстрела произведено не было. Именно это понятие досягаемости отличает прагматический концепт соприсутствия от простого сосуществования. Соприсутствие предполагает, помимо

простого одновременного существования двух сущностей, включение одной в пределы досягаемости другой. Определенные сферы соприсутствия можно разделить на неопределенной основе объективного существования, которое достигается, как только одновременно имеются разные сущности. Поле прагматического соприсутствия определяется включением одной сущности в каузальное поле другой. Для людей или животных это каузальное поле соответствует полю действия или восприятия, или же кинестетическому полю. Оно определяется включением одной из двух сторон в периметр как минимум одной из частей кинестетического или каузального поля другой стороны. Прагматический периметр соприсутствия определяется зоной аффективного восприятия (воспринимать, быть воспринимаемым) или же возможного действия (производить воздействие или подвергаться ему). Есть столько же полей досягаемости, сколько возможных аспектов соприсутствия. Можно быть достигаемым на расстоянии взгляда, улавливаемого ухом звука, на расстоянии руки... Поля досягаемости, соответствующие различным аспектам или различным измерениям, имеют различную протяженность. Как правило, чем меньше дистанция, тем полнее соприсутствие по отношению к своему возможному диапазону. Существуют зоны покрытия или наложения между различными измерениями.

Таким образом, возникает более или менее насыщенный опыт соприсутствия, в зависимости от того, сколько его измерений он сочетает или же полей досягаемости, которые они покрывают. По отношению к «стратам проживаемого мира» дистанция является не просто количественной, у нее появляются качественные пороги, соответствующие исчезающей разнице кинестетической досягаемости. С этой точки зрения именно насыщенность сочетаемых измерений соприсутствия отличает близость двух тел и значительную дистанцию между ними. Он был на платформе, я мог с ним поговорить и обнять его в последний раз, но поезд тронулся, и теперь я могу видеть его только на расстоянии. Соприсутствие, бывшее столь насыщенным и многомерным, поблекло и оказалось сведено к чисто оптической досягаемости. Понятие определенной досягаемости, в известных отношениях ограниченное, определяет наши понятия об удалении и близости. Максимальная близость имеет место, когда различные ее виды совпадают. Но по мере различных изменений, когда я удаляюсь, я выхожу за пределы различных полей соприсутствия. Я пересекаю определенные границы, чувствуя, как по мере моего удаления постепенно ослабевает эффект их соприсутствия в различных измерениях. Расширение сферы соприсутствия от одного аспекта к другому:

например, поле оптического восприятия обычно шире, чем поле восприятия тактильного. Глаз обычно может видеть дальше того, куда может дотянуться рука. На самом деле, кинестетическое поле распадается на определенное число полей различной протяженности, которые определенным образом ограничены той или иной концентрической средой. Отношение прагматического соприсутствия более или менее насыщенно, более или менее завершено в зависимости от его досягаемости. Удаленность и близость являются не просто метрическими понятиями: они не просто прагматически соответствуют времени, которое требуется для пересечения разделяющего пространства, но внутри самой зоны соприсутствия обусловлены пороговыми значениями, которые соответствуют более или менее полной совокупности измерений соприсутствия. А это зависит от того, находимся ли мы в зоне досягаемости другой сущности или другая сущность находится в нашей досягаемости (и подобные совокупности соприсутствия могут быть столь же многочисленны, сколь и способы отношений, возможных между телами, включая живые тела). Поэтому полный спектр измерений соприсутствия не ограничен палитрой различных чувств. Например, он включает измерение, которое имеет ключевое значение для текущего контекста и может быть

названо либо летальной зоной, либо, напротив, зоной уязвимости. Это зона, которая изначально могла быть определена досягаемостью для когтей, конечностей или зубов в отношениях между добычей и хищником, а также соответствующих скоростей, движений и сил. Другими словами, на прагматическом уровне необходимо заменить количественное понятие дистанции понятием досягаемости или доступности, объем которого определяет граница и протяженность области возможного соприсутствия.

Диапазон соответствующей досягаемости различных лиц или сущностей также может быть различен. Как правило, визуальное поле одного может быть шире поля другого. В результате, как ни парадоксально, если передо мной открывается лучший вид, то я могу быть в присутствии другого до того, как он будет в присутствии меня. Этот результат будет парадоксальным, так как вынуждает нас сказать, что соприсутствие не обязательно является взаимным. Добыча и крадущийся в тени хищник соприсутствуют, даже если первая еще этого не осознает (и даже если добыча пока не может видеть хищника). В этом случае все, что необходимо для соприсутствия, это нахождение одной из сторон в поле досягаемости другой. В этом случае складывается парадоксальная форма одностороннего соприсутствия, в которой сущность А может воздействовать на сущ-

ность Б или ощущать ее воздействие, тогда как сущность Б не находится в схожей позиции. Поэтому приставка «со-» означает здесь не взаимность отношений, а просто общую вовлеченность. Соприсутствие возникает тогда, когда всего лишь одна из сторон включена в одно и то же перцептивное или оперативное поле. Быть соприсутствующим означает быть включенным в одну и ту же прагматическую сферу. Но одной стороны может быть недостаточно. В таком случае можно говорить об одностороннем соприсутствии, которое определяется как невзаимное включение одной из сторон в поле досягаемости другой. Поэтому соприсутствие может включать не только различные поля досягаемости как результат различных измерений, но также различные морфологические структуры, в зависимости от того, является ли это отношение взаимным или нет. Под структурой соприсутствия я здесь понимаю отношения взаимного или невзаимного включения сущности в поле досягаемости другой. Структура соприсутствия определяет, что для каждой сущности возможно или невозможно сделать в этом отношении. Структура фиксирует конститутивные прагматические правила отношения (например, можно увидеть другого, не имея возможности с ним разговаривать, но, если мой голос раздастся дальше, чем твой, я могу тебе что-то говорить, не имея возможности тебя слышать).

Структуры и поля соприсутствия могут сочетаться самыми разнообразными способами, и на этом основании, используя различные комбинации, будет несложно создать сетки различных конфигураций соприсутствия, типологию его возможных форм, которая позволит выделить редкие или непредвиденные случаи. Например, вымышленный случай человека-невидимки займет свое место в подобной типологии: это будет случай не взаимного соприсутствия в визуальном поле, но взаимного в поле тактильном или летальном. Подобные конфигурации могут быть предметом споров, в котором каждый постарается изменить правила ради своей выгоды. Как животный мир, так и истории войн и различных видов оружия изобилуют примерами подобной тактики. Например, кто-то может попытаться увеличить досягаемость своего удара, тогда как его противник не в состоянии на это ответить, не имея аналогичного оснащения. Также возможно, даже если кто-то включен в перцептивное поле и оперативную зону противника, попробовать стать незаметным, используя камуфляж или другие хитрости, чтобы сделаться невидимым. Но существует разница между этими простыми схемами, с одной стороны, которые не затрагивают общую структуру соприсутствия, всего лишь пытаясь изменить ее условия и, с другой стороны, попытками радикального

изменения структуры соприсутствия, сделав ее односторонней.

Как правило, в случае тел при отсутствии всяких орудий соприсутствие подразумевает колокализацию.

Но это не обязательно так в том случае, если используются технологии дистанционного управления. На фундаментальном уровне они делают возможным развести прагматические условия соприсутствия с условием телесной колокализации.

Однако технологии дистанционного управления названы так не совсем удачно. Вопреки своему названию, они не являются техникой действия, которое осуществляется на расстоянии. Разумеется, можно позвонить кому-то на другом конце света, но это также могут сделать люди, находящиеся близко друг от друга, стоящие на тротуаре и говорящие друг с другом по мобильному телефону. Основной чертой технологий дистанционного управления является то, что они прекрасно действуют как на большом, так и на малом расстоянии. Именно это принципиально отличает их от предшествующих технологий, которые базировались на иных принципах. Можно наблюдать удаленные объекты в бинокль, но все становится размытым, едва объект приближается. Точно так же телефон — не рупор. Попробуйте общаться при помощи громкоговорителей в одной комнате... Хотя технологии дистанционного управления создали возможность

сократить расстояние, они не перестают работать вблизи, используя те же самые инструменты, поэтому их отличает не столько дистанция, сколько тот факт, что они все так же функционируют на короткой дистанции. Разница между мобильным телефоном и рупором, равно как между биноклем и видеокамерой, в следующем: с одной стороны, у нас есть техника, созданная для расширения пространственной протяженности зоны колокализации (это дистанционная техника в смысле протяженности дистанции, которая непосредственным образом использует физическое пространство в качестве материального медиума); с другой стороны, у нас есть техники делокализации прагматического соприсутствия, которое упраздняет возможность телесной колокализации. Необходимо четко различать эти разновидности техники: с одной стороны — процедуры расширения поля досягаемости за счет амплификации феномена (усилить звук, увеличить картинку, распространять шире и т. д.); с другой — процедуры соприсутствия, основанные на принципе передачи сигнала из одной точки в другую (запись-передача-воспроизведение). Во второй схеме величина физической удаленности или близости между двумя точками не имеет значения для успешного создания эффекта соприсутствия. При использовании технологий дистанционного управле-

ния сфера соприсутствия определяется скорее зоной покрытия сигнала, чем досягаемостью сенсомоторных полей самого тела или предлагающихся к нему орудий. Важны лишь отношения между каждой точкой и передающая сеть. Технологии дистанционного управления отличает то, что они освобождают соприсутствие от условия колокализации различных сторон на одном и том же протяженном участке пространства, который используется в качестве физического медиума для операций: требуется, чтобы каждая из сторон находилась в зоне, покрываемой сетью. Соответственно, дистанционное присутствие будет определяться не столько как присутствие на расстоянии, сколько как соприсутствие, независимое от колокализации различных сторон: соприсутствие осуществляется через соединение таким образом, что континуум непосредственного кинестетического поля не обязательно имеет место.

Было бы справедливо сказать, что главным эффектом технологий дистанционного управления является разделение соприсутствия и колокализации, которая была его условием. Они производят модифицированные прагматические эквиваленты обыденного соприсутствия, но оно больше не обусловлено физической колокализацией тел. Стороны больше не соприсутствуют в смысле колокализации в одном непрерывном участке пространства. Они соприсутствуют только

в смысле связанной одновременности. Воздействие, которое технологии дистанционного управления производят на своих операторов, может быть описано как нарушенный опыт [expérience disloquée] в обоих смыслах этого выражения. Во-первых, присутствие и колокализация разъединены. Нарушить означает отсоединить, отключить, отменить, расчленить. Происходит разделение присутствия и физической колокализации тел. Присутствие больше не связано тесным образом с местом, где находится тело, и не помещено исключительно в тело. Возникает своеобразный феномен присутствия вне территории. Больше нет необходимости физически находиться на каком-то ограниченном участке, чтобы иметь возможность говорить друг с другом. Физическая колокализация и прагматическое присутствие до этого были привязаны друг к другу, находясь в отношении взаимного обуславливания. Но это больше не так: в результате чего вопрос места действия, который раньше был элементарным, становится куда сложнее. Где происходит это действие? Где осуществляется телефонный звонок? Действие разворачивается в одно и то же время в разных местах. Это происходит и там, и здесь. Событие больше не является атомарным. Оно разделено между разными концами, в которых оно осуществляется.

Во-вторых, это нарушение в смысле разрыва, разъединения различных

измерений соприсутствия, которые соединены в обыденном опыте. Теперь появляется опыт частичных, расчленинных соприсутствий. В начале двадцатого века, когда обычные телефоны стали получать все большее распространение, многие описывали телефонный разговор как «уменьшенное» или «частичное присутствие». Идея заключалась не в том, что говоривший частично присутствовал на другом конце телефонной линии (всем было известно, где они находились, когда звонили). Они скорее чувствовали, что соприсутствие между двумя собеседниками уменьшалось, было лишь частичным, потому что сводилось лишь к одному из его измерений (вы могли слышать и говорить, но не видеть, трогать или чувствовать; это были всего лишь голоса, лишенные лиц и тел). Представление об уменьшенном присутствии было связано с феноменом сокращенного соприсутствия, то есть сокращения способности оказывать воздействие и подвергаться ему, сведения лишь к одному из измерений при потере остальных, которые и делали соприсутствие, бывшее столь полным и насыщенным при общении лицом к лицу. В этом смысле элементы, которые обычно связаны в непосредственном опыте, теперь были радикально оторваны друг от друга, разделены, разбиты на части. Вы можете слышать, но не видеть друг друга. Вы можете бить, не получая удара в ответ, видеть,

оставаясь невидимыми. Теперь нарушаются аспекты, которые изначально были неотделимы от телесного присутствия, аспекты, всегда сочетавшиеся в теле, но теперь представленные по отдельности. Если обобщать в виде схемы, можно сказать, что существует как минимум четыре аспекта присутствия, которые раньше в одном месте соединяло в себе тело, не оснащенное дополнительным снаряжением: тело действует, и, если кто-то хочет действовать, он делает это через тело прямо на месте; это тело воспринимает, опять же здесь, при отсутствии снаряжения, тело находится именно здесь со всеми своими способами восприятия; тело также является воспринимаемым (оно, видимо, источает запахи...); наконец, тело уязвимо, может получать ранения и быть убито — именно потому, что оно является живым телом. Тело активно, восприимчиво, воспринимаемо и виталистично; все эти аспекты зафиксированы в одном месте, которые мы и называем телом. «Тело» — это название для непосредственного и кажущегося неразрывным синтеза этих четырех измерений опыта, которые отсылают друг к другу и которые буквально идут рука об руку. В этом непосредственном единстве, которое радикально нарушают технологии дистанционного управления, заменяя непосредственный синтез чем-то другим — синтезом техническим, который радикальным

образом перестраивает отношения между этими четырьмя аспектами. Раньше они были связаны, но теперь в некотором смысле стали самостоятельными, разъединенными. Это тело стало расчлененным, и, частично производя тело органическое, стало возможным разъединить фрагменты тела, которые оно, в своем непосредственном единстве, ранее сочетало.

Таким образом, эти устройства затрагивают как разнообразные характеристики измерений соприсутствия, так и их структуру, поэтому, в зависимости от выбора, определяющего их техническую архитектуру, они производят новые формы опыта: опыт ущербного присутствия, слепого присутствия, невзаимного присутствия и т. д. Они преобразуют формы соприсутствия, делая определенные формы не просто возможными, а необходимыми, конфигурации, которых в недавнем прошлом не существовало.

Да будет нам позволено еще раз использовать пример с телефоном. Разумеется, в обычном опыте возможно говорить, не видя друг друга при этом (закрыв глаза, через закрытую дверь или в темноте), но подобная ситуация обычно не считается необходимой для структуры опыта. Но именно это изменяется с появлением телефона: подобное устройство не позволяет видеть друг друга, даже если оно используется для общения. Структурно изменяется сама форма опыта. Конкретная модель технических

устройств определяет возможные формы соприсутствия. Эти устройства позволяют ввести неизвестные ранее реконфигурации в структуру опыта. Как им это удастся? Как правило, двумя путями. Во-первых, дистанционные технические устройства могут «фильтровать» различные измерения соприсутствия, которые они могут ретранслировать. Они могут выбирать в богатой феноменальной гамме и остановить свой выбор на том или ином аспекте. Например, они могут производить только картинку или только звук. Однако, при наличии соответствующего оборудования на другом конце линии, они могут добавить к гамме наших ощущений измерение, которое было недоступно при взаимодействии с обычным человеческим телом (например, наблюдение в инфракрасном спектре). Все зависит от доступного технического выбора. Во-вторых, подобные устройства могут определять параметры структуры соприсутствия, варьируя ее характер, который может изменяться от полной односторонности до абсолютной взаимности. Дистанционные средства связи, как правило, воспроизводят структуры взаимного характера, но делают это по мере необходимости. И в этом случае это проблема решения модели дистанционно-технического устройства. Структурный выбор для устройств, которые используются дронами, напротив, является совершенно односторонним.

Дистанционные технические устройства одновременно нарушают и заново синтезируют возможности тела или того, что оно представляет собой в непосредственном единстве.

Эти новые синтезы изменяют именно конститутивные формы структур опыта, которые также являются условиями intersubjectивного опыта. Именно в этом смысле дистанционные технологические устройства радикально изменяют отношения насилия, совершая революцию в способах соприсутствия и одновременно в структуре intersubjectивности.

293 Elisabeth Bumiller, “A Day Job Waiting for a Kill Shot a World Away”, *New York Times*, July 29, 2012.

294 Ibid.

295 Scott Lindlaw, “Remote Control Warriors Suffer War Stress: Predator Operators Prone to Psychological Trauma as Battlefield Comrades”, Associated Press, August 7, 2008.

296 В философии войны можно найти классическую формулу соотношения между дальностью боя оружия и эмоциональной вовлеченностью солдата. Она оформлена и существует в виде закона, который мы могли переименовать в закон Клаузевица — Гегеля. Клаузевиц пишет следующее: «Оружие, при помощи которого противник может атаковать, когда он находится на расстоянии, дает нам больше для понимания; оно позволяет чувствам, “боевому инстинкту”, оставаться практически незатронутым

в зависимости от того, насколько велика дальнобойность его оружия. Мы можем себе представить, что бросок камня сопровождается гневом; выстрел из мушкета требует меньше эмоций, а выстрел из пушки — меньше выстрела из мушкета». Clausewitz, “Guide to Tactics, or the Theory of the Combat,” *On War*, London, Kegan, 1918, p. 250. Жестокость отдельной схватки, которая оставляет запачканными руки и души, воспринимается по контрасту с туманной иллюзией артиллерийского огня. В этом великом повествовании история оружия идет рука об руку с триумфом разума. Гегель добавляет: «Огнестрельное оружие — это открытие общей, безразличной и безличной смерти». Hegel, “System der Sittlichkeit”, цитируется по: *Schriften zur Politik und Rechtsphilosophie*, Leipzig, Meiner, 1923, p. 467. Удивительная похвала смерти, которую хладнокровно несут беспристрастные субъекты, в режиме общей абстракции. Если мы не готовы слышать это сегодня, когда дроны парадоксальным образом возвращаются к подобному представлению, то именно потому, что двадцатый век показал нам ее темную сторону. Там, где берлинский философ видел триумф телеологии, которая указывала путь рационализации государственного насилия, двадцатый век, ужаснувшись, обнаружил нечто совсем иное. Когда Джон Ульрик Неф в конце Второй мировой войны затронул

эту тему, он был куда менее в этом уверен: «Прогресс по большей части освободил современную войну от гневных страстей, которыми сопровождалась битвы прежних времен. За исключением пехоты, убийство стало настолько безличным, что убийца напоминает мальчугана с игрушечным пистолетом или человека, давящего тараканов в своей ванной». John U. Nef, “The Economic Road to War”, *Review of Politics* 11, no. 3 (July 1949): 330.

Помимо «прогресса» дистанционного насилия, мы можем говорить о варварстве эмоционально стерильного убийства. Теперь возникает сомнение, является ли механизированное убийство или убийство, совершенное из офиса, менее ужасным, чем страстное кровопролитие.

297 Теперь возможно получить одновременно оптическую «близость» и абсолютную «дистанцию» от происходящего во всех остальных отношениях. Что стоит сравнить с перцептивным опытом войск на поле боя. В убийстве, совершенном в бою, задействованы все чувства, и ужас является синтетическим чувством: оно переживается куда сильнее, когда воздействует на все чувства.

298 Dave Grossman, *On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society*, New York, Back Bay Books, 1995, p. 128.

299 Jane Mayer, “The Predator War”, *New Yorker*, October 26, 2009.

300 William Saletan, “Joystick vs. Jihad: The Temptation of Remote-Controlled Killing”, *Slate*, February 12, 2006.

301 Мильграм добавляет: «Очевидно, приговоренному, стоящему перед расстрельной командой, разрешают надеть повязку на глаза, чтобы снизить его стресс, но менее явная функция состоит в том, чтобы снизить стресс приводящего приговор в исполнение». А также: «Многие выражения обиденного языка описывают дискомфорт или задержки, возникающие во время атаки лицом к лицу. Часто говорят, что человека легче критиковать у него за спиной, чем столкнуться с ним напрямую». Stanley Milgram, *Obedience to Authority: An Experimental View*, New York, Harper & Row, 1974, p. 39.

302 Grossman. *Op. cit.* P. 128.

303 Milgram. *Op. cit.* P. 38.

304 Matt J. Martin with Charles W. Sasser, *Predator: The Remote-Control Air War over Iraq and Afghanistan*, Minneapolis, MN: Zenith, 2010, p. 31.

305 Об эффекте «моральных амортизаторов», который производит интерфейс дистанционных операций, см.: Mary Cummings, “Creating Moral Buffers in Weapon Control Interface Design”, *Technology and Society Magazine* 23, no. 3 (Autumn 2004): 28–33; Mary Cummings, “Automation and Accountability in Decision Support System Interface Design”, *Journal of Technology Studies* 32, no. 1

(Winter 2006): 23–31. См. также связанное с ним понятие «нравственной невовлеченности»: Albert Bandura, “Moral Disengagement in the Perpetration of Inhumanities”, *Personality and Social Psychology Review* 3, no. 3 (August 1999): 193–209.

306 Наиболее близкой оператору дрона фигурой, возможно, является снайпер. Для него также существует разница между оптической близостью и физической дистанцией. Но, в отличие от снайпера, оператор дрона больше не присутствует в зоне конфликта.

307 В этом месте я должен внести уточнение относительно феноменологического измерения смысла «переключения» или кувыркания, характерных для дистанционного присутствия. Разновидность «инструментального опыта», переживаемого операторами дронов, является довольно странной: это чувство нахождения между. Его сложно описать, оно, скорее всего, является разновидностью смущения в чем-то присутствии. Рассуждения американского философа Дэниела Деннетта могут стать нашей отправной точкой: «Работники лабораторий и заводов, которые имеют дело с опасными материалами, при помощи управляемых по обратной связи механических рук и кистей производят переключение точки зрения, которая значительно острее и ярче любого эффекта, который можно вызвать при помощи Синерамы. Они могут почувствовать тяжесть и скольжение

контейнеров, которыми управляют при помощи своих металлических пальцев. Они прекрасно знают, где находятся, и у них не возникает ложного убеждения за счет данных опыта, и тем не менее они чувствуют, как если бы находились в изолированном помещении, к которому прикован их взгляд. При определенном мыслительном усилии они могут переключать свою точку зрения туда и обратно, как если бы у них на глазах становился прозрачным куб Неккера или менял направление рисунок Эшера. Представляется весьма экстравагантной идея о том, что занятия этой ментальной гимнастикой перемещают их туда и обратно». Daniel Dennett, “Where Am I?”, цитируется по: *Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology*, Hassocks, Sussex, Harvester, 1978, p. 315. Сфокусировав свое внимание на движениях механической руки, оператор до известной степени может принять точку зрения машины, которая выполняет эту работу, и полагать, что сам находится там. Однако на самом деле он верит, что находится где бы то было вне своего тела, которое пребывает в сидячем положении. Поэтому он не переживает опыт обмана или ложного убеждения, порожденного сенсорной иллюзией. Но все же это «как если бы» он был в том месте, где осуществляются операции. Именно это ощущение «как если бы» требуется прояснить. Оно не является ни убеждением,

ни иллюзией. Итоговая аналогия Деннетта является весьма изощренной: он приводит довольно специфический пример парадоксальных объектов. Когда кто-то смотрит на куб Неккера, он может видеть его то с лицевой стороны, то с тыльной, когда его тыльная сторона становится лицевой и наоборот, в зависимости от того, что кто-то мысленно переходит от одного к другому. В этой аналогии с оператором дистанционного управления важна идея не интерпретативной неразрешимости, а вариативности объективной конфигурации феномена в зависимости от ментальной фокусировки субъекта. Из этого следует не то, что ощущение дистанционного присутствия является или должно быть иллюзорным, как только оно возникает, а нечто иное. Что важнее: предмет фокусировки внимания оператора, количество вариантов выбора или же дифференциальный приоритет переднего или заднего плана в одном и том же перцептивном поле? Как мы можем объяснить этот опыт переключения точек зрения? Что за феноменологические операции его обеспечивают? Лумис предоставляет убедительное объяснение этого феномена. Он считает, что операторы дистанционного управления «часто сообщают о сильнейшем ощущении “дистанционного” или “удаленного присутствия”». Jack M. Loomis, “Distal Attribution and Presence”, *Presence, Teleoperators and Virtual*

Environments 1, no. 1 [1992]: 113.

Для него опыт операторов дистанционного управления не сильно отличается от того, что происходит, когда кто-то использует трость или палку, чтобы почувствовать поверхность: он чувствует, как если бы это был конец палки, а не рукоятка, которую сжимает его рука. В этом случае он принимает точку зрения палки. Проще говоря, операторы испытывают то же самое, когда принимают точку зрения механических рук, которые контролируют. Эта разновидность феноменального переключения, которая также может быть описана как феномен проецирования или транслокации данных восприятия, не является чем-то специфическим для подобного рода устройств или вообще для использования каких-либо инструментов. Общим основанием подобных операций является то, что в психологии называется «проекцией».

Это самый общий феномен, свойственный самим органам восприятия, который называется «транслокацией», «экстернализацией» или «периферической атрибуцией».

Подобные ощущения, хотя они воспринимаются здесь, в моем теле, могут распределяться повсюду, отсылая к другому месту. Для описания того, что происходит в сознании субъекта в подобных случаях, Лумис использует концепты фокального сознания и вспомогательного сознания. Первое означает внимание,

которое уделяется тому, что происходит на переднем плане сознания, а второе — незначительным перцепциям, которые остаются на его заднем плане. Когда использование инструментов приводит к тому, что «вспомогательное осознание опосредующих звеньев цепи ослабевает настолько, что практически исчезает», субъект может выработать «фокальное сознание периферического». Но даже если ему больше не требуется концентрация для совершения действия, ощущение контакта его руки с палкой сохраняется в приглушенном виде. Даже если инструментальное опосредование стало, как и раньше, очевидным, что-то остается на заднем плане, хотя бы в виде мимолетных ощущений где-то глубоко во вспомогательном сознании оператора. Но достаточно того, что я, к примеру, пораню мою ладонь о занозу, о существовании которой на поверхности палки я забыл, она немедленно ворвется в поле моего фокального сознания, одновременно отправляя камень, который уткнулся в диапазон моего вспомогательного сознания. Именно в этом состоит «переключение точки зрения», о котором говорит Деннетт: объект переводится из фокального во вспомогательное сознание в зависимости от того, фокусируется ли мое Я на контактной зоне между моим телом и опосредующим инструментом, например на палке или комнате, в которой я управляю рычагами

или же перевозжу их задний план, чтобы перевести внимание на объект, на который я нацеливаюсь при помощи опосредующего инструмента.

Это подразумевает, что я определенно должен забыть об опосредовании, но это забывание является чисто прагматическим, о нем не нужно думать для совершения определенного действия. Мы его не осознаем, но не потому, что неспособны признать его роль или само существование (эпистемическое незнание), а именно в том смысле, что мы можем не обращать на него внимания при совершении действия (прагматическое забывание). Это прагматическое забывание опосредования совершенно не подразумевает ослабления восприятия субъекта или же неспособности почувствовать или понять свою роль; напротив, это результат длительных усилий по присвоению инструмента с целью сделать его частью самого себя, как если бы мы вообще о нем не задумывались. Подобная моментальная забывчивость инструментального опосредования является состоянием, которого требуется достичь.

Это не эпистемический провал, а, напротив, прагматический успех.

Чтобы получить опыт острого ощущения дистанционного присутствия, субъект должен успешно перевести на задний план инструментальное опосредование, но не только в своем сознании, но и в своем собственном локальном присутствии, а также

на уровне всех чувственных раздражителей, которые воздействуют на него в его непосредственной среде (кресло, которое врезается в его спину, раздающиеся вокруг него звуки и т. д.).

Лумис пишет: «Когда стимуляции недостаточно для поддержания “дистанционного присутствия” (осознания себя где-то еще), наблюдатель переживает “второстепенное осознание” удаления или симулированной среды... Примером чего является разговор с кем-то по телефону, когда у нас одновременно есть вспомогательное осознание того, что мы находимся в одном месте и общаемся посредством определенного устройства, и фокальное осознание лица на другом конце линии». Ibid. P. 117.

Это переведение на задний план является трудной работой, которая требует существенных усилий. Эта проблема преследует специалистов по эргономике, работающих над интерфейсами, и психологов, изучающих работу операторов дистанционного управления, чтобы понять, как поддерживать фокальное внимание после многих часов наблюдения или, как они сами выражаются, как облегчить и поддерживать «ситуационное сознание» операторов дистанционного управления, которое всегда находится под угрозой: оно подразумевает концентрацию на одной среде, хотя воспринимаются одновременно две; это вопрос внимания и ментальной фокусировки. В случае с кубом

Неккера вам не требуется воспринимать одновременно два образа.

Когда вы воспринимаете один, другой исчезает. В данном случае существует строгая альтернатива: один образ стирает другой. Переключение точки зрения является полным. Хотя в случае оператора дистанционного управления имеет место переключение между фокальным и вспомогательным сознанием, проблема в том, что одно продолжает безотчетно создавать помехи для другого, являясь непосредственной рамкой, в которую оно вписано. Его требуется отделить, выбрать и постараться забыть о другом, которое при всем при этом остается здесь и не полностью стерто.

Для операторов проблема не в том, что, столкнувшись с чем-то вроде совершенной иллюзии дистанционного присутствия, они больше не будут знать, где находятся, что реально, а что, возможно, нет. Напротив, столкнувшись с наложенными друг на друга видами опыта одновременно близости и удаленности, они испытывают проблему с тем, чтобы последовательным образом соединить горизонты опыта этой пестрой реальности.

Они не принимают одну реальность за другую, но воспринимают их одновременно. Это не столько их смешение, сколько обрамление, частичное наложение или проблематичное сочленение. Их опыт состоит не в том, что они застревают в определенном присутствии, а скорее в наличии двух

присутствий, наложенных друг на друга. Об онтологической и феноменологической дискуссии о дистанционном присутствии см. также: Luciano Floridi, "The Philosophy of Presence: From Epistemic Failure to Successful Observation", *Presence: Teleoperators and Virtual Environments* 14, no. 6 (2005): 546–57.

308 Dave Lara, цитируется по: Colonel Hernando J. Ortega Jr., "Combat Stress in Remotely Piloted/Unmanned Aircraft System Operations", лекция, прочитанная в январе 2012 года в Брукингском институте совместно с Питером В. Сингером, запись доступна по ссылке: www.brookings.edu/events/2012/02/03-military-medical-issues

309 Martin. Op. cit. P. 85.

310 Blake Morlock, "Pilot Is in Tucson; His Aircraft's over Iraq Battlefield", *Tucson Citizen*, August 30, 2007.

311 Форум военного сообщества на сайте: www.militarytimes.com, "Thread: UAV Operators Suffer War Stress", May 2011.

312 Война является «официальной отменой цивилизованных стандартов», во время которой не просто поощряют, а принуждают усваивать формы поведения, которые при других обстоятельствах вызвали бы отторжение по эстетическим и нравственным соображениям, поэтому солдаты «проходят через существенное изменение

своих установок и стандартов поведения... Их прежние стандарты нравственности, чистоты, а также эстетическое чувство и отношение к ближнему подвергаются существенному изменению». Они живут в соответствии с двойными стандартами. Ernest Jones, "War Shock and Freud's Theory of the Neurosis", цитируется по: Psycho-Analysis and the War Neuroses, ed. Ernest Jones (London: International Psycho-Analytical Library Press, 1921), p. 48.

313 John Keegan, *The Illustrated Face of Battle*, New York, Viking, 1989, p. 284.

314 Nicola Abé, "Dreams in Infrared: The Woes of an American Drone Operator", Spiegel Online, December 14, 2012.

315 Bumiller, "A Day Job".

316 Ortega, "Combat Stress".

317 Ibid.

318 Simone Weil, *La Pesanteur et la grâce*, Plon, Paris, 1948, p. 139.

319 Ibid.

III НЕКРОЭТИКА

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ КОМБАТАНТА

Воздушная война в Сербии дала авиаторам
возможность заглянуть в будущее.

Рапорт американских ВВС ³²⁰

«No body bags» *, «фобия потерь», «отвращение к риску»...
все эти выражения, наводнившие американскую прессу в конце
девяностых, выражали одну и ту же идею постепенного подчи-
нения военной силы политическому императиву сохранения
жизней собственных солдат. Особенностью современного
империалистического насилия является не столько асимметрия
сил и вытекающее из нее неравномерное распределение уязви-
мости — это черта всех «small wars» **, хорошо известных
из истории, — сколько тип формирующихся норм, которые
призваны регулировать принципы их ведения западными
«демократическими» державами. Если в них есть что-то новое,
то оно заключается именно в этом: практическая квазинуеязви-
мость господствующей стороны в конце XX века была возведена
в ранг господствующей этико-политической нормы.

Осознание этого феномена, вне всякого сомнения, произошло
во время натовского вторжения в Косово в 1999 году. Как объяс-
нял впоследствии генерал Уэсли Кларк, командующий операцией
«Allied Force» ***, главной заботой стратегов было «не потерять
машины, минимизировать потери воздушных машин»: «Я руко-
водствовался более важным политико-экономическим мотивом.
Если мы хотим, чтобы наша кампания могла продолжаться сколь-
ко угодно долго, мы должны защищать свой воздушный флот. Ничто
не вредит нам в глазах общества больше, чем сообщения в газе-
тах вроде “НАТО теряет по десять самолетов в день”» ³²¹. Восем-
надцать убитых может быть достаточно для того, чтобы прои-
грать войну: таков урок Могадишо, когда синдром «Black Hawk
Down» воскресил призрак Вьетнама в памяти администрации
Клинтон. Она опасалась, что потери, даже самые минимальные

* Отсутствие ящиков с телами (англ.).

** Маленьких войн (англ.).

*** «Союзная сила» (англ.).

по сравнению с масштабом применения вооруженных сил, будут иметь неподъемную политическую цену, с учетом их предполагаемого воздействия на «общественное мнение».

Именно этого необходимо избежать любой ценой. Поэтому пилотам запрещалось снижаться на высоту менее пятнадцати тысяч футов (примерно пять тысяч метров), расстояние безопасности, соблюдая которое, они находились вне зоны досягаемости вражеских систем ПВО, становясь практически неуязвимыми. Вильям Коэн, министр обороны при Билле Клинтоне, объявил после окончания операции: «Главный урок операции “Allied Forge” заключается в том, что безопасность наших войск должна стать нашей первостепенной заботой»³²². И действительно, натовские аппараты совершили 38 004 боевых вылета за семьдесят восемь дней, не потеряв ни одного члена экипажа³²³. Им действительно удалось изобрести войну без потерь в своем лагере.

Но определенные противоречия все же возникали. Потому что подход, при котором отсутствовал риск для жизни пилотов, создавал опасность снижения точности воздушных ударов. Что признавали ответственные лица НАТО, которых опрашивала по этому поводу Amnesty International: «Экипаж, находящийся на высоте пятнадцать тысяч футов, в состоянии только идентифицировать объект и убедиться, что он соответствует обозначенному на предварительном этапе, но он не в состоянии увидеть, к примеру, не возникло ли вокруг него за это время массового скопления гражданских лиц. Правило пятнадцати тысяч футов, резюмировали представители НПО, делало приостановку атаки невозможной для натовских экипажей даже в том случае, если обстоятельства на земле изменились и объект перестал быть легитимной мишенью»³²⁴.

Можно ли рисковать жизнью гражданского населения только по причине неготовности рисковать жизнями «наших» ради «их» в процессе этой «гуманитарной интервенции»? Проблема была типичным вопросом совести, который в самом классическом виде сформулирован моральной философией. Это затруднение Игнатъев резюмировал следующим образом: «Высокотехнологичная война имеет два ограничения: избежать потерь гражданских, с одной стороны, и рисков для пилотов — с другой. Однако они вступают в противоречие. Чтобы лучше

цельтесь, нужно летать на низких высотах. Если вы летаете выше, то неизбежно получите жертвы среди гражданских»³²⁵. Какой из двух императивов важнее? Проблема приоритета, иерархизации норм. На эту дилемму НАТО ответило, надо заметить, без особых колебаний установлением приоритета сохранения жизни пилотов, даже с возрастанием «побочного» риска ранений и гибели гражданских. Ради сохранения жизни военных принимается риск возрастания потери среди гражданских, то есть именно тех, кого эта операция призвана защитить. Что равнозначно признанию того, что на весах военно-политического разума жизнь мирного косовара значила меньше жизни американского военного.

Философы, порвав с теориями «справедливой войны», почувствовали головокружение от столкновения со столь неприглядной стороной «войны без риска». Реакция тех, кто почувствовал фундаментальное изменение норм, происходящее на наших глазах, была острой, часто доходило до скандала. Все дело в том, что подобный выбор полностью изменяет принципы военной этики в ее привычном виде. Джин Бетке Эльштайн описывает это в следующих терминах: «Американские официальные лица представили интервенцию как моральный императив. Но задолго до окончания конфликта наблюдатели стали задаваться вопросом, не оказалась ли нравственная традиция поставлена с ног на голову, когда комбатанты были наделены большей неприкосновенностью от последствий войны по сравнению с нонкомбатантами»³²⁶. Это обвинение затрагивает нечто действительно важное. Возникает и ярко проявляется приоритет негласной нормы, противоречащей правилам военных конфликтов, но определенно поставленной выше их, а именно принцип неприкосновенности *sui generis* * имперского комбатанта: «Как представляется, мы упразднили принцип избирательности, сформулировав новый критерий: принцип неприкосновенности комбатанта поставлен в нашей иерархии выше соображений неприкосновенности для нонкомбатантов, то есть мирных жителей Косово, как сербов, так и албанцев. Намереваясь избавить натовских, то есть американских, солдат от всякой

* Единственной в своем роде (*лат.*).

опасности, мы перешли к доктрине неприкосновенности собственных комбатантов»³²⁷.

Но это было не просто отступление. Десять лет спустя Алекс Джей Беллами вынес схожий диагноз относительно американских вторжений в Ирак и Афганистан: «Становится ясно, что недавно возникшая концепция отдает приоритет безопасности американских солдат над безопасностью гражданских лиц в зонах проведения операций... Защита нонкомбатантам будет обеспечена в той степени, в которой она не предполагает риска для жизни американских солдат». Это означает, что мы ценим «жизни комбатантов больше, чем жизни нонкомбатантов»³²⁸.

Принцип неприкосновенности имперского комбатанта, который в девяностые годы разрабатывался скорее в прагматическом ключе, стал с тех пор предметом теоретического осмысления. Сама доктрина была разработана Израилем: «Когда высших офицеров Цахала спрашивали об убийстве сотен палестинских мирных жителей во время операций в Газе, почти все они давали один и тот же ответ: массированное применение силы имело целью защиту жизни солдат, а когда перед ним вставал выбор между спасением жизни израильских солдат и мирных жителей противника... приоритетом была жизнь солдата»³²⁹. Этот ответ не был случайным, он основывался «на давно разработанной этической теории, которая оправдывает наши действия». В чем смысл обращения к моральной философии? Помимо всего прочего, она упрощает ведение войны.

Аса Кашер, профессор Университета Тель-Авива, много лет близко сотрудничал с израильской армией, для которой он в середине девяностых разработал «этический кодекс». Он оправдывал кампании «целевых убийств», которые неизбежно сопровождались «сопутствующими потерями» палестинских мирных жителей в густонаселенных кварталах. Он организовывал встречи, рассказывая о своей измененной концепции военной этики служащим Цахала и израильской спецслужбы внутренней безопасности Шин Бет³³⁰. В своих интервью он небезосновательно утверждал: «То, что мы сейчас делаем, становится законом»³³¹.

В 2005 году он соавторстве с генералом Амосом Ядлином написал статью о «военной этике борьбы с террором»³³².

Авторы не скрывали свои цели: они собирались ни больше ни меньше подвергнуть полному пересмотру установленные принципы этики и права военных конфликтов.

В этом тексте они ставят перед собой разные задачи, но главной мишенью их атак был принцип неприкосновенности *нонкомбатантов*: «В привычной концепции, лежащей в основе разделения *комбатантов* и *нонкомбатантов*, у последнего был куда меньший набор обязанностей по отношению к государству по сравнению с первым. Вследствие чего долг минимизировать потери *комбатантов* в бою был в конце списка приоритетов... Мы отвергаем подобную концепцию, потому что считаем ее аморальной. *Комбатант* — это гражданин, носящий форму. Его кровь имеет тот же цвет и проливается так же, как и кровь граждан, форму не носящих. Его жизнь столь же ценна, что и жизнь любого другого»³³³. Из чего можно было заключить, что сохранение жизней граждан является высшим долгом национального государства, которое в любом случае должно быть поставлено выше долга минимизировать потери *нонкомбатантов* во вражеском лагере. Это означает, что в ситуации войны минимизация риска для израильского солдата имеет приоритет над долгом минимизации «сопутствующих потерь» детей в Газе. Жизнь первого, пусть он даже вооружен до зубов, отныне стала значить больше жизни последних. Это было сделано в жестком и хладнокровном стиле, типичном для подобного «этического» дискурса, имитирующего формальную строгость аналитической философии.

Аргумент, парадоксальным образом построенный на риторическом напоминании о равноценности жизни (но, запомните это хорошенько, именно *граждан*), в итоге приводит к иерархизации этой ценности, поскольку та же самая кровь, хотя и одинаково «красная», течет в жилах тех, кто является или не является гражданином государства-нации. Операция состоит в замене структурного различия между *комбатантами* и *нонкомбатантами* другим, которое одновременно его перестраивает и получает над ним преимущество. При этом настоящая разделительная линия в конечном счете сводится к иерархическому разделению национального и иностранного. И все это во имя «этики», которая является всего лишь скрытой отсылкой к самому свирепому национализму.

Долг государства-нации оказывается важнее универсальных обязательств, связанных с международным гуманитарным правом. Или, скорее, высказывается притязание на пересмотр *универсальных* обязательств, которое навязывает это право, опираясь на некий фундаментальный свод норм, горизонт которых сводится к частному долгу государства по отношению к своим гражданам. Тогда как право военных конфликтов устанавливает границы применения вооруженного насилия в отношении мирных жителей, кем бы они ни были, ревизионистская архитектура Кашера и Ядлина пересматривает таблицу базовых категорий, превращая границу национального суверенитета в разделительную линию, по одну сторону которой жизни должны сохраняться в первую очередь, даже ценой уничтожения мирных жителей по другую сторону. Все это вплоть до полной непропорциональности, потому что сохранение жизни единственного солдата национальной армии может оправдать неисчислимые потери мирных граждан противника, поставленных на кон: «В соответствии с нашими нормами приоритетов долженствования, государство должно установить приоритет спасения жизни одного из своих граждан, даже если сопутствующие потери могут оказаться гораздо выше тех, что кажутся приемлемыми»³³⁴. Теоретическое наступление Кашера и Ядлина направлено не только на принцип разделения, но и на принцип пропорциональности, который в таком случае бросается на алтарь сохранения жизни граждан.

Теоретикам справедливой войны эта доктрина показалась чем-то беспрецедентно чудовищным. Майкл Уолцер и Авишай Маргалит вступили в полемику с Кашером и Ядлином, решительно опровергая их точку зрения: «Их довод, если говорить откровенно, сводится к тому... что безопасность “наших” солдат важнее безопасности “их” мирных жителей. Наше принципиальное расхождение с ними состоит в том, что он ошибочен и крайне опасен. Он подрывает различие между комбатантами и некомбатантами, которое имеет решающее значение для теории права на войне (*jus in bello*)»³³⁵. Они напоминают о том, что «ключевым средством остановить распространение войны является проведение разделительной линии между комбатантами и некомбатантами», и при этом добавляют:

«Для Кашера и Ядлина больше не существует четкого разделения между комбатантами и нонкомбатантами. Но это разделение должно быть предельно четким, потому что его смысл состоит в том, чтобы ограничить войну теми и только теми, кто в состоянии причинять вред... Это основная линия рассуждения, которую мы защищаем: ведите ваши войны в присутствии нонкомбатантов из чужого лагеря так, как если бы они были вашими гражданами»³³⁶.

Президент Академии наук Израиля Менахем Яари поддержал Уолцера и Маргалита в зародившейся дискуссии, куда менее тщательно выбирая выражения: «Военный устав, который в случае опасности для мирных граждан различает их на “наших” и “не наших”, является крайне тревожным симптомом в условиях, когда в традиционном израильском истеблишменте все больше утверждаются этноцентричные и ксенофобские установки. Мы наблюдаем переход от универсализма и гуманизма к узколобости и трайбализму»³³⁷.

Нужно отдавать отчет о масштабе предпринятого наступления: проект состоит ни больше ни меньше в упразднении права на военный конфликт в том виде, в котором оно сложилось в XX веке. Эвисцерация принципов международного права национализмом жизнеутверждающего самосохранения. Но в этом и заключается, как мы увидим, важнейший руководящий принцип некроэтики дрона.

320 Цитируется по: Thomas G. Mahnken, *Technology and the American Way of War*, Columbia University Press, New York, 2008, p. 187.

321 Wesley Clark, *Waging Modern War: Bosnia, Kosovo and the Future of Combat*, New York, Public Affairs, 2002, 183.

322 William Cohen and Henry Shelton, *Joint Statement on Kosovo After-Action Review Before the Senate Armed Service Committee*, October 14, 1999, 27.

323 Andrew Bacevich and Eliot Cohen, *War over Kosovo: Politics and Strategy in a Global Age*, New York, Columbia University Press, 2001, p. 21.

324 Amnesty International, "Collateral Damage" or Unlawful Killings: Violations of the Laws of War by NATO During Operation Allied Force, June 5, 2000.

325 Michael Ignatieff, *Virtual War: Kosovo and Beyond*, London, Vintage, 2001, p. 62.

326 Nicholas Kerton-Johnson, *Justifying America's Wars: The Conduct and Practice of US Military Intervention*, New York, Routledge, 2011, p. 80.

327 Jean Bethke Elstain, "Just War and Humanitarian Intervention", *Ideas from the National Humanities Center* 8, no. 2 (2001): 14. Эльштайн добавляет: «Если неприкосновенность комбатанта должна стать нашим новым организационным принципом, то в будущем мы столкнемся с большим количе-

ством ситуаций, в которых откажемся делать все необходимое, чтобы следовать провозглашаемым нами целям, и станем использовать средства, которые поставят под вопрос не только эти цели, но и многовековые усилия по ограничению войны, насколько это возможно, одними комбатантами». Jean Bethke Elstain, "What Makes a War Just? Whose Lives Are We Sparing?", *Washington Post*, May 16, 1999.

328 Alex J. Bellamy, "Is the War on Terror Just?", *International Relations* 19, no. 3 (2005): 289, цитируется по: Daniel Brunstetter and Megan Braun, "The Implications of Drones on the Just War Tradition", *Ethics & International Affairs* 25, no. 3 (2011): 337–58.

329 Amos Harel, "The Philosopher Who Gave the IDF Moral Justification in Gaza", *Haaretz*, February 6, 2009.

330 Ibid.

331 Ibid.

332 Asa Kasher and Amos Yadlin, "Military Ethics of Fighting Terror: An Israeli Perspective", *Journal of Military Ethics* 4, no. 1 (2005): 3–32.

333 Ibid. P. 17.

334 Ibid. P. 20.

335 Avishai Margalit and Michael Walzer, "Israel: Civilians and Combatants", *New York Review of Books*, May 14, 2009.

336 Ibid.

337 Menahem Yaari, "Israel: The Code of Combat", *New York Review of Books*, October 8, 2009.

Идет война, и дроны являются ее самым утонченным, самым надежным и самым гуманным средством.

Джефф Хокинс, бюро Государственного департамента США по вопросам демократии и прав человека ³³⁸

Мы никогда не ставили себе такой задачи: «Давайте создадим более гуманное оружие».

Генри А. Крамптон, заместитель директора Контртеррористического центра ЦРУ ³³⁹

Дрон охотник-убийца, утверждают его сторонники, представляет собой «значительный прогресс в сфере гуманитарных технологий» ³⁴⁰. Этим они не хотят сказать, что подобное устройство можно использовать, к примеру, для доставки продовольствия или медикаментов в зоны бедствия. Они хотят сказать нечто иное: дрон является чем-то гуманитарным *в качестве оружия*, то есть *орудия убийства*.

В подобных рассуждениях привычный смысл слов настолько вывернут наизнанку, что те, кто с ними выступает, даже не замечают странности своих формулировок. Как можно утверждать, что эти «unmanned» боевые машины, на борту которых больше нет людей, могут быть более «гуманным способом» отнять жизнь? Как можно называть «гуманитарными» процедуры, направленные на уничтожение человеческих жизней? Если гуманитарные действия по определению направлены на заботу о человеческих жизнях в опасности, то сложно понять, каким образом смертельное оружие может соответствовать этому принципу.

Эвери Пло, профессор политических наук в Университете Массачусетса, предлагает свой ответ: «Дроны спасают жизни, жизни американцев и других людей» ³⁴¹. Для тех, кто удивленно спросит, как можно говорить, что орудие убийства спасает жизни, необходимо понять весьма изощренную логику, которая дает возможность озвучить подобный тезис.

Понятно, что, избавляя американские жизни от риска на поле боя, дрон их сохраняет. Куда менее понятно, каким образом он одновременно «мог бы спасти» какие-либо жизни помимо этих. Мы сейчас это поймем, но начнем с первого пункта этой аргументации.

Во-первых, дроны спасают «наши» жизни. И в этом смысле, как нам объясняют, они являются «моральными». Этот тезис в конце девяностых был в общем виде изложен в одном журнале в довольно эффектной и едва ли не рекламной подаче между двумя фотографиями дронов, светлым шрифтом на лазурном фоне: «Nobody dies, except the enemy»^{*-342}. В соответствии с этой концепцией военной морали, нести смерть, подвергая свою жизнь опасности, — плохо; отнимать жизни, никогда не рискуя своей, — хорошо. Первый принцип некроэтики дрона парадоксальным образом виталистичен. Следуя той же самой логике, дрон в первом смысле может быть определен как «гуманное» оружие: его гуманитарный императив заключается в спасении *чьих-то* жизней. Дрон же спасает *наши*. Следовательно, дрон — оружие гуманное. Что и требовалось доказать.

Главного глашатая идеи о дроне как высокоморальном оружии зовут Брэдли Джей Строузер. Две опубликованные им статьи по данному вопросу позволили ему получить пост профессора философии в американской военной школе³⁴³. The Guardian видит в этом знак: американское военное учреждение убедилось в том, что «вопросы, связанные с дронами и военной этикой, в самое ближайшее время станут предметом все более ожесточенных споров»³⁴⁴. Комментирует Строузер: «Школа хотела сказать свое слово в этой полемике, поэтому они взяли на работу меня... Я хотел стать философом, что и произошло. Мне крупно повезло»³⁴⁵.

Он считает, что дрон является не просто оружием, допустимым с моральной точки зрения, но и «морально необходимым»³⁴⁶. Если вы хотите убивать в соответствии с законами нравственности, то вы должны использовать дрон. Его довод основывается на том, что он называет «принципом необязательного риска»³⁴⁷ (по-английски PUR, аббревиатура от Principle of Unnecessary

* Не умрет никто, кроме врага (*англ.*).

Risk), в соответствии с которым «недопустимо приказывать кому-то брать на себя необязательный смертельный риск»³⁴⁸. Он рассуждает следующим образом: «Наш долг состоит в сохранении наибольшего количества исполнителей, вовлеченных в обоснованное действие, в той степени, в которой подобная защита не влияет на способность этого исполнителя поступать правильно. Беспилотные устройства обеспечивают подобную защиту. Поэтому нашей обязанностью является использование подобных систем вооружений, если будет доказано, что их применение не снижает существенным образом оперативную эффективность участника боевых действий»³⁴⁹.

Здесь мы обнаруживаем принцип витального самосохранения, но на этот раз он использован в негативном смысле: только в том случае, если возможно заменить боевые самолеты дронами и это не приведет к *«значительному снижению способности»*³⁵⁰, имеется моральное обязательство. Подобное условие означает признание того, что «повышенная защита бойца, участвующего в справедливой войне, при помощи дрона не должна достигаться за счет повышенного риска для некомбатантов»³⁵¹. Другими словами, в отличие от Кашера и Ядлина, Струозер подчиняет принцип сохранения своих комбатантов если не принципу минимизации риска для некомбатантов, то по крайней мере принципу не увеличения этих рисков по сравнению с предшествующими системами вооружения.

Если же, напротив, окажется, что это оружие делает «нас» «неспособными неукоснительно следовать принципам *ius in bello* в смысле избирательности и пропорциональности, тогда дроны использоваться не должны»³⁵². Но Струозер убежден в обратном, потому что в рекламном проспекте израильского продавца оружия утверждается, что подобная технология «повышает способность пилота к избирательности»: «Что самое прекрасное... картинка становится все более четкой по мере того, как ракета приближается к цели... По этой причине намного проще проводить различие между легитимными и нелегитимными мишенями»³⁵³.

В этом смысле мораль дронов всего лишь перекладывает на новый лад старые рассуждения о «точечных ударах». Эта извечная мечта военных, как им представляется, наконец-то

стала реальностью. Поэтому кажется, что преодолено противоречие, которое делало войну в Косово аморальной с точки зрения теоретиков справедливой войны. Потому что она была бы «совершенно оправданной», заметил тогда Уолцер, если бы армия использовала «технологии, которые якобы исключают риск для собственных солдат... если бы те же самые технологии не представляли риска для мирного населения по другую сторону»³⁵⁴. В это время уже были известны заявленные характеристики «smart bombs» — которые, добавляет Уолцер, «по крайней мере на данный момент существенно преувеличены»³⁵⁵.

Но в таком случае возникает еще один вопрос: что будет, если вместе с прогрессом техники и появлением нового оружия, которое совместит удаленность и точность, подобная трудность будет преодолена на *материальном* уровне? Если гипотеза о сохранении жизни солдат национальной армии без риска для noncombatants из другого лагеря подтвердится, то противоречие исчезнет. Неприкосновенности первых будет гармоничным образом соответствовать безопасность вторых. Именно на это сегодня претендуют сторонники дронов. Как они уверяют, удаление оператора не повлечет за собой снижения оперативной точности, трудность будет устранена де-факто. Рассуждающие подобным образом уверены, что им совершенно не требуется в теории поддерживать Кашера и Ядлина, ставящих принцип неприкосновенности noncombatants ниже принципа сохранения жизней солдат национальной армии: если признать, что проблема решена на практике, то этого больше не потребуется в теории.

Поэтому вполне можно утверждать, что дрон спасает не только «наши», но и «их» жизни за счет возросшей точности своих ударов. Поскольку он приведет к куда меньшим «сопутствующим потерям» по сравнению с другими видами вооружения, то в потенциале он будет более «этичным» оружием.

На более фундаментальном уровне зарождается режим военного насилия с гуманитарными притязаниями³⁵⁶. То, что можно было бы назвать *гумилитаристской [humilitaire] властью*, которая наносит раны и лечит, выполняя эту двойную задачу за один присест, комплексным образом. Непосредственный синтез разрушительной мощи и способности по уходу, *убийства и care*³⁵⁷.

Мы спасаем жизни. Но от чего? От самих себя, от своего собственного стремления к смерти. Совершенное мной насилие могло быть куда хуже, а поскольку я из лучших побуждений стремился ограничить его пагубные последствия, делая то, что всего лишь было моим долгом, то я поступал вполне морально.

Как показал Эяль Вайцман, подобный способ оправдания в конечном счете основан на *принципе наименьшего зла*: наше «гуманное настоящее», пишет он, «озабочено расчетами и калибровками, которые стремятся устранить, даже в самых незначительных проявлениях, те беды, причиной которых оно в значительной степени является»³⁵⁸. Ханна Арендт, также напоминает он, предостерегала от подобных рассуждений: «С политической точки зрения слабость этого довода всегда была в том, что сторонники принципа наименьшего зла склонны забывать, что они выбрали зло»³⁵⁹.

338 Цитируется по: Medea Benjamin, *Drone Warfare: Killing By Drone Warfare: Killing By Remote Control*, OR Books, New York, 2012, p. 146.

339 Цитируется по: Scott Shane, “The Moral Case for Drones”, *New York Times*, 14 July 2012.

340 Kenneth Anderson, “Rise of the Drones: Unmanned Systems and the Future of War”, *Written Testimony Submitted to Subcommittee on National Security and Foreign Affairs, Committee on Oversight and Government Reform, U. S. House of Representatives, Subcommittee Hearing, March 23, 2010*, 12.

341 Avery Plaw, “Drones Save Lives, American and Other”, *New York Times*, September 26, 2012.

342 Bill Sweetman, “Fighters Without Pilots”, *Popular Science* 251, no. 5 (November 1997): 97.

343 US Naval Postgraduate School в Монтеррее, Калифорния.

344 Rory Carroll, “The Philosopher Making the Moral Case for US Drones”, *The Guardian*, August 2, 2012.

345 Ibid.

346 Bradley J. Strawser, “Moral Predators: The Duty to Employ Uninhabited Aerial Vehicles”, *Journal of Military Ethics* 9, no. 4 (2010): 342.

347 Ibid. P. 344.

348 Ibid.

349 Ibid. P. 342.

350 Ibid. P. 346 (курсив мой. — Г.Ш.).

351 Ibid. P. 351.

352 Ibid.

353 Струозер приводит здесь доводы Rafael Armament Development Authority, которое контролирует правительство Израиля, утверждающего, что, разработав Spike — свою новую ракету дальнего радиуса действия, оно достигло уровня точности, необходимой для «боя в городских условиях». Ibid. P. 351.

354 Michael Walzer, “The Argument About Human Intervention”, цитируется по: *Thinking Politically: Essays in Political Theory*, New Haven, Yale University Press, 2007, p. 245.

355 Ibid.

356 Об этом, помимо рассуждений Вайцмана, см.: Adi Ophir, “Disaster as a Place of Morality, The Sovereign, the Humanitarian and the Terrorist”, *Qui Parle* 16, no. 1 (Summer 2006): 95–116.

357 «Care» означает одновременно «уход», «заботу» и «внимание». Работы феминисток Кэрол Гиллиган и Джоан Тронто поместили этот концепт в центр нового этического подхода. Как ранее понятия психологической ранимости и эмпатии, дискурс этики заботы в данном случае использован в апологетическом ключе и приспособлен к практикам убийства.

358 Eyal Weizman, *The Least of All Possible Evils: Humanitarian Violence from Arendt to Gaza*, Verso, Londres, 2012, p. 6.

359 Hannah Arendt, Jerome Kohn (ed.), “Personal Responsibility Under Dictatorship”, *Responsibility and Judgment*, Schocken Books, New York, 2003, p. 17–48, p. 36, цит. в: Weizman. Op. cit. P. 27.

УТОЧНЕНИЯ

Если не в этом состоит добродетель,
то попрошу мне указать, в чем именно.

Де Куинси. Об убийстве, как одном из изящных искусств ³⁶⁰

«Они очень точны и приводят к крайне ограниченным сопутствующим потерям», — заявил по поводу дронов бывший глава ЦРУ Леон Панетта ³⁶¹. Этот аргумент встречается повсюду: дрон за счет своей «точности» сократит «сопутствующие потери» и позволит лучше соблюдать принцип избирательности ³⁶².

Но это общее место — мнимая очевидность, построенная на целом ряде концептуальных заблуждений. Необходимо обозначить их методично, я имею в виду с большой *точностью*.

Можно ли говорить о дроне как о более точном оружии?

Все зависит от того, с чем его сравнивать: «Дроны, — пишет Струозер, — свидетельствуют о потенциально несравнимом нравственном прогрессе по сравнению с авиабомбардировками воздушной эры» ³⁶³. Агент ЦРУ развивает мысль в том же направлении: «Возьмите бомбардировку Дрездена зажигательными бомбами и сравните с тем, что мы делаем сегодня» ³⁶⁴. Но если Дрезден — а почему тогда не Хиросима? — рассматривается в качестве образца точности, то практически любая военная операция с легкостью выдержит это сравнение ³⁶⁵. На самом деле, мы имеем дело с ошибкой в выборе терминов, в которых осуществляется сравнение, а именно между *видом* и *функцией* оружия. Из-за того что дрон является летающим объектом, то есть исходя из *вида*, его сравнивают с предшествующими военными летательными аппаратами. И тогда, разумеется, в сравнении с бомбардировщиком эпохи Второй мировой войны дрон представляет собой бесспорный прогресс в том, что касается точности. За исключением того, что сам принцип сравнения ошибочен: чтобы его оценить, необходимо провести сравнение с видами вооружений, которые в этот момент доступны для выполнения *той же тактической функции*. Выбор при ликвидации бен Ладена был между дроном и командос, а не между дроном и бомбардировкой Абботтабада в стиле Дрездена. Если не давать ввести себя в заблуждение внешними факторами,

корректный порядок сравнения должен быть основан не на подобии вида, а на подобии функций. Дрон не является инструментом «carpet bombing»*, а бомбардировщики не были орудием целевого убийства. Адекватным будет не сравнение современного летающего оружия с авиационным оружием прошлого, которое позволило бы нам сделать вывод о прогрессе, а между этим оружием и другими наличными средствами для выполнения схожих функций.

Но вопрос осложняется другим смешением, на этот раз семантическим. Рассуждая подобным образом, мы недолго думая смешиваем, используя термин «точность», три понятия, хотя и близких, но *не* синонимичных: аккуратность стрельбы, более-менее ограниченный характер поражения и адекватную идентификацию цели.

Удар, направляемый лазером, весьма точен в смысле аккуратности стрельбы: баллистический снаряд взрывается точно в том месте, которое было обозначено. Но это не означает, что радиус его поражения непременно будет ограничен. Все зависит от «смертельного луча», или «kill radius»**, то есть объема зоны поражения. Удар может быть весьма точным в первом смысле и совершенно неточным во втором. Есть существенная разница между тем, чтобы поразить свою цель, и тем, чтобы поразить только ее.

Дрон, как показывает непереводаемая на французский игра слов, позволяет «to put warheads on foreheads»³⁶⁶, «положить боеголовки в середину лба», — это весьма красноречивая разница. По существующим оценкам, ракета AGM-114 Hellfire, запущенная с дрона Predator, имеет kill zone радиусом пятнадцать метров. Это означает, что все, кто находится в радиусе пятнадцати метров от эпицентра попадания, даже если они не входят в число обозначенных целей, также погибнут. Что касается «радиуса травматического поражения», то он оценивается примерно в двадцать метров³⁶⁷.

Замена отправки сухопутных войск дронами, которые оснащены ракетами, неизбежно влечет за собой «существенное

* Ковровые бомбардировки (англ.).

** Радиус смертельного поражения (англ.).

снижение оперативной эффективности», потому что, например, зона смертельного поражения гранаты составляет три метра, не говоря уже об обычных патронах. Что это, спрашивается, за воображаемый мир, в котором убить кого-то при помощи противотанковой ракеты, уничтожающей все в радиусе пятнадцати метров и наносящей ранения в радиусе двадцати, может оцениваться как «более точное». «Если бы террористы проникли в американскую школу и взяли в заложники учеников, объясняют пакистанские активисты-транссексуалы, опрошенные во время демонстрации против дронов, США не послали бы дроны, чтобы обстрелять школу ракетами, а нашли бы другой способ задержать или убить террористов, не подвергая детей опасности»³⁶⁸.

Но представление о дроне как об этичном и высокоточном оружии также допускает смешение технической «точности» и возможности избирательного выбора целей. Эта терминологическая путаница приводит к паралогизму, грубость которого совершенно не мешает повторять его снова и снова. Возможно, его повторяли так часто, что перестали замечать. Вот еще один пример, взятый из речи бывшего советника Белого дома по вопросам борьбы с терроризмом и нового директора ЦРУ Джона Бреннана, которого американская пресса называет «царем убийств» за ту ключевую роль, которую он сыграл в реализации программы дронов: «Благодаря беспрецедентным возможностям самолетов, управляемых на расстоянии, точно выбирать свою мишень, минимизируя при этом сопутствующие потери, мы можем констатировать, что никогда еще не было оружия, позволяющего нам более эффективно отличить террориста “Аль-Каиды” от ни в чем не повинных мирных жителей»³⁶⁹.

Этот казенный трюизм сверх-точности-которая-делает-из-дрона-этическое-оружие-лучше-всего-подходящее-для-различения-террористов-и-мирных-жителей мы находим повсюду, он воспроизводится без малейшей попытки критического анализа в десятках публикаций в прессе и в научных статьях. Но даже если выписывать его золотыми буквами страницу за страницей, он не станет от этого более логичным.

Если вы можете грохнуть кого пожелаете с большой точностью, то из этого еще не следует, что вы теперь лучше научились

отличать легитимную мишень от нелегитимной. Точность удара никак не связана с адекватностью выбора цели. В таком случае можно сказать, что гильотина, благодаря точности своего лезвия, которая и правда точнехонько отделяет голову от туловища, позволяет лучше отличать виновных от невиновных. Это очевидный софизм, и некоторые оговорки, сделанные Бренноном, позволяют предположить, что писавшие для него речь осознают наличие паралогизма. Они подозревают о его существовании, не утверждая этого наверняка. Ведь одного намека на него будет достаточно для мобилизации общественного мнения.

Но существует и более утонченная разновидность того же аргумента, когда не утверждается, что точность удара делает идентификацию объекта более корректной, ведь это очевидная бессмыслица. Вместо этого утверждается, что «подлинный фактор, позволяющий производить различие в момент применения силы, заключается в адекватной визуальной идентификации объекта», а «поскольку более четкое изображение делает возможным более избирательное применение силы, использование технологии вооруженного дрона должно в принципе сделать войну более этичной»³⁷⁰.

Это в теории. На практике же самое мягкое, что можно было бы сказать: методология определения цели, основанная на возможности дрона производить наблюдение, не слишком продумана. Как мы уже убедились, его возможности не слишком соответствуют требованием четкой избирательности. Но стоит еще раз прояснить базовый аргумент. Вопрос в следующем: как можно визуально определить, имеет ли определенное лицо статус комбатанта? Каким образом оператор дрона сможет увидеть это различие на экране?

Поскольку в рамках современных антиповстанческих операций операторы дронов целятся во врагов, которые не носят формы (и зачастую вне зоны военных конфликтов), статус комбата невозможно подтвердить, опираясь на типичный конвенциональный признак. Что касается ношения оружия, то этот критерий неприменим в тех странах, где оно является обычным делом. Как резюмирует йеменский чиновник: «У нас, в Йемене, все жители вооружены. Каким образом они могут отличать предполагаемых повстанцев от вооруженных йеменцев?»³⁷¹

Право военных конфликтов запрещает умышленно целиться в мирных жителей. Единственное исключение, которое предусматривает это правило, делается в случае, «когда мирный житель непосредственно участвует в конфликте»³⁷². Этот человек в обычной одежде внезапно достает свое оружие. Когда становится ясно, что он принимает участие в бою и представляет собой непосредственную угрозу, он становится легитимной мишенью для военных противника.

Но использование дронов делает неприменимым как критерий прямого участия в военных действиях, так и критерий непосредственной угрозы: в каких именно военных действиях он участвует, если больше нет комбатантов? Непосредственная угроза кому, если на поле боя больше нет войск? Лишая врага возможности непосредственно участвовать в военных действиях, которые стали чем-то весьма расплывчатым, мы также лишаем себя возможности их распознавать. Как это ни парадоксально, те, чьи возможности отличить комбатантов от нонкомбатантов расхваливают на все лады, на практике упраздняют само условие подобного различия, то есть бой как таковой. Как если бы мы располагали мощным микроскопом, случайно уничтожившим тот феномен, который он призван был изучать.

Как определить комбатантов при условии, что определенный вид оружия упраздняет сам бой? Это фундаментальное противоречие. Лишив военных очевидных критериев, позволяющих *де-факто констатировать* отличие комбатантов от нонкомбатантов, это оружие ставит под вопрос сам принцип избирательности.

Поскольку мы больше не можем обращаться к очевидной констатации, мы должны задействовать иные разновидности техники идентификации и иные способы назначения врагов. Мы присутствуем при технико-юридической *милитантизации* и *пробабелизации* статуса комбатанта.

Констатировать непосредственное участие в боевых действиях становится все сложнее по той простой причине, что комбатантов больше нет. Статус комбатанта становится все более неопределенным и до такой степени размытым, что может распространяться на любую форму принадлежности, сотрудничества или симпатии к повстанческой организации, причём

необязательно к ее боевому крылу. Это скрытый переход от категории «комбатантов» к категории «предполагаемых активистов» («suspected militants»). Это отождествление «комбатант = активист» необходимо для того, чтобы вывести право на убийство за пределы привычных юридических рамок, оно позволяет варьировать концепт легитимной мишени до бесконечности.

Кроме того, для определения этого статуса мы переходим от эпистемологии наглядной констатации и суждения на основании фактов к эпистемологии подозрения, в рамках которой решение о том, чтобы обозначить кого-то в качестве мишени, основывается на идентификации определенного поведения или же на образе жизни, который имеет признаки предполагаемой принадлежности к враждебной организации. Все зависит от того, что говорит нам ваш «pattern of life»: если есть, скажем, 70 % вероятности, что вы являетесь активистом, то у нас есть право вас убить.

Несмотря на этот неутешительный прогноз, нас спешат успокоить, сообщив устами Джона Бреннана в июне 2011 года, что американские дроны смогли преодолеть свои структурные ограничения, чтобы добиться того, чего еще не знала история войн: «Я могу довольно уверенно утверждать... что в прошлом году не было ни одной случайной смерти, все это благодаря исключительной компетентности и исключительной точности, которых нам удалось достичь»³⁷³.

Специалисты по военной этике могут открывать шампанское. Военная технология оказалась на высоте ожиданий. Вот и пробил час оружия одновременно гуманного и совершенно этичного. Еще одно достижение после войны без потерь в своем лагере — война без потерь среди мирных жителей во вражеском лагере. Несмотря на все кликушество предсказателей, логика наименьшего зла, придя к своему завершению, породила абсолютное благо.

Но как стало возможным подобное чудо? The New York Times дала ему объяснение несколькими месяцами спустя. Статическое чудо, как это часто бывает, заключалось в использованном способе подсчета. Это был простой, но действенный фокус. Власти, как выяснили Беккер и Шейн, по умолчанию считали

«всякое лицо мужского пола и боеспособного возраста³⁷⁴, находящееся в зоне поражения, комбатантом... за исключением тех случаев, когда имеются четкие посмертные доказательства того, что он был невиновен»³⁷⁵. Как признался журналистам анонимный чиновник: «Они считают трупы, но они не уверены наверняка, о ком именно идет речь»³⁷⁶.

Таков исключительно гуманный и безусловно этичный принцип дрона, окутанный туманом военной этики и государственной лжи: мишени считаются виновными до того момента, пока не будет доказана их невиновность, пусть даже посмертно.

Тогда как в классическом определении этика является доктриной достойной жизни и достойной смерти, некроэтика представляется доктриной *достойного убийства*. Она опирается на методы человекоубийства, чтобы сделать их предметом рассмотрения снисходительной морали.

Однажды вбив в головы ложную очевидность, согласно которой дрон в принципе является «более точным» оружием и поэтому куда лучше соответствует принципу избирательности, некроэтика дрона исключает всякую серьезную дискуссию и отсылает критиков к спору о цифрах. В этом споре им удается, изменив доказательную базу, эмпирически установить, что, хотя на практике применение этого оружия может привести к противоположным результатам, оно более этично *априори*, поэтому эти последствия могут быть объяснены только случайностью. При том условии, разумеется, что постулат этичности усвоен с самого начала. То есть речь идет о человеческих ошибках или неправильном использовании инструмента, который сам по себе хорош.

В связи с неясностью одновременно критериев выбора цели и подлинной статистики последствий нанесенных ударов критика чаще всего сводится к требованию прозрачности. Требуют точных цифр и разъяснений по процедурам. Юридическая дискуссия дополняется техническими уловками статистиков и судмедэкспертов, которые, стараясь отвлечь общественное внимание от гуманитарного аспекта конкретных последствий вооруженного насилия, способствуют его объективации и еще большему отрицанию реальности его жертв. Там, где были

живые человеческие существа, остались только юридические записки, столбики цифр и рапорты, содержащие баллистический анализ³⁷⁷.

Я старался показать, что тезис о точности-избирательности основывается на смешении и наборе софизмов, которые могут и должны оспариваться в принципе. Вопреки столь распространенному мифу, дрон является новой разновидностью не различающего оружия: исключая возможность боя, он подрывает саму возможность четкого различения комбатантов и нонкомбатантов.

Я считаю важным подчеркнуть эти моменты и проверить обоснованность доводов противоположной стороны в их собственных категориях. Но в этом есть определенный риск. Некроэтика характеризуется не столько определенным набором доводов, сколько определенным стилем, в основном именно им. Стилем мышления и письма. Этот стиль, сочетающий сухость научного письма с юридически-административным формализмом бюрократической рациональности, создает, начиная с употребляемой им лексики, массивированный эффект эвфемизации и дереализации насилия, которое при этом является его объектом. На что похожи «сопутствующие потери»? Как именно действует «гуманное оружие»? Что за тела погребены под этими словами?

* * *

«— Что это за сон?

— Я вижу, что мне отрезали ноги, что я потерял один глаз, я больше не могу ничего сделать... иногда мне снится дрон перед атакой, мне становится страшно. По-настоящему страшно.

Как только интервью окончено, Садулла Вазир задирает свои штаны выше колен, показывая протезы телесного цвета.

— Ты слышал, как они прилетели?

— Нет.

— Что произошло?

— Я потерял сознание. Меня сильно задело».

В то же самое время, когда Садулла в бессознательном

состоянии был доставлен в более оснащенный госпиталь в Пешаваре, в котором можно было ампутировать его раздробленные ноги, пресса сообщила, что с высокой долей вероятности высокопоставленный член «Аль-Каиды» Ильяс Кашмири был убит во время атаки. В дальнейшем эта информация не подтвердилась. Что касается Садуллы и его родителей, то они были погребены под толщей слов «повстанец», «преступник», «борьба с терроризмом», «compound»* (леденящее душу обозначение дома).

Расходитесь, доверительно сообщат западные медиа своей публике, тут не на что смотреть.

Через каких-то пятнадцать дней, когда все уже благополучно об этом забыли, Садулла внезапно проснулся от продолжительного кошмара.

«— Ты помнишь, как в первый раз понял, что у тебя больше нет ног?»

— Я был в своей постели, весь в бинтах. Я хотел их снять, но не смог. Тогда я спросил у них: “Вы отрезали мне ноги?” Они сказали мне, что нет, но мне показалось, что я уже знаю...»

Если вы спросите у Садуллы, или у Керима, или у Хуссейна и им подобных, чего бы они хотели, то они вам не ответят, что они хотели «прозрачности и подлинных цифр» по ударам дронов. Они скажут, что хотели бы, чтобы смерть остановилась. Они больше не хотят умирать. Они скажут, что больше не хотят ходить на похороны и не хотят, чтобы их бомбили, когда у них еще на закончился траур. «Прозрачность и подлинные цифры» для них умозрительные проблемы, которые не имеют ничего общего с конкретными, регулярными и систематическими фактами смерти³⁷⁸.

* Постройка (англ.).

360 Де Куинси Т. Исповедь англичанина, любителя опиума / пер. с англ. С. Л. Сухарева. М.: Ладомир, 2000.

С. 238 (перевод изменен).

361 Leon E. Panetta, "Director's Remarks at the Pacific Council on International Policy", May 18, 2009.

362 Этот фундаментальный принцип права военных конфликтов запрещает неизбирательные атаки: только в военные мишени можно целиться непосредственно, что подразумевает различие между тем, чтобы целиться в мирное население и в комбатантов.

363 Bradley Strawser, "The Morality of Drone Warfare Revisited", *The Guardian*, August 6, 2012.

364 Scott Shane, "The Moral Case for Drones", *New York Times*, July 14, 2012.

365 См.: Jeremy R. Hammond, "The Immoral Case for Drones", July 16, 2012, www.jeremyrhammond.com/2012/07/16/the-immoral-case-for-drones

366 Anna Mulrine, "Warheads on Foreheads", *Air Force Magazine* 91, no. 10 (October 2008): p. 44–47.

367 См.: International Human Rights and Conflict Resolution Clinic, Stanford Law School, and Global Justice Clinic, NYU School of Law, *Living Under Drones: Death, Injury and Trauma to Civilians from US Drone Practices in Pakistan*, September 2012, 10, www.livingunderdrones.org/wp-content/uploads/2013/10/Stanford-NYU-LIVING-UNDER-DRONES.pdf

368 "Transgenders Take to the Streets Against Drones", *Express Tribune*, July 31, 2012.

369 John Brennan, "The Ethics and Efficacy of the President's Counterterrorism Strategy", *Wilson Center*, April 30, 2012, www.wilsoncenter.org/event/the-ethics-and-ethics-us-counterterrorism-strategy

370 Другими словами, аргумент состоит в том, что дрон, в связи с невозможностью избирательного применения силы, разрывает традиционную связь между визуальной четкостью и физической близостью. Близость оператора больше не является абсолютно необходимым условием идентификации мишени. Christian Enemark, "War Unmanned: Military Ethics and the Rise of the Drone", intervention at the International Studies Association Convention, Montreal, March 16–19, 2011.

371 Adam Entous, Siobhan Gorman, and Julian E. Barnes, "US Relaxes Drone Rules: Obama Gives CIA Military Greater Leeway in Use Against Militants in Yemen", *Wall Street Journal*, April 26, 2012, цитируется по: Center for Civilians in Conflict, *The Civilian Impact of Drones: Unexamined Costs, Unanswered Questions*, September 2012, 33, civiliansinconflict.org/uploads/files/publications/The_Civilian_Impact_of_Drones_w_cover.pdf

372 «Гражданские лица пользуются защитой, предусмотренной настоящей

частью, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях». Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), 7 декабря 1978 года, Часть IV, статья 13–3.

373 John Brennan, “Ensuring al-Qa’ida’s Demise”, Paul H. Nitze School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, Washington, June 29, 2011, в ответ на вопросы, www.c-spanvideo.org/program/AdministrationCo/

374 «Military age male», МАМ — «мужчины боееспособного возраста».

375 Jo Becker and Scott Shane, “Secret ‘Kill List’ Proves a Test of Obama’s Principles and Will”, *New York Times*, May 29, 2012. Разумеется, все это прямо противоречит принципу избирательности: статус комбатанта не должен по умолчанию определяться полом и возрастом силуэта.

376 Ibid.

377 На эту тему см.: Eyal Weizman, “Forensic Architecture: Only the Criminal Can Solve the Crime”, цитируется по: *The Least of All Possible Evils: Humanitarian Violence from Arendt to Gaza*, London, Verso, 2012, p. 99–100.

378 Madiha Tahir, “Louder than Bombs”, *New Inquiry*, July 16, 2012, thenewinquiry.com/essays/louder-than-bombs

IV ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА НА УБИЙСТВО

НЕДЕЛИКАТНЫЕ УБИЙЦЫ

...Подобное право — убивать, не совершая при этом преступления — предоставлено у нас лишь солдату и палачу...
 <...> вовсе не будет игрой слов, если я скажу, что их обязанности, удаляясь одна от другой, лишь сближаются, как 1-й и 360-й градусы круга, именно потому, что нет градусов более отдаленных.

Жозеф де Местр³⁷⁹

Чтение книг по праву и философии права не самое увлекательное занятие. Но в эпоху, когда юридический дискурс становится боевым оружием, было бы непростительно не интересоваться им совсем.

Многие вопросы, которые возникают сегодня в отношении американских дронов, являются прямым продолжением проблем, которые возникли во время воздушной «войны без риска», которая велась в Косово. Уже тогда Майкл Уолцер задавался вопросом: позволена ли война без риска (для того, кто ее начал)?

В давней традиции теорий справедливой войны, начинает он свой ответ, мы не найдем ничего, что противоречило бы войне на расстоянии: «Поскольку солдаты могут целиться в военные мишени, они имеют полное право сражаться на безопасном расстоянии»³⁸⁰. Но далее Уолцер приводит ссылку на Камю, который наводит его на другую идею: «В своих рассуждениях о бунтующем человеке Альбер Камю объясняет, что мы не можем убивать, если сами не готовы к смерти... Но этот довод неприменим по отношению к солдатам в бою, цель которых состоит в том, чтобы убивать и не быть убитыми. Вместе с тем есть более общий смысл, в котором Камю оказывается прав»³⁸¹. Мы понимаем, что этот «более общий смысл» относится к самим принципам войны, на моральном или метаюридическом уровне. Далее в своем тексте Уолцер еще раз обращается к максиме Камю, которую он использует если и не в противоположном смысле, то явно не совсем кстати, чтобы сформулировать свою собственную мысль: «Они должны быть, как предлагает Камю, готовы к смерти, но это вполне совместимо

с принятием необходимых мер по сохранению своей жизни... Но что мне кажется совершенно недопустимым, так это сделанное во время войны в Косово заявление руководителя НАТО о том, что они не пошлют туда сухопутные силы, что бы ни случилось»³⁸². И забывая последний гвоздь: «Это нравственно недопустимая позиция. Вы не можете убивать, если не готовы умереть»³⁸³. Поэтому право на убийство на войне будет обусловлено согласием солдат рисковать своими жизнями для его использования или, по крайней мере, не исключать подобный риск априори.

Стоит отметить что позиция, сформулированная в данном случае Уолцером, приводит к тому, что генералам приходится играть в некое подобие игры с двойным ограничением: с одной стороны, моральным обязательством является минимизация рисков для их собственных солдат, с другой — на полное исключение рисков наложен моральный запрет. Как только им удается в полной мере следовать первому императиву и снизить риск до нуля, они достигают дна во всех смыслах, потому что эта добродетельная минимизация становится своей противоположностью и оборачивается скандалом. Это будет в некотором смысле пресечением запретной границы. Но все же это не совсем то, о чем говорит Уолцер. Он говорит буквально, что для него является «нравственно недопустимой позицией» не столько что-то *делать*, сколько *заявлять* (как от имени солдат, так и от имени руководителей), а это оставляет открытым вопрос, не будет ли в таком случае допустимо поступать подобным образом, не делая заявлений. Как бы там ни было, с его точки зрения, проблема заключается в возведении принципа войны без потерь в ранг *моральной нормы*. Но почему?

Если это недопустимо, то все сводится к идее о том, что «одни жизни являются исключительными, а другие нет»³⁸⁴. В этом и заключается причина скандала: заявляя, что жизни врагов совершенно не исключительны, а наши — священные, мы допускаем радикальную неравноценность человеческих жизней, порывая с нерушимым принципом равного достоинства человеческих жизней.

Я полагаю, что Уолцер был прав, указывая на предпосылку этого императива и на причину скандала, но мне кажется, что в своем анализе он останавливается на полпути. Почему

действительно недопустимо и неприемлемо в абсолютном смысле (априори) отрывать право на убийство от риска умереть, убивая? Автор ссылается на фундаментальный принцип онтологического равенства. Инерция использованных им терминов оказывает существенное сопротивление. Он ссылается на крайний случай, который, по идее, не должен рассматривать. Но причина скандала является не только нравственной, но и теоретической: это эпидермическая реакция теории на феномен, который ей угрожает и грозит ее потопить со всем экипажем и имуществом. И что тогда?

Уолцер предлагает имплицитное решение проблемы в виде ляпсуса с цитатой или скрытого подтекста, ссылаясь на «Бунтующего человека». Потому что в нем Камю рассуждает не о войне, а о чем-то совсем ином. Глава «Неделикатные убийцы» рассматривает условия не войны, а террористического акта. Рассматривается вопрос этики политического убийства. Персонажи Камю — юные русские идеалисты начала XX века планируют совершить теракты в ответ на жесточайшие репрессии царского режима. Но они сталкивались с противоречием на уровне совести: «Убийство было для них неотвратимым, но и непростительным актом. Столкнувшись со столь чудовищной проблемой, посредственные натуры чаще всего предаются забвению одну из ее сторон... Но те склонные к крайностям натуры, о которых идет речь, не забывали ничего. Не в силах оправдать того, что они считали необходимым, они решили найти оправдание в самих себе и ответить самопожертвованием на стоявший перед ними вопрос. Для них, как и для всех предшествующих бунтовщиков, убийство отождествлялось с самоубийством. Одна жизнь представляла расплатой за другую, и обе эти жертвы служили залогом неких грядущих ценностей. Каляев, Войнаровский и другие верили в равноценность жизней и, таким образом, не ставили идею выше человеческой жизни, хотя убивали по идейным побуждениям... Убийца виновен лишь в том случае, если соглашается жить после убийства или предаёт своих сообщников. А его смерть целиком заглаживает как вину, так и само преступление»³⁸⁵.

Вопреки тому, что говорит Уолцер, идея книги совсем не в том, что необходимо *рисковать* своей жизнью, чтобы иметь право

убивать, а в том, что убийство, в ином случае непростительное, допустимо для них лишь тогда, когда убийца будет в ту же самую секунду уничтожен вместе со своей жертвой. В логике нигилистов, вопрос не в том, чтобы *рисковать* своей жизнью, а в том, чтобы умереть *наверняка*.

Любопытно, что Уолцер использует эту ссылку, чтобы на ее основе выстроить критику неприкосновенности солдат национальной армии в дистанционной войне. Он обращается к этике убийства, а не к этике войны. В конечном счете он хочет сказать, что для того, чтобы получить право убивать на войне, с моральной точки зрения необходимо принять принцип риска собственной жизнью. Но эта цитата-палимпсест очень удачно подобрана. Потому что проблема в следующем: как оправдать человекоубийство в ситуации, которая отличается от боевой? Тем, кто хочет оправдать подобные действия, стоит обратиться к доктринам политических убийств. Такой урок дает нам Уолцер, читатель Камю. На первый взгляд, теоретик справедливой войны впадает в очевидное противоречие, выворачивая максимум нигилистов таким образом, чтобы сделать из нее нравственный принцип классической войны: «Мы не можем убивать, не рискуя быть убитыми». Но косвенным образом он дает понять другую вещь: участники «войны без риска» на самом деле находятся в положении бомбистов, но их выбор противоположен тому, что сделали террористы-идеалисты: быть готовым убивать, только когда уверен, что не умрешь.

«На смену этим людям явятся другие; одухотворенные той же всепоглощающей идеей, они тем не менее сочтут методы своих предшественников сентиментальными и откажутся признавать, что жизнь одного человека равноценна жизни другого»³⁸⁶. Поэтому, предупреждал он, наступит эпоха «философствующих палачей и государственного терроризма»³⁸⁷.

- 379 *Местр, Ж. де.*
Санкт-Петербургские вечера /
пер. с фр. А. А. Васильева, под ред.
А. Г. Терехова. СПб: Алетейя, 1998.
С. 355–356.
- 380 Michael Walzer, “The Triumph
of Just War Theory (and the Dangers
of Success)”, цитируется по: *Arguing
About War*, New Haven, Yale University
Press, 2005, p. 16.
- 381 *Ibid.*
- 382 *Ibid.* P. 17.
- 383 *Ibid.*
- 384 *Ibid.* P. 102.
- 385 *Камю, А.* Бунтующий человек /
пер. с фр. Ю. М. Денисова и Ю. Н. Сте-
фанова. М.: Из-во политической лите-
ратуры, 1990. С. 248–250.
- 386 Там же. С. 249.
- 387 Там же.

ВОИНА ВНЕ ПОЛЯ БОЯ

Я не знаю, что такое право войны.
Кодекс убийства кажется мне страннейшей из идей.
Я думаю, очень скоро мы получим
юриспруденцию разбойников с большой дороги.

Вольтер³⁸⁸

История философии права на войну знает множество дебатов о дозволенных и недозволенных видах оружия, которые основаны на критериях, уместных для проведения различия между ними. В классической дискуссии обсуждается использование ядов: зная, что речь идет о способе *убийства*, можно ли пользоваться им как оружием на войне?

Вопрос очевидно смущал Гроция, который уклончиво отвечает на него в двух различных местах. С одной стороны, если мы ссылаемся исключительно на «естественное право», как только убийство дозволено в принципе, то есть начиная с момента, когда кто-то заслуживает смерти, средство не так важно, важен только результат³⁸⁹. Однако яд представляет особенную сложность. Это скрытное оружие. Мы не видим, как оно действует. Оно убивает врага без его ведома. В этом смысле оно лишает его «свободы защищаться»³⁹⁰. Причина, по которой, с другой стороны, «общее для всех наций право не позволяло употреблять яд, чтобы избавиться от своего врага»³⁹¹.

Подлинная причина подобного запрета была до банальности практической: если правители и запрещали яд, то только потому, что это оружие было прямо направлено против них³⁹². Но предложенный критерий рационализации подобного запрета не становится от этого менее любопытным: запрещено оружие, которое по природе своей лишает врага возможности защищаться.

Один историк права дал весьма поучительный комментарий данного текста: «Можно ли прибегать к использованию яда? Гроций без колебаний отвечает, что, согласно естественному праву, это вполне допустимо: как только враг заслуживает смерти, говорит он, какая разница, что за способ убийства мы используем? При этом он тут же уточняет, что традиционное право в конечном счете допускает отравление, но добавляет, что более великодушно

было бы убить его таким образом, чтобы враг имел возможность защищаться. Хотя стоило бы сделать вывод о том, что отравление недопустимо. Грочия в этом споре ввела в заблуждение ложная идея правосудия. С его точки зрения, война — это правосудие, воюющие стороны являются судьями, а побежденный — виновным, заслуживающим смерти; поэтому всякое средство законно и яд, от которого умирает Сократ, столь же законен, как меч или веревка; в случае необходимости можно даже прибегнуть к услугам убийцы... Мы отвергаем подобную доктрину, столь же ложную, сколь и опасную. Нет, победитель не является судьей, а побежденный — виновным. Война — это дуэль, в которой должно главенствовать совершеннейшее из видов равенства в правах. Ни одна из сторон не считается ни судьей, ни виновным, потому что в таком случае стоило бы признать, что обе являются судьями и виновными, что абсурдно. Поэтому возможность защищаться — нечто большее, чем великодушие, — это право, и всякий способ убийства, который мешает его реализации, является недозволенным. В противном случае дуэль и война превращаются в убийство»³⁹³.

Исторически существует две прямо противоположные парадигмы юридической концептуализации войны. Первая, из области уголовного права, приравнивает ее к законному наказанию. Враг — это виновный, заслуживающий наказания. Вооруженное насилие является его приговором. Но подобное отношение является исключительно односторонним: идея о том, что приговоренный может сослаться на право на самооборону, смехотворна. Вторая модель, лежащая в основе современного права, напротив, основана на *равенстве в праве на убийство* и привязана, *посредством* понятия *юридического равенства комбатантов*, к дуэльной модели. Это основополагающий принцип *jus in bello**, то есть равного права убивать друг друга, не совершая преступления.

Но вторая схема предполагает, согласно нашему автору, уважение к *праву на самооборону*, позитивные признаки которого нам неизвестны, но которое, по крайней мере в негативном смысле, запрещает использование оружия, априори исключаящего

* Право на войне (*лат.*).

подобную возможность. Это что-то вроде права не быть лишенным возможности дать бой. То есть не рыцарское право на бой на равных, но, скорее, что-то вроде права на получение шанса дать бой.

Война — один из немногих видов деятельности, которые позволяют убивать, не совершая преступления. Она представляется моментом, в который — ведь именно это значение оно имеет в нормативном плане — при определенных условиях происходит декриминализация человекоубийства. Комбатант, соблюдающий условия *jus in bello*, получает юридический иммунитет.

Но возникает более важный вопрос: во имя какого принципа или метапринципа право на военные конфликты может декриминализовать человекоубийство? На какую нормативную базу может опираться это отступление от запрета на убийство?

Если мы «остаемся в расчете относительно бедствий и ущерба, которые нанесли друг другу» на войне, объясняет Пуфендорф, то именно потому, что рассматриваем друг друга как «давших на это разрешение в соответствии с негласной договоренностью»³⁹⁴. Это тезис о наличии чего-то наподобие *пакта о войне* между воюющими сторонами: «Существует схожая договоренность между теми, кто дерется на дуэли... потому что ее участники по своей воле [sic! — Прим. пер.] пришли к месту встречи, где было условлено убить или быть убитым»³⁹⁵. Речь, разумеется, идет о юридической фикции, но право по определению основано на подобных фикциях.

Право на безнаказанное убийство, таким образом, основано на негласной структурной предпосылке: если мы можем убивать, не совершая преступления, то именно потому, что наделяем друг друга подобным правом. Я соглашаюсь наделить другого правом меня убить, меня или тех, кто на моей стороне, безнаказанно, потому что рассчитываю на подобное освобождение в том случае, если его убью я³⁹⁶. Декриминализация человекоубийства на войне подразумевает структурную взаимность. Мы можем убивать лишь потому, что *убиваем друг друга*.

У этого принципа есть одно важное последствие: вне зависимости от того, насколько легитимна была изначальная причина объявления войны, абстрагировавшись от порогового эффекта

jus ad bellum, даже в том случае если нападение было «несправедливым» (но кто это решает?), воюющие стороны признают друг за другом равные льготы в *jus in bello*, а вместе с ним равное право убивать друга в соответствии с установленной процедурой: «Равенство права, установленное для обеих воюющих сторон законами войны, — писал юрист XIX века, представляя классическую точку зрения, — является для них тем, чем являлся бой на равных в поединке»³⁹⁷. Даже при отсутствии возможности вести бой на равных (война — не военный спорт), равенство комбатантов заключается в их взаимном праве убивать друг друга.

Но что происходит с этим правом, когда ему больше не соответствует на практике реальная возможность взаимного воздействия? На деле же «фундаментальное этическое равенство нравственного риска: убивать или быть убитым»³⁹⁸ традиционной войны заменяется чем-то, что напоминает «поездку на охоту»³⁹⁹. Война сводится к умерщвлению. Именно в подобной ситуации в асимметричной войне начинают использовать дроны.

Нам могут возразить, что, несмотря на подобное положение дел, право по-прежнему существует. Но тогда стоит признать, что в этом случае право является взаимным лишь формально. Чего стоит право безнаказанно убивать друг друга, если только один из двух противников может действительно воспользоваться этим основополагающим разрешением? Это право, лишенное своего смысла, существует в виде призрака, столь же далекого от реальности, как недостижимый кокпит пилота дрона от его человеческой мишени.

Одностороннее вооруженное насилие в режиме ложного сознания все еще произносит слово «война», тогда как она уже поместила войну *вне поля боя*. Она считает возможным использовать категории, выработанные в ситуации конфликта, по отношению к ситуациям казни или расправы. Но поступая именно так, то есть проецируя на ситуацию абсолютной односторонности *jus in bello*, обдуманное и предусмотренное для отношений относительной взаимности, она неизбежно совершает категориальную ошибку.

В дискурсе «прикладной военной этики» все обсуждение сводится к выяснению вопроса, может ли использование дрона соответствовать принципам права военных конфликтов.

То есть соответствует ли использование данного оружия принципам избирательности и пропорциональности? Но при этом забывают, что данное оружие, устраняя всякие отношения, которые могут возникнуть в бою, превращая войну, какой бы асимметричной она ни была, в одностороннее умерщвление, лишая врага всякой возможности драться, незаметно выходит за нормативные рамки, изначально предусмотренные для военных *конфликтов*. Применять нормы, предусмотренные для конфликта, к фактической бойне, соглашаться вести дискуссию, не ставя под вопрос саму посылку, согласно которой данные практики все еще помещаются в эти рамки, приводит к чудовищному смешению жанров. В этом процессе *некроэтика*, использующая принципы *jus in bello*, чтобы превратить их в подходящие критерии приемлемого убийства, — этика палачей или экзекуторов, но уже не комбатантов.

Но этому феномену, различные проявления которого мы рассматриваем, соответствует глубокий кризис теории права на войну. Сложность метаюридического порядка состоит в том, что всякая реальная взаимность исчезает для того, кто отныне желает использовать ее с единственной целью — как классическое обоснование своего права убивать безнаказанно.

В статье, посвященной «парадоксу войны без риска», Пол Кан предостерегает, что подобная форма «войны» угрожает подорвать традиционные основания права на убийство⁴⁰⁰. Если мы больше не находимся в «ситуации взаимного риска», когда нарушено само «условие взаимности», объясняет он, война перестает быть войной: она становится чем-то вроде полицейской операции, вышедшей за привычные рамки. Кан добавляет, что право убивать безнаказанно на войне происходит, помимо этого отношения взаимности, от изначального права на легитимную самооборону⁴⁰¹. Если у нас есть право убивать безнаказанно, то оно, как он считает, действительно лишь при наличии права защищаться от непосредственной угрозы. Как только исчезнет физическая угроза, исчезнет и это право.

Возможно, не требуется вводить, как это делает он, понятие легитимной самообороны, чтобы обосновать с его помощью декриминализацию человекоубийства в рамках права войны. Как я указывал выше, классическое положение состоит

не в этом: рациональное основание освобождения от ответственности за убийство, по крайней мере в традиционном смысле, это не легитимная самооборона, а негласное соглашение о состоянии войны, о котором говорит Пуфендорф. В этой перспективе право убивать безнаказанно основывается исключительно на его *обоюдном* характере или на взаимности его применения. Что совершенно не противоречит тому, что при наличии этой минимальной схемы метаюридический кризис сохраняется: поскольку взаимность становится чисто формальной, основание безнаказанного убийства развеивается как дым.

Как в этой ситуации сторонники права на убийство с воздуха могут сохранить саму его возможность? Решение состоит в кардинальном перевороте в области военного права. Потому что подобное право на одностороннее убийство можно оправдать лишь одним способом: привязать *jus in bello* к *jus ad bellum*, подчинить одно другому, чтобы монопольным образом закрепить за «солдатом справедливой войны» право на безнаказанное убийство в рамках не особо конвенциональной полицейско-уголовной модели.

Именно это предлагают Струозер и Макмахан, целиком и полностью отбрасывая рассуждения о том, что сами они называют «моральной равноценностью комбатантов», чтобы заменить его на одностороннее право убивать, основанное на принципе *justa causa*^{*}: «Солдату, который сражается за правое дело, морально дозволено отнимать жизнь сражающегося врага; но сражающийся за несправедливое дело, даже в том случае, если он отвечает традиционным принципам *jus in bello*, не может обосновано убить справедливого солдата». ⁴⁰² У меня есть право убивать, а у тебя нет. Я хороший, ты — плохой, а только у хороших есть право убивать плохих. Вот к чему в итоге сводится инфантильная логика подобных рассуждений. На что враг, конечно же, ответит, что нет, это мы хорошие, а вы плохие, а потому только у нас есть право убивать и так далее до тех пор, пока один из них не победит, приведя тем самым убедительное доказательство собственной правоты. Потому что это я тебя убил, ты теперь понимаешь,

* Законной причины (*лат.*).

что хороший — это я. Противоположный довод о юридической *равноценности* — а не, подчеркнем это, «моральной» (этот критерий тут просто неприменим) — комбатантов, который, помимо всего прочего, управляет существующей системой права во время военных конфликтов, совсем иначе рассматривает эту конститутивную апорию справедливой войны. Вследствие чего он наделяет равными правами и обязанностями участников военных действий, вне зависимости от их самопровозглашенной «моральности» (в которой, разумеется, никто не сомневается).

Если вкратце, то, не удовлетворяясь лишением врага материальных возможностей вести войну, сторонники дронов также вознамерились лишить его, на этот раз совершенно открыто, самого *права* сражаться или же уничтожить это право вместе с ним. В этом хотя бы есть определенная последовательность. «Без равенства в праве убивать, предупреждал Уолцер, война исчезнет как вид деятельности, подчиненный правилам, чтобы уступить место преступлению и наказанию, грязным махинациям и применению законов по усмотрению военных»⁴⁰³.

В этом смысл теоретического наступления в ходе текущей «lawfare»^{**404}. И одновременно с этим тенденция, заложенная в материальности самого оружия. Это проявляющееся постепенно воздействие вертикализации воздушной мощи на политико-юридическую классификацию противника, прекрасно понял в свое время Карл Шмитт. Его анализ последствий «самостоятельной воздушной войны», при которой «отсутствие отношений между воюющей стороной и землей, с находящимся на ней вражеским населением, становится абсолютным», сегодня прекрасно подходит для описания боевого дрона: «Бомбардировщик или штурмовик использует против населения вражеской страны оружие, которым он оснащен, направляя его вертикально, подобно тому как святой Георгий использовал свое копьё, поражая дракона. Наблюдаемое нами сегодня превращение войны в своего рода полицейскую акцию, направленную против нарушителей общественного спокойствия, преступников и вредителей, ко всему прочему должно способствовать

** Юридической битвы (англ.).

и оправданию методов этого “police bombing” *. В результате происходит бесконечная дискриминация противника»⁴⁰⁵.
 Вертикализация вооруженного насилия определенно подразумевает превращение противника в абсолютного врага политико-юридическими средствами. Который теперь ни в одном значении слова не находится с нами в *одном и том же плане*⁴⁰⁶.

388 Voltaire, “L’A, B et C” цитируется по: Oeuvres complètes. Mélanges VI, Garnier, Paris, 1878, p. 368.

389 Гроций Г. О праве войны и мира / пер. с лат. А. Л. Саккетти под ред. С. Б. Крылова. М.: Госюриздат, 1956. С. 623.

390 Там же. С. 624

391 Там же.

392 Сам Гроций комментирует это так: «Подобный обычай возник из соблюдения всеобщей пользы, чтобы слишком не усугублять опасности во время войн, которые стали учащаться. И, вероятно, это исходит от царей, жизнь которых прежде других защищена против оружия,

но менее, чем жизнь прочих, обеспечена от яда, если не охраняется как бы благоговейным соблюдением права и страхом бесчестия». Там же.

Другой теоретик войны комментирует это так: «Здесь Гроций прав: если бы у царей был один шанс к пяти умереть во время одной из своих кампаний, то войны между цивилизованными народами уже давно бы прекратились». Nicolas Villiaumé, L’Esprit de la Guerre, Paris, Dumaine, 1866, 60.

393 François Laurent, Histoire du droit des gens et des relations internationales, vol. 10, Les Nationalités, Paris, Librairie internationale, 1865, p. 488.

* Полицейской бомбардировки (англ.).

394 Pufendorf, *Le Droit de la nature et de gens*, tome 2, livre V, ch. IX, §3, Lyon, Bruyset, 1771, p. 108.

395 Ibid.

396 Иначе говоря, неопределенность является парадоксальной основой конвенционального соглашения, возможного, несмотря на вражду. Смертельный пакт возможен только потому, что это пакт, связанный со случаем.

397 Théodore Ortolan, *Règles internationales et diplomatie de la mer*, Paris, Plon, 1864, tome 1, p. 9.

398 Michael Ignatieff, *Virtual War: Kosovo and Beyond*, London, Vintage, 2001, p. 161.

399 Ibid.

400 «Фундаментальный принцип военной морали состоит в праве на легитимную защиту в ситуации, связанной со взаимным риском». Paul W. Kahn, “The Paradox of Riskless Warfare”, *Philosophy and Public Policy Quarterly* 22, no. 3 (2002), digitalcommons.law.yale.edu/fss-papers/32.

401 Ibid. P. 3.

402 Bradley J. Strawser, “Moral Predators: The Duty to Employ Uninhabited Aerial Vehicles”, *Journal of Military Ethics* 9, no. 4 (2010): 356. См. также: Jeff McMahan, *Killing in War*, Oxford, Oxford University Press, 2009.

403 Michael Walzer, *Just and Unjust Wars*. London, Allen Lane, 1977, p. 41. Полный триумф подобной философии

войны будет иметь тяжелейшие последствия. Отказывая «несправедливому воину» в праве сражаться, она прямо помещает его вне закона, делает преступником. Поступая так, она исключает его из *jus in bello* и лишает всякой заинтересованности в его соблюдении, потому что, как бы он ни поступал, он не сможет рассчитывать на защиту, связанную с ведением войны в соответствии с установленными легальными процедурами. Таким образом, насилие с обеих сторон более ничем не ограничено.

404 Английский неологизм, образованный по образцу слова «warfare», ведение войны, для обозначения юридического аспекта войны, которая ведется при помощи адвокатов и меморандумов одновременно с войной при помощи солдат и ракет.

405 *Шмидт К.* Номос Земли / пер. с нем. К. Лоцевского и Ю. Коринца, под ред. Д. Кузница. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 475.

406 У этого решения могла бы появиться альтернатива, имеющая то преимущество, что она сохраняла бы перспективу юридического урегулирования военных конфликтов, вместо того чтобы превращать ее в придаток монопольного права на летальное наказание. Рассуждения Шарля Шомона, который в рамках подхода, разработанного «реймской школой», был одним из наиболее плодотворных критических мыслителей, работавших с теорией международного

права в конце XX века, представляются сегодня крайне актуальными для переосмысления права войны в контексте асимметричных конфликтов. Принцип, который стоило бы выработать для *a minima* (требования о повышении меры наказания (*лат.*) — *Примеч. пер.*), состоял бы в праве на возможность дать бой. Тот факт, что право на войну приходит к запрету возможности дать бой для одной из враждующих сторон, может привести к появлению двух дополнительных модальностей, прямым и косвенным путем. Вначале косвенным: авторизуя, в асимметричном контексте, средства, виды вооружений и тактики, которые структурным образом лишают врага всякой возможности вступить в бой, как это сегодня происходит в случае с боевыми дронами. Это создает проблему дозволенности использования подобного оружия в асимметричных конфликтах.

Затем прямым: когда право запрещает тактики, которые являются единственно возможными способами ведения боя для одной из сторон. Шомон разбирает пример герильи: с учетом «существующего неравенства военных и логистических инструментов оккупантов и повстанцев, герилья старается уравновесить их при помощи специфических приемов ведения борьбы. Внезапная атака, засада, саботаж, уличные бои или партизанские действия в лесах приходят на смену битвам в открытом поле и столкновению

сопоставимых военных подразделений. При использовании подобных приемов ношение оружия может не являться отличительным признаком (которое считается обязательным с точки зрения права военных конфликтов) <...> или же не влиять напрямую на эффективность подобной борьбы... <...> Однако отказаться от подобных приемов, значит отказаться от самой герильи».

Charles Chaumont, “La recherche d’un critère pour l’intégration de la guérilla au droit international humanitaire contemporain”, *Mélanges offerts à Charles Rousseau*. Paris, 1974; цитируется по: *Commentaire des protocoles additionnels du 8 juin 1977 aux Conventions de Genève du 12 août 1949*, Dordrecht: Kluwer, 1986, p. 536.

Было бы абсурдно предполагать, что участники Сопrotивления во время оккупации Франции в 1943 году начнут открыто расхаживать по улицам Парижа в военной форме, чтобы соответствовать праву военных конфликтов. Мы имеем дело с типичным случаем, когда применение равного права (обязательство ношения отличительных знаков) в неравной ситуации (к регулярной армии как к партизанским соединениям) приводит к несправедливости.

Шомон предлагает свой руководящий принцип, для того чтобы ослабить действие этого порочного последствия: «Гуманитарное право, для того чтобы стать объективным и внушающим

доверие, должно оставлять каждой стороне равные шансы в бою: если правовая норма несовместима с принципом и делает его заранее невыполнимым для одной из сторон с точки зрения достижения победы, то от нее стоит отказаться». Ibid.

Он апеллирует не столько к праву на бой на равных, сколько к равному праву на бой. То, что право не должно быть «невыполнимым для одной из сторон с точки зрения достижения победы», не превращает войну в рыцарский турнир — пистолет против пистолета или сабля против сабли, — но уже точно не составляет, вопреки неравенству враждующих сторон, некий акт, который его только усилит за счет ничего не разбирающих норм, давая одним существенные преимущества и лишая других самой возможности сопротивляться.

Таким образом Шомон порывает с формальным равенством классической юридической логики. Это больше не принцип абсолютного тождества прав для всех воюющих, как в действующей модели *jus in bello*. Это, напротив, принцип асимметризации прав, в соответствии с противоположным доводом о соотношении сил. Этот принцип применяется к сильному концепту равенства — концепту геометрического равенства прав: асимметричным силам — асимметричные права. В каком-то смысле сторонники одностороннего права убивать говорят то же самое, хотя для них речь идет

не об уравнивании сил за счет изменения права, а о том, чтобы сделать односторонним право, связав его с односторонней силой, даже рискуя таким образом подорвать основы самого права. Для Шомона же речь идет не об анахроническом возврате к рыцарскому идеалу, а, напротив, о попытке реалистичным образом интегрировать параметры современных асимметричных конфликтов в право военных конфликтов. Основная причина его обеспокоенности состояла в следующем: комбатанты, лишённые, в соответствии с правом, всякой легальной возможности вести бой, больше не будут заинтересованы в том, чтобы соответствовать принципам права, которое лишает их всяких прав, кроме как служить мишенью, подлежащей уничтожению. Озабоченность Шомона чисто прагматического плана: если цель права военных конфликтов состоит в том, чтобы ограничить насилие враждующих сторон, в особенности насилие неконвенциональное, то не стоит им навязывать правила, которые немедленно исключили бы их из правового поля. Смысл состоит в прагматических условиях эффективности права в качестве инструмента регуляции вооруженного насилия в эпоху асимметричных конфликтов.

Более современная попытка такого рода — см.: Michael L. Gross, *Moral Dilemmas of Modern War*, New York, Cambridge University Press, 2010, p. 199.

Если вы делаете что-то на протяжении длительного времени,
то все в конце концов с этим согласится...

Международное право продвигается вперед
через нарушения. Мы изобрели понятие
целевого убийства, и нам нужно было его навязать.

Даниэль Рейснер, бывший глава юридического
департамента израильской армии ⁴⁰⁷

Какими юридическими рамками сегодня ограничены удары при помощи дронов? В отношении США определить это практически невозможно. Все очень размыто. Администрация отказывается отвечать на этот вопрос даже на суде ⁴⁰⁸. Это вполне умышленная непрозрачность. Весьма симптоматична речь Гарольда Коха, юридического советника при Госдепартаменте, произнесенная им перед American Society of International Law **. Он исполняет своеобразный танец живота: поддерживая двусмысленность, жонглируя различными регистрами, используя их то одновременно, то по очереди, но никак не может определиться с выбором, как если бы решение было отложено на последний момент. В любом случае, говорит он, удары при помощи дронов дозволены, вне зависимости от того, участвуем ли мы в «вооруженном конфликте или предпринимаем действия по необходимой самообороне» ⁴⁰⁹, не уточняя при этом, ни в чем именно мы участвуем, ни как отличаются правовые нормы, регулирующие использование летальной силы, в первом и втором случаях.

«Он походя замечает, — комментирует его слова спецпредставитель ООН по внеюрисдикционным ситуациям Филип Эльстон, — что мы, мол, используем либо право военных конфликтов, либо право государства на легитимную самооборону. Однако это два совершенно различных правовых режима» ⁴¹⁰.

* Лицензия на убийство (англ.).

** Американское общество международного права (англ.).

Эта нарочитая двусмысленность озадачила многих юристов⁴¹¹. Они заставляют политиков высказать свое мнение: война или легитимная самооборона, определитесь уже с выбором. Но если администрация отказывается это делать, то именно потому, что устранение неопределенности при обосновании их действий может иметь последствия в виде запретов на удары при помощи современных дронов или же существенного ограничения их правомерности.

Проблема в том, что они плохо вписываются в существующие юридические рамки. Для тех, кто пытается найти для них юридическое обоснование, есть всего две возможности: или же право военных конфликтов, или же «law enforcement»^{***-412} (что можно не совсем точно перевести как право полиции, но в более широком смысле означает «военные силы, а также силы поддержания порядка, действующие в ситуации, когда совершается насилие, не достигая при этом порога, после которого эта ситуация квалифицируется как вооруженный конфликт»⁴¹³).

Чтобы приблизиться к пониманию различия между двумя моделями, необходимо понять, чем при использовании летальной силы отличаются прерогативы солдата на поле боя от полицейского во время патрульной миссии. Тогда как первый может безнаказанно «стрелять на поражение» по любой легитимной военной мишени, второй может прибегнуть к этому только в качестве крайнего средства, в качестве ответа на непосредственную угрозу.

Разберем эти пункты более подробно:

1. Прежде всего, чем является дрон охотник-убийца как орудие «law enforcement»? В этом случае необходимо вначале попытаться задержать подозреваемое лицо, предоставить ему возможность сдаться и даже, если это возможно, сделать ему определенное предложение. Власти «не могут использовать силу помимо того, что строго необходимо для задержания, самозащиты или защиты других лиц, которые подвергаются атаке»⁴¹⁴. Использование летальной силы должно оставаться исключением: она разрешена только в том случае, когда является единственным способом действовать «перед лицом непосредственной

*** Правовое принуждение (англ.).

и превосходящей угрозы, когда не остается ничего другого, а также времени на размышление»⁴¹⁵. Всякое использование летальной силы, не отвечающее этим условиям, «по определению рассматривается как “внеюрисдикционная расправа”»⁴¹⁶.

Если удары при помощи дронов осуществляются именно в этих юридических рамках, то настаивать на том, что должно быть сделано все ради «минимизации сопутствующих потерь»⁴¹⁷, не имеет никакого смысла. Как если бы убивший человека полицейский, чтобы не нести ответственности за свой промах, доказывал бы, что он принял все необходимые меры для соответствия принципам избирательности и пропорциональности, установленные правом военных конфликтов. Тогда речь бы шла о категориальной ошибке в чистом виде.

Поскольку дрон полностью исключает градацию при использовании силы, он никак не может соответствовать действующему ныне крайне специфическому принципу пропорциональности в парадигме «law enforcement». Как объясняет Мэри О’Коннел: «Чего дроны точно не могут, так это соответствовать полицейским правилам использования летальной силы, которые действуют вне поля боя»⁴¹⁸.

Дроны, как утверждают некоторые их сторонники, представляют собой аналог пуленепробиваемых жилетов, которыми оснащены полицейские силы⁴¹⁹. Это эффективные средства защиты служащих государственных силовых ведомств, поэтому подобные средства легитимны. Возможно, это так, но они забывают об одном существенном различии: ношение пуленепробиваемого жилета не исключает возможности брать пленных. Тогда как для дрона охотника-убийцы подобная возможность исключена. Все или ничего: или стрелять на поражение, или воздерживаться от любого действия. Это оружие превращает летальную силу в *единственную оперативную возможность*. Подобная потеря оперативной способности, между прочим, проливает свет на его соответствие доктрине «скорее убивать, чем задерживать», которая сегодня официально принята в Белом доме: «Г. Обама, — рассуждает The New York Times, — желая избежать осложнений, связанных с заключением под стражу, на самом деле решил не брать пленных»⁴²⁰. В этом смысле дрон — оружие мечты. Потом можно заявить, что задержание

подобным способом было «неосуществимо», забывая, что его техническая невозможность была предусмотрена заранее. «Меняю Гуантанамо на Predator» — говоря языком газетных объявлений.

2. Если невозможно следовать первым путем, всегда можно прибегнуть к плану Б: тогда мы скажем, что удары при помощи дронов объясняются правом на войну. «Разумеется, с точки зрения юридического обоснования, иронизирует Андерсон, прозвучит куда более убедительно, если мы заявим, что целились в “комбатантов”. Но сменяющие друг друга администрации, кажется, забыли принять в расчет, что все договоры о праве на войну... определяющие военный конфликт, говорят о некоторых условиях, которым необходимо соответствовать, и порогах, которые необходимо преодолеть, чтобы появилась возможность применения соответствующих правовых процедур» — условий, которые в случае военного конфликта, в том числе с негосударственным образованием, требуют «интенсивных и продолжительных боев, а также определенное место, даже если оно обозначено весьма приблизительно, а никак не весь земной шар»⁴²¹.

Дополнительная проблема: поскольку агенты ЦРУ, пилотирующие часть американских дронов, являются гражданскими лицами, их участие в военном конфликте будет военным преступлением. В этом случае персонал управления «может быть привлечен за убийство по внутренним законам любой страны, где было совершено целевое убийство при помощи дрона»⁴²².

В итоге оба возможных пути оказываются тупиковыми:

1) или же удары наносятся с целью «law enforcement», но тогда необходимо соблюдать предусмотренные для этого ограничения, в особенности императив соизмеримости силы — чего дрон не в состоянии обеспечить; 2) или же они обосновываются правом на войну — но тогда удары нельзя наносить в зонах за пределами военных конфликтов, таких как Пакистан или Йемен, где они тем не менее наносились.

Теперь мы лучше понимаем растерянное молчание американской администрации. Она на самом деле оказалась в весьма щекотливой юридической ситуации, столкнувшись с правовой дилеммой, когда, «с одной стороны, целевые убийства юридически запрещены вне законных рамок вооруженного конфликта,

с другой же, на практике, ни одно целевое убийство не было разрешено, даже в условиях так называемой “войны” с “Аль-Каидой”»⁴²³.

Кеннет Андерсон, юрист Института Гувера и активный сторонник убийств с воздуха, обеспокоен. По его оценкам, при невозможности прямо сейчас выработать подходящую правовую доктрину практика целевых убийств рискует себя скомпрометировать. Администрации необходимо срочно, как он считает, «заняться этой проблемой, пока у нее остается пространство для интеллектуального и правового маневра на месте событий»⁴²⁴.

Пока практика политических убийств оставалась тайной, вопрос помещения ее в юридические рамки был на самом деле вторичен, но удары при помощи дронов проливают свет на эти государственные тайны. Выставленные напоказ, они становятся чувствительной темой, особенно в мире, где «восприятие общественности, на которое влияет сложный конгломерат активистских, правительственных и международных организаций, приобретает особое значение»⁴²⁵.

Решение, которое он предлагает, состоит в поиске третьего легального пути. Избежать дуализма правовых нормативов, создав новый правовой режим *ad hoc* * для подобных летальных операций: того, что он называет «голой самообороной», *голой*, потому что она устраняет правовые ограничения, которые обычно ее ограничивают. Андерсон упоминает о понятии обычного права на самооборону государства на основании национальной традиции⁴²⁶. То есть традиции тайных агентов, «black ops» **, «технических советников», эскадронов смерти, организации пыток и похищений. В случае же дронов он просто предлагает легализовать их сегодня, ссылаясь на почтенную традицию этих теневых практик, которая обеспечивает им верительные грамоты.

Здесь он ссылается на доктрину, выработанную в конце восьмидесятых бывшим юридическим советником Госдепартамента Абрахамом Софером: «Целевые убийства в условиях

* Для этого случая (*лат.*).

** Теневых операций (*англ.*).

легитимной самообороны, — писал он, — определяются властью федерального правительства как исключение из правила запрета на убийство»⁴²⁷. Говоря точнее: если «целевые» убийства не являются преступлением, то именно потому, что так говорит правительство.

Так рождается любопытный гибрид армии и полиции, который сможет использовать преимущества обоих режимов, не будучи скованным теми ограничениями, которые на них наложены. Военизированная охота на человека, наконец, найдет свое адекватное юридическое выражение в форме права мондиализированной летальной полиции. У США появится «возможность произвольно атаковать цели по всему миру, там, где они находятся, не объявляя при этом так называемое состояние перманентного вооруженного конфликта в глобальном масштабе»⁴²⁸. Весьма изысканное решение, которое Филипп Эльстон при этом определяет не иначе, как «license to kill»⁴²⁹.

Если рассуждения Андерсона столь поучительны, то именно потому, что они демонстрируют юридические недостатки подобной политики, но также по причине возрастающего беспокойства ряда вовлеченных в нее действующих лиц: «Некоторые офицеры ЦРУ, насколько мне известно, сегодня одержимы сомнениями: они видят, как эти операции превращаются в нечто похожее на задержания и допросы после 11 сентября... Борцы за права человека стремятся к тому, чтобы удары при помощи дронов стали столь же сомнительными в юридическом плане, что и упомянутые задержания и допросы». Потому что, «исходя из моего опыта, требуется совсем немного для того, чтобы сделать подобную практику сомнительной... как показывают аресты и обвинения в Испании и других юрисдикциях... чтобы повлиять на изменение подходов со стороны личного состава в самих США»⁴³⁰. Имеющий уши да услышит.

- 407 Цитируется Медеей Бенжемен: Medea Benjamin. Op. cit. P. 23.
- 408 Adam Liptak, “Secrecy of Memo on Drone Killing Is Upheld”, New York Times, January 2, 2013.
- 409 Harold Koh, “The Obama Administration and International Law”, речь, произнесенная перед American Society of International Law, Washington, March 25, 2010.
- 410 UN Special Rapporteur Philip Alston Responds to US Defense of Drone Attacks’ Legality”, Democracy Now, April 1, 2010, www.democracynow.org/2010/4/1/drones
- 411 Некоторые юристы указывают на то, что отсутствие подобного различия крайне опасно. США, как пишет Лори Бланк, одновременно полагаются на «законное обоснование самообороны и военных конфликтов для целевых ударов за пределами зон активного конфликта... Именно настойчивость США в использовании обеих парадигм для обоснования программ атак на отдельных лиц и более широких программ целевых ударов вызывает серьезную озабоченность как с точки зрения международного права, так и с точки зрения защиты отдельных лиц, в связи с тем, что они стирают грань между ключевыми параметрами этих парадигм». Laurie R. Blank, “Targeted Strikes: The Consequences of Blurring the Armed Conflict and Self-Defense Justifications”, William Mitchell Law Review 38 (2012): 1659.
- 412 См.: Nils Melzer, Targeted Killing in International Law, Oxford, Oxford University Press, 2008, p. 89–90.
- 413 Philip Alston, Report of the Special Rapporteur on Extrajudicial, Summary or Arbitrary Executions, Addendum, Study on Targeted Killings, UNO, May 28, 2010, 11.
- 414 Это определяет специфический для law enforcement принцип пропорциональности, который сильно отличается от того, что используется в условиях военных конфликтов. См.: Blank, “Targeted Strikes”, 169.
- 415 Alston, Report, p. 25.
- 416 См.: Blank, “Targeted Strikes”, p. 168.
- 417 Koh, “The Obama Administration and International Law”.
- 418 Mary Ellen O’Connell, “Lawful Use of Combat Drones”, Congress of the United States, House of Representatives, Subcommittee on National Security and Foreign Affairs Hearing: Rise of the Drones II: Examining the Legality of Unmanned Targeting, April 28, 2010, 2.
- 419 Bradley J. Strawser, “Moral Predators: The Duty to Employ Uninhabited Aerial Vehicles”, Journal of Military Ethics 9, no. 4 (2010): 357.
- 420 Jo Becker and Scott Shane, “Secret ‘Kill List’ Proves a Test of Obama’s Principles and Will”, New York Times, May 29, 2012.
- 421 Kenneth Anderson, “Predators over Pakistan”, Weekly Standard 15, no. 24 (March 8, 2010): 32.

422 Alston, Report, 22. Или, согласно другой гипотезе: «За пределами военных конфликтов убийства, совершаемые ЦРУ, являются внеюридическими расправами, поэтому не могут соответствовать законам, устанавливающим права человека». Ibid. P. 21.

423 Kenneth Anderson, “Targeted Killing in U.S. Counterterrorism Strategy and Law”, May 11, 2009. Доступно по ссылке: ssrn.com/abstract=1415070

424 Ibid. P. 27.

425 Kenneth Anderson, “More Predator Drone Debate in the Wall Street Journal, and What the Obama Administration Should Do as a Public Legal Position”, Volokh Conspiracy, January 9, 2010, www.volokh.com/2010/01/09/more-predator-drone-debate-in-the-wall-street-journal-and-what-the-obama-administration-should-do-as-a-public-legal-position

426 «Действующий американский закон, предписывающий создание ЦРУ и определяющий его функции,

давно допускал определенное использование силы, включая целевые убийства, в качестве мер самообороны и защиты национальной безопасности, которое совершенно не обязательно подпадало под строгое определение военного конфликта, как его определяют Женевские конвенции и другие международные договоры о поведении в вооруженном конфликте». Anderson, “Targeted Killing”.

427 Abraham D. Sofaer, “Responses to Terrorism: Targeted Killing Is a Necessary Option”, San Francisco Chronicle, March 26, 2004.

428 Anderson, “More Predator Drone Debate”.

429 «Результатом этого смещения было крайне проблематичное размывание и как следствие — расширение границ применимых правовых рамок... В результате четкие правовые стандарты были заменены весьма туманно сформулированной license to kill». Alston, Report, 3.

430 Anderson. Op. cit.

V ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЛА

НА ВОЙНЕ КАК ВО ВРЕМЯ МИРА

Суверен заботится о том, чтобы продлить человеческий век, начиная войну только тогда, когда это становится необходимо ради безопасности народа. Вести войну! Как можно говорить о сохранении человеческой жизни, говоря о войне, цель которой состоит в том, чтобы ее отнять или, по крайней мере, которая делает смерть неизбежной! Вещь удивительная и, на первый взгляд, непостижимая.

Аббат Жоли ⁴³¹

Изобретая вооруженный дрон, одновременно с грозным оружием получили, сами того не ведая и почти по недосмотру, техническое решение фундаментальной проблемы, которая, начиная с XVII века, существенно осложняла как практику, так и теорию политического суверенитета. Именно эту тихую революцию я хочу сейчас описать. Не надо больше спрашивать, каким образом дрон в качестве нового оружия изменит формы вооруженного насилия или различные аспекты отношения к врагу, а скорее, каким образом он стремится изменить отношение государства к своим собственным подданным. Для этого требуется небольшой экскурс в историю политической философии.

Люди формируют политические сообщества и образуют государство, как утверждали теории общественного договора, прежде всего для того, чтобы таким образом сохранить свою жизнь. Но это не умаляет право суверена распоряжаться их жизнью и смертью, руководствуясь которым он может рисковать их жизнями на войне. Теоретическая сложность связана с конфликтом между двумя этими принципами: базового императива сохранения жизни и действительного права посылать их на смерть ⁴³². Поэтому суверен начинает страдать синдромом множественной личности. От состояния войны к состоянию мира его отношения со своими подданными полностью меняются.

Есть две различные схемы. Первая будет соответствовать, скажем так, «нормальному» состоянию протекционистского или секуритарного суверенитета, того, что можно было бы назвать *протекторатом*. Политический авторитет в его

рамках структурирован тем, что Гоббс называет «взаимоотношениями между защитой и повиновением»⁴³³. Суверен меня защищает, и именно потому, что он меня защищает, у него есть право заставить меня подчиняться. Шмитт выразил это в формуле «*Protego ergo obligo*»⁴³⁴. Я защищаю, следовательно, обязываю. Власть защиты является основанием права отдавать приказы. Политическое отношение представляется в виде обмена: тогда как защита спускается от суверена к подданным, повиновение поднимается от подданных к суверену. Этой разнонаправленной стрелкой определяется легитимная политическая власть, в отличие от прочих отношений власти, односторонних, требующих повиновения, не предоставляя защиту взамен.

Но что происходит, когда государство начинает войну? В этом случае, пишет Гоббс, «всякий человек обязан в силу естественного закона защищать на войне всеми силами ту власть, от которой он сам получает защиту в мирное время»⁴³⁵. Отношение защиты полностью изменяется. В мирное время меня защищает суверен, во время войны я защищаю его. Это феномен *реверсии отношений защиты*. В этой новой схеме стрелки намагничиваются и односторонне поворачиваются к суверену. Отныне *протекже должны защищать своего протектора, который их больше не защищает*. Как только разразилась война, максима суверенитета больше не «*protego ergo obligo*», по крайней мере не напрямую, а наоборот, «*obligo ergo protegor*» — я обязываю, поэтому получаю защиту.

В этой перевернутой максиме Шмитт увидел скрытый принцип политического доминирования, который война обнаруживает и выставляет на всеобщее обозрение. За его обычным лозунгом «я вас защищаю, поэтому мне необходимо подчиняться» на самом деле скрывается другой: «Вы должны мне подчиняться для того, чтобы я был защищен», и особенно если я больше не защищаю вас от всего, включая самого себя. Именно в этой переинтерпретации берут начало все критические теории власти как защитника.

Но если мы обратимся к различным философским интерпретациям общественного договора, то сразу увидим, с какими трудностями им приходится иметь дело. Зная, что он подвергает риску жизни своих подданных, суверен их больше не защищает,

тогда на чем же может быть основана их обязанность подчиняться?

Ответ состоит в том, что он старается, несмотря ни на что, защитить своего утратившего силу защитника ради самой *возможности* защиты, которая виделась изначально целью политического сообщества ⁴³⁶. Так исторически выступает на сцену *диалектика самопожертвования*, в соответствии с которой, как пишет Руссо: «Кто хочет достичь цели, тот принимает и средства ее достижения, а эти средства неотделимы от некоторого риска и даже связаны с некоторыми потерями» ⁴³⁷. Защита жизнью отнюдь не запрещает подвергать их риску, напротив, именно последняя основана на форме *долга по защите* или *жизненного долга*, который появляется с самого рождения, его погашение может быть в любой момент затребовано сувереном-протектором, если того потребуют обстоятельства. Ваша жизнь не является чем-то, что вы можете забрать у государства, как если бы она была по отношению к нему чем-то внешним: напротив, она им произведена и дается вам в дар лишь на определенных условиях ⁴³⁸.

Несмотря на полученные ответы, взаимосвязь между протекционистским суверенитетом и суверенитетом военным остается одним из главных противоречий политической философии модерна. Признаком того, насколько напряженным оно было, стал отказ Гегеля видеть в нем диалектику. Претензия на то, что, подвергая чью-то жизнь риску, мы оправдываем это при помощи императива защиты, представлялась ему неустрашимым софизмом и в то же самое время «превратным расчетом». Вопрос не в том, чтобы выяснить, оправдано ли самопожертвование, оно оправдано, а в том, что с ним происходит после того, как принцип защиты жизни выдвинут в качестве фундаментального обоснования государственной власти, «это обеспечение не достигается посредством пожертвования тем, что должно быть *обеспечено*, а наоборот» ⁴³⁹. Непреодолимое в этих терминах противоречие, с его точки зрения, демонстрировало ложность теорий государства, обеспечивающего безопасность. Вменяя ему в единственную обязанность «защиту имущества и лиц», ошибались в предназначении государства, не понимая сам его смысл. Чтобы его понять, следовало, напротив, испить

сию чашу до дна: подвергать жизни смертельной опасности означает не отклоняться от критической рациональности, а, наоборот, присутствовать при том исключительном моменте, когда она проявляется в полной мере, потому что его истина состоит отнюдь не в простом воспроизведении жизни в ее экономически-биологическом смысле, а проявляется как свобода именно в столкновении со смертью. Не в сохранении жизней, данных нам в осязании, а в их отрицании и самопожертвовании во имя самых высоких целей.

Может ли государство, которое соответствует лишь этому ограниченному, либерально-секуритарному определению и рассматривается исключительно в качестве агента безопасности гражданского общества, призывать к воинскому самопожертвованию, не впадая в противоречие? Гегель учит нас, что нет, не может. Из этого утверждения мы можем сделать совершенно противоположный вывод о характере того, что Люттвак называет постгероической эрой: если у либеральных демократий выработался синдром «отвращения к потерям», то совсем не потому, что они считают *слишком большой ценностью* жизнь своих граждан, а как раз, наоборот, потому, что у них имеется *крайне упрощенное понимание того, чем эта жизнь является*. Следуя ему, необходимо любой ценой сохранять физическую жизнь, не обращая внимания на природу использованных для этого средств и забывая о сохранении *жизни этико-политической*, которая куда важнее.

Но взаимность действительно имеет место: ведь если либеральное государство безопасности могло обойтись без воинского самопожертвования, то оно могло бы, нравится это Гегелю или нет, наконец претендовать на реализацию заявленной программы. Что вполне позволяет постепенная дронизация вооруженных сил. В этом проявляется весь ее политический смысл: примирить либерально-секуритарное ограничение целей государственного суверенитета с сохранением военных прерогатив. Вести войну, но без самопожертвования. Реализовывать без помех военный суверенитет в условиях внутреннего либерально-секуритарного суверенитета. Преодолеть противоречие. Убрать с карты вторую схему, которая представляется настолько проблематичной, чтобы номинальные политические отношения

перенаправлялись и переставали быть взаимными слишком радикальным образом. Осуществлять власть во внутренних отношениях на войне как во время мира.

Но вместе с этим перестают быть актуальными некоторые разновидности критики военной власти, основанные на этом фундаментальном противоречии. Они возникли в эпоху модерна и дожили до наших дней.

На базе этого политического противоречия и очевидных проблем, которые оно создавало, некоторые движения выработали дискурсивные стратегии, оспаривавшие автономию при принятии решений «правителем военного времени».

У этого права войны есть свой суверен, в каких рамках он может действовать законно? Первая из глобальных ограничительных стратегий находится в области политэкономии. Население — это прежде всего *богатство*, и этим живым богатством не стоит разбрасываться. Споры о войне в этом случае напоминают споры о налогах: не брать слишком много, соотносить их величину с потребностями общества⁴⁴⁰.

Принцип сохранения в области витальных расходов. Дурным правителям, которые, руководствуясь ничтожными мотивами своего тщеславия, без колебаний приносят в жертву «кровь и имущество подданных», напоминают, что «кровь народа может быть пролита только ради спасения этого самого народа в исключительных обстоятельствах»⁴⁴¹.

Законное осуществление суверенной власти начать войну должно быть строго ограничено принципом необходимости.

Второе важное направление критики исходит из философии права. По какому праву, спрашивал Кант, государство может распоряжаться своими подданными, их имуществом, даже их жизнями, чтобы вести войну⁴⁴²?

Первый ответ, говорит он, смущает суверенов с их умонастроениями, потому что они считают себя «вправе отправлять своих подданных, большая часть которых — это [его] собственный продукт, на войну как на охоту и на сражения, как на увеселительную прогулку»⁴⁴³, подобно тому, кто разводит кур или баранов.

В этой *зоополитической* концепции суверенитета принцип собственности пересекается с принципом разведения.

Право на войну как право политическое представляется в нем правом собственника, позволяющим, в соответствии с его классическими атрибутами, пользоваться вещью как ему заблагорассудится, но также более специфическим правом производителя-животновода, в рамках которого подданные власти являются ее *продуктами*, как говорит Кант, в смысле их избытия: животновод, естественно, не является биологическим производителем животных своего стада, но он обеспечивает домашние условия их роста и воспроизводства. Если суверен-животновод может по своему усмотрению послать их на бойню, то именно потому, что они являются его живым произведением.

Этому произволу зоополитического суверенитета⁴⁴⁴ Кант противопоставляет принцип гражданства: суверен может объявить войну только в том случае, если граждане, которые будут рисковать на ней своими жизнями, выразили свое «добровольное согласие» при помощи голосования, как это принято в республиках⁴⁴⁵. Если гражданам есть что сказать по этому поводу, то не потому, что именно они будут решать в принципе, а потому, что данное решение затрагивает их жизнь и тот факт, что их живые тела подвергаются риску смерти или ранения. В этом моменте проявляется нечто крайне важное: определенная форма политической субъективности, которая противопоставляется военному суверенитету; то, что я назвал бы *гражданством живущих* или *гражданством жизней, подверженных риску*. Это голос тех, кому есть что сказать, потому что они рискуют погибнуть. Именно потому, что военный суверенитет подвергает риску жизни подданных, которые являются *гражданами-живущими*, им предоставляется право контроля этой власти, которая может ранить или послать их на смерть. Поскольку она может нас уничтожить, мы *должны* иметь над ней власть.

Здесь мы видим новое изменение в системе конститутивных отношений военного суверенитета. В республиканском контексте, уточняет Кант по поводу права на войну на самом деле нужно «выводить право из *обязанности* суверена по отношению к народу (а не наоборот)»⁴⁴⁶. Отношения долженствования переворачиваются. Именно из этой первоначальной версии Шмитт непосредственно позаимствовал отношения вассалитета, делая его универсальным или чем-то вроде политической

трансцендентальности. Суверен-протектор говорил: «Я тебя защищаю, поэтому я тебе приказываю», гражданин республики отвечает ему вместе с Кантом: «Ты, суверен, подвергаешь меня риску, поэтому ты обязан мне повиноваться».

Всякая протекционистская власть нуждается в уязвимости тех, кого она защищает, даже в том случае, если эту уязвимость необходимо активно поддерживать самому, что известно любому рэкету⁴⁴⁷. Но в отличие от дискурса протекционистского суверенитета, который начинает с постулата об *онтологической уязвимости* как изначального состояния своих подданных, дискурс критический отталкивается от политического создания уязвимости и того, что жизни подданных подвергаются риску для создания возможности ее критики или ограничения. Уязвимость, которую протекторат провозглашает своей первоосновой, обращается против него в политическом плане и противопоставляется ему как ограничительный принцип, поскольку в этом смысле он противоположен суверенной деструктивности. Перед лицом требования безусловной мобилизации тел и жизней граждан поднимается голос гражданства живущих: мы не будем этого делать, мы не хотим за это умирать, не в этом бою, не на этой войне, ведь она совсем не наша.

Это гражданство жизней, подверженных риску, заложило важный, хотя и не единственно возможный, фундамент демократической критики военной власти. Не только в институциональном режиме, о котором говорил Кант, упоминая о голосовании, но также в качестве вектора внепарламентской мобилизации в рамках различных антивоенных движений XX века. Но именно этот критический подход стремится сделать неактуальным дронизация вооруженных сил в то самое время, когда сводит практически к нулю риск для жизни солдат национальной армии во время войны. Ошибка заключалась в том, что «отвращение к потерям» якобы является его единственным мотивом, а расчет цена/выгода — единственно уместным типом рациональности, необходимым для выработки критической позиции перед лицом государственного насилия.

431 А. Н. Joly, *Le Souverain*.

Considérations sur l'origine, la nature, les fonctions, les prérogatives de la souveraineté, les droits et les devoirs réciproques des souverains et des peuples, Renault, Paris, 1868, p. 262.

432 Мишель Фуко в общем виде описывает эту трудность следующим образом: «Но если не жизнь служит основанием права суверена, то может ли суверен реально потребовать от своих подданных права на власть над их жизнью и смертью, то есть просто на власть их убивать?»

Фуко М. Нужно защищать общество / пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб.: Наука, 2005. С. 255.

433 *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. / пер. с англ. А. Гутермана. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 543.

434 *Шмитт К.* Понятие политического / пер. с нем. А. Ф. Филиппова. СПб: Наука, 2016. С. 329.

435 *Гоббс Т.* Сочинения. Цит. соч. Т. 2. С. 535.

436 Для Гоббса обязательства граждан происходят не только из соглашения, которое подразумевает обмен покорности на действительную защиту, но также «из цели установления верховной власти» (*Гоббс*. Цит. соч. С. 167), которая «заклучалась в поддержании мира в государстве» (Там же. С. 89).

437 *Руссо.* Трактаты. Цит. соч. С. 175.

438 Ораторы революционной Франции не забыли подобную риторику, см., например, пространную прозопопею Барера 1791 года из серии «Родина в опасности»: «Гражданин, это я, говорит Родина, занимаюсь твоей личной безопасностью, твоим спокойствием и твоим имуществом. Чем ты отплатишь мне за это постоянное благодеяние? Если придет время, когда я окажусь в опасности, покинешь ли ты меня в один из тех роковых моментов в ответ на мою неизменную защиту <...>? Вне всякого сомнения, нет: может настать час, когда я потребую от тебя пожертвовать теми самыми правами, тем самым имуществом и даже твоей жизнью, которую я неизменно защищала». *Réimpression de l'ancien Moniteur, tome IX*, Plon, Paris, 1862, p. 82.

439 «Существует превратный счет, в котором при требовании принесения этих жертв государство рассматривается лишь как гражданское общество и его конечной целью признается лишь обеспечение жизни, ибо это обеспечение не достигается посредством пожертвования тем, что должно быть обеспечено, а не наоборот».

Гегель Г. Ф. В. Философия права. Цит. соч. С. 343.

440 «Поскольку подданные не обязаны платить субсидии и нести прочие расходы иначе, чем в случае необходимости покрытия расходов государства во время войны и во время мира, суверены не должны требовать свыше

того, что требуется для общественных расходов». Pufendorf, *Le Droit de la nature et des gens*, op. cit., livre VII, ch. IX, p. 425.

441 Jaucourt, «Guerre», цитируется по: *Encyclopedic*, tome VII, Livourne, 1773, p. 967.

442 Кант И. Сочинения: в 6 т. / пер. с нем. С. Я. Шейнман-Топштейн и Ц. Г. Арзаканьяна. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 2. С. 272.

443 Там же.

444 Зоополитику можно определить как раздел биополитики, которая характеризуется не просто перенесением процедур разведения животных на политические отношения, но прежде всего, с правовой точки зрения, привязкой политического

закона к базовым категориям частного права, а конкретно — к законам о частной собственности. Власть, основанная на рабовладении, — яркий пример зоополитики.

445 «...Только при этом ограничивающем условии государство может располагать его опасной службой». Кант. Сочинения. Цит. соч. Т. 4, ч. 2. С. 272.

446 Там же.

447 На эту тему см.: Charles Tilly, “War Making and State Making as Organized Crime”, цитируется по: *Bringing the State Back In*, ed. Peter Evans, Dietrich Rueschemeyer, and Theda Skocpol. New York, Cambridge University Press, 1985.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИЛИТАРИЗМ

Не хотим, черт дери, на войну.
Но уж если придется, то пусть
Мы останемся петь свои песни в тепле,
А воюет наш храбрый индус.

Британская песня, 1878 ⁴⁴⁸

Суверен, поскольку он никогда не подвергает себя опасности во время войны, может, «следовательно, решиться на нее по самому незначительному поводу как на увеселительную прогулку» ⁴⁴⁹ или, как пишет Кант, как если бы он отправился на охоту. Война-охота определяется не только особым отношением к врагу, но также, в отношении внутренних дел, определенным способом принятия решений, который не подразумевает жизненную вовлеченность того, кто эти решения принимает.

При республиканском типе правления дела обстоят иначе, так как «для решения вопроса, быть войне или нет, требуется согласие граждан, то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру, ведь все тяготы войны им придется взять на себя» ⁴⁵⁰. Как только цена принятых решений ложится на того, кто их принимает, интерес подталкивает его к осторожности. В этом заключается своего рода хитрость пацифистского разума: уважая фундаментальные принципы политического права, ратуя за республику, мы тем самым запускаем механизм принятия решений, который стремится, в соответствии с правилами своих расчетов, ограничить войну и постепенно вообще ее упразднить. Принцип умеренности, который политэкономия пыталась навязать военному суверенитету извне, оказывается механическим образом приспособлен к способу ее функционирования. То, что Кант называл республикой, а мы сегодня несколько поспешно называем «демократией», должно обладать этим достоинством, то есть быть политическим режимом, по определению стремящимся к миру.

Совсем неслучайно этот текст был заново открыт американской политической наукой в девяностые годы. Из него выводится, несмотря на кровавые уроки XX века (начиная с Первой

мировой войны), оптимистическая теория «демократического пацифизма». Идеи кенигсбергского немца переводятся на более привычный язык экономической теории рационального выбора: тогда как диктатор может подвергнуть экстернализации издержки от войны, при этом получая от нее выгоды, граждане демократического государства, в соответствии со своими расчетами, должны учитывать как издержки, так и прибыль. Так как интернализация человеческих и фискальных издержек войны для граждан-избирателей косвенно отражается на электоральных издержках для политических руководителей, то демократии стремятся избегать обращения к военной силе вплоть до того, чтобы полностью от нее отказаться, за исключением обстоятельств непреодолимой силы.

Современные американские политологи с удивлением обнаружили у философа XVIII века нечто похожее на правдоподобное объяснение положения дел после Вьетнама. Всегда можно сказать, что раз США являются воплощением демократии или того, что Кант называл республикой, то совсем неудивительно, что для осуществления пророчества из всех стран на планете была выбрана именно эта.

Но там, где немецкий философ рассчитывал найти повод для определенных надежд, иным видится причина для беспокойства. Мадлен Олбрайт, которая была в свое время крайне раздражена из-за колебаний Пентагона по поводу применения наземных сил в Боснии, язвительно спросила Колина Пауэлла: «Зачем нам нужна вся эта впечатляющая военная мощь, если мы никак не можем ею воспользоваться?»⁴⁵¹

Демократия, как считалось, в конце концов свяжет армию по рукам и ногам. Необходимо было найти срочный выход.

К счастью, гипотеза Канта не предусматривала одного сценария: что на самом деле произойдет, если будет найден способ заменить солдат-граждан другими орудиями войны? Эта непредусмотренная возможность была *сохранением путем замены*.

Что-то подобное уже пробовали, прибегая к весьма рудиментарным средствам в конце XIX века. Гобсон, этот великий трубадур британского колониализма, еще в 1902 году объяснял, каким образом парламентские и колониальные режимы могли бы избавиться от издержек «дилеммы милитаризма». Вместо того

чтобы жертвовать жизнями граждан во имя империи, для защиты будет достаточно ее расширить или всего лишь подавлять восстания, которые попытаются сбросить ее ярмо, поручив грязную работу силам туземцев. Положившись на «храбрых индусов», британские народные массы могли избежать всех трудностей, связанных с призывом. Таким образом «новый империализм», возложив эту работу на плечи «низших рас» империи, достигал классового компромисса в пределах метрополии. Что давало ему дополнительное преимущество и позволяло избежать какого бы то ни было риска внутренних протестов против колониальных авантюр.

Но, как предупреждал Гобсон, одновременно с этим возникала политическая опасность иного рода: «Хотя для населения метрополии бремя милитаризма облегчается, риски войны возрастали, потому что войны становятся более частыми и все более варварскими, когда от них не зависят британские жизни»⁴⁵². Одним словом, как несколькими годами ранее заявил Лорд Солсбери, Индия, несомненно, может послужить Великобритании в качестве «английской казармы в восточных морях, из которых можно получить необходимое количество войск, нисколько не заботясь о цене». Но это была довольно скверная политика, поскольку никто не мог воспротивиться «искушению вести маленькие войны, которые могут быть под контролем только в том случае, когда существует необходимость платить за них определенную цену»⁴⁵³.

Для того чтобы издержки были подвержены экстернализации и для граждан, та же теоретическая модель, что возвещала о пришествии демократического пацифизма, стала предсказывать нечто противоположное: *демократический милитаризм*⁴⁵⁴.

Для получения, в свою очередь, гарантии от витальных издержек войны граждане при принятии решений оказывались примерно в том же положении, что и тот легкомысленный военачальник, смертоносную непоследовательность которого изобличал Кант. Что касается руководителей, то их руки наконец были развязаны.

Освободившись от ограничений, связанных с мобилизацией человеческих комбатантов, суверен может делать именно то, чего Кант всячески старался избежать, а именно отправится «на войну как на охоту и на сражения, как на увеселительную прогулку»⁴⁵⁵. Когда война становится призрачной и радио-

управляемой, а граждане больше не рискуют на ней своими жизнями, у них больше не будет права высказываться на этот счет.

Будут ли эти риски переложены на туземцев или на машины, уроки Гобсона по-прежнему актуальны. Дронизация вооруженных сил изменяет, подобно любой экстернализации рисков, условия принятия решений о начале войны. Порог обращения к вооруженному насилию драматически снижается и начинает казаться вариантом по умолчанию во внешней политике.

Поэтому неудивительно, что сегодня мы находим модернизированные разновидности антиимпериалистической аргументации а-ля Гобсон у целого ряда авторов, предпринимających критику дронов с либеральной точки зрения, используя методы экономической теории решений. Поскольку верховный главнокомандующий демократической страны предположительно является рациональным агентом, каково будет воздействие этого «low cost» оружия на его расчеты?

Главным эффектом будет принятие в расчет существенного отклонения. Агент, способный действовать в условиях минимального риска для себя самого, склонен к более рискованному поведению, разумеется, в отношении соперника. Если интерпретировать его действия в рамках теории рационального страхования, то дрон является типичным фактором *морального риска* («moral hazard»), где сама возможность действовать, не рискуя и не беря на себя издержки, приводит к снижению ответственности агентов за последствия их действий⁴⁵⁶.

Если говорить точнее, это объясняет, каким образом дроны осуществляют тройное снижение издержек, традиционно связанных с применением силы: снижение *политических издержек*, связанных с лишением жизни граждан, снижение *экономических издержек*, связанных с вооружением, и снижение *репутационных*, связанных с осязаемыми эффектами совершенного насилия⁴⁵⁷.

Последний момент особенно важен. Чему служат все эти рассуждения о некроэтике дрона? Их цель состоит в снижении репутационных издержек, связанных с использованием этого оружия. Отсюда их стратегическая функция в рамках политэкономии войны. Чем более оружие кажется «этическим», тем более социально приемлемым оно становится и тем чаще

мы сможем им пользоваться. Это замечание позволяет наметить два других противоречия в этих рассуждениях.

Первое состоит в *ничтожности обусловленного сравнения*: утверждается, что использование дрона оправдано, потому что оно приводит к меньшим сопутствующим потерям по сравнению с другими видами оружия, которые могли быть использованы вместо него. Но данный аргумент предполагает, без чего сравнение не будет корректным, что имеются «другие средства», которые вполне могли быть использованы вместо него, то есть военные действия имели бы место в любом случае. Но именно моральный риск, связанный с этим «low cost» оружием, делает его сомнительным. Софизм выдает себя в тот момент, когда мы считаем, что использование этого средства (дрона) должно привести к меньшим сопутствующим жертвам по сравнению с другими. Но эти средства, именно в случае их использования, не могли бы быть применены вместо него из-за сдерживающего влияния репутационных издержек. Иначе говоря, в ситуации морального риска военное решение вполне может рассматриваться как «необходимое» исключительно потому, что оно возможно, причем при самых минимальных расходах⁴⁵⁸. Потому что в этом случае утверждение о том, что дрон приводит к меньшим сопутствующим потерям, было бы определенно ложным: как резюмирует Хаммонд, число жертв среди мирных жителей «никак не ниже, чем в случае отсутствия удара с дронов, потому что в этом случае оно равнялось бы нулю»⁴⁵⁹.

Второе возражение состоит в *аккумуляции наименьшего ущерба*. Как показывает Эяль Вайцман: «В терминах экономии издержек и накопления прибыли концепция наименьшего риска опасности становится контрпродуктивной: менее жесткие меры — это те, которые легко могут быть представлены как естественные, допустимые и приемлемые. По этой причине к ним прибегают намного чаще, в результате чего большая опасность может проявиться в режиме аккумуляции»⁴⁶⁰. Утверждение о том, что каждый удар приводит к меньшему числу жертв среди мирного населения, позволяет увеличить их количество за счет сокращения репутационных издержек в каждом отдельном случае. Но это всего лишь иной способ сказать, что за каждым деревцом хирургических ударов скрывается лес могил.

Моральный риск имеет еще одно порочное последствие, на этот раз в чисто военном отношении. Дроны довольно неэффективно заменяют наземные силы, их исключительное использование в высшей степени контрпродуктивно с точки зрения антиповстанческой стратегии. Но если это так, то почему их используют, несмотря ни на что? Экономический смысл может объяснить эту мнимую непоследовательность. Оружие «low cost», объясняет Каверли, создает сильнейшее искушение заменить военные миссии на высокорентабельные вооруженные силы (говоря проще: заменить людей на машины), даже в том случае, когда подобная заменимость весьма относительна (говоря проще: когда машины выполняют работу хуже солдат), потому что более низкая вероятность победы уравнивается значительным сокращением издержек, связанных с решением вести войны подобными средствами. Отсюда использование, вопреки соображениям боевой эффективности, менее оптимальных, но куда более дешевых средств.

Но какая в этом случае предлагается альтернатива? Амитай Этциони, убежденный сторонник использования дронов, задает вопрос: «Это даст что-то нам или же афганцам с пакистанцами, если террористы, где бы они ни находились, будут убиты в ближнем бою? Например, если они будут заколоты спецназом, который будет забрызган их кровью?»⁴⁶¹ На что Бенжамен Фридман отвечает: «На самом деле, да. Дело в том, что мы принимаем более взвешенные решения о ликвидации, когда предполагаем, какую цену за это могут заплатить наши солдаты. У бесплатных войн... есть все шансы на то, чтобы в итоге оказаться дурацкими. Это не означает, что мы должны умышленно заставлять наши войска рисковать собственной жизнью исключительно ради того, чтобы поднять уровень дискуссии. Но у нас должен вызывать беспокойство факт, что отсутствие видимых последствий подталкивает нас к тому, чтобы бомбить различные страны почем зря. Речь идет не о расплывчатом аргументе из арсенала социологии, а о самой традиционной теории цен, которая говорит нам, что снижение цены повышает спрос»⁴⁶². *Homo economicus** собрался на войну. По дороге он отказывается от дрона.

* Человек экономический (лат.).

* * *

Но если мы сменим теоретическую оптику и перейдем от классической экономики к анализу в терминах классовых отношений, феномен будет выглядеть совсем иначе. В этой тенденции замены военных мер на капитал важно не только нарушение условий политического расчета, производимого демократическим сувереном, но также, что значительно важнее, повышение социальной и материальной автономизации государственного аппарата. Беверли Сильвер предлагает краткое описание этого исторического процесса.

В господствующей до семидесятых годов модели, объясняет она ⁴⁶³, индустриализации войны, в сочетании с многочисленностью пролетариата и его центральной ролью, а также в связи с массовым призывом, руководители западных стран сильно зависели от общества в том, что касается использования военной власти.

Вьетнамский кризис в один прекрасный момент продемонстрировал все скрытые политические угрозы, связанные с подобной зависимостью. Американские правящие классы смогли в полной мере ощутить мощнейшую динамику социальной радикализации, которую может спровоцировать непопулярная империалистическая война. Они также могли наблюдать взрывоопасный синергизм, катализатором которого выступило антивоенное движение, вступая в резонанс с прочими социальными движениями, сотрясавшими американское общество.

Избавление от балласта было первым ответом — уступки, сделанные движениям за права человека и требованиям профсоюзов. Но этот разносторонний кризис также привел к стратегической переориентации небывалого масштаба. Велась работа над тем, чтобы ускорить уже запущенные преобразования в «военном режиме» ⁴⁶⁴. Новая стратегия придавала больше значения рентабельности войны: окончательный разрыв с призывной моделью, все более интенсивное использование частных подрядчиков, развитие видов оружия, предназначенного для войны на расстоянии. Старая модель «армии граждан» уступила место «рыночной армии» ⁴⁶⁵.

Ключ к этому преобразованию был, по сути своей экономическим, потому что стало ясно, что, «как только капитализация возрастает, делая призыв и потери менее вероятными, вооружение и война имеют тенденцию становиться скорее фискальной, чем социальной мобилизацией»⁴⁶⁶. Но эта динамика капитализации, разумеется, не была полностью независимой от того или иного политического выбора, которые, в свою очередь, принимались во многом в пересекающихся интересах военно-промышленного комплекса. Николас Шёринг и Александр Лембке продемонстрировали, как этико-политический дискурс «нулевых потерь» был весьма эффективно подхвачен и ретранслирован военной индустрией⁴⁶⁷. Благодаря нашему новому боевому дрону, заявляла реклама X-45A от корпорации «Боинг» в 2002 году, «больше нет необходимости подвергать экипажи опасности ради выполнения наиболее опасных миссий»⁴⁶⁸. Два повода для беспокойства (для промышленников — продать побольше нового оружия, для политиков — сохранять свой электоральный капитал) сливались в единое целое и влияли друг на друга.

Структурный эффект этих изменений в методах ведения войны, объясняет Сильвер, состоит в том, чтобы свести материальную зависимость государственного аппарата к военному решению и социальной зависимости от тех групп, которые составляют ее рабочую силу: «Отношения работников и граждан с государством — побочный и непредвиденный эффект враждебности империй, возникший в XX веке в эпоху холодной войны, — оказываются перевернутыми, а вместе с ними ставится под вопрос масса экономических и социальных привилегий, которые могли быть ими получены»⁴⁶⁹.

На самом же деле, вопреки тому, о чем возвещает механистический оптимизм теорий «демократического пацифизма», тот факт, что жизни граждан были вовлечены в процесс принятия решений о начале войны, совершенно не являлся достаточной гарантией запрета на бойню. Но даже если этот рычаг протеста исторически не смог остановить те или иные катастрофы, он был далеко не бесполезным. Корпоративная зависимость военного суверенитета позволила трудящимся классам выстроить именно на этой основе, помимо действия прочих факторов, стабильные и социально ориентированные отношения

с властью. Социальное государство было одним из продуктов мировых войн, ценой, которую пришлось заплатить за пушечное мясо, компенсацией за налог на кровь, добытой в борьбе. «Издержки», заложенные в стоимость вооружения, должны были учитываться «принимающими политические решения», которые так или иначе включали их в свои расчеты.

История Welfare State * непосредственно связана с Warfare State **. Как объясняет Барбара Эренрейх ⁴⁷⁰: «Современные “государства всеобщего благосостояния”, какими бы несовершенными они ни были, являются в значительной степени продуктами войн, так как они были связаны с усилиями правительств успокоить солдат и их семьи. Например, в США именно гражданская война привела к появлению “пенсий для вдов”, предшествовавших появлению социальной помощи семьям и детям... Много поколений спустя, в 2010 году, Министерство образования США указывало, что “75 % молодых американцев в возрасте от семнадцати до двадцати четырех лет не могут быть призваны в армию либо потому, что у них нет аттестата зрелости, либо потому, что у них были проблемы с законом, либо по причине физической неспособности”. Как только нация больше не способна получить достаточно молодых людей, годных к службе, у нее есть два выбора: она может, как советуют некоторые генералы в отставке, снова инвестировать в свой “человеческий капитал”, а особенно в здоровье и образование малоимущих, или же она рискует серьезно пересмотреть свой подход к войне... Альтернативный подход состоит в том, чтобы устранить или существенно сократить зависимость армии от любых человеческих существ» ⁴⁷¹. Смысл дронизации в том, чтобы примирить оскудение дающей руки социального государства с поддержанием его железного кулака. Теперь мы понимаем, на какие конкретно вызовы отвечают обещания «нулевых потерь» и абсолютного сохранения жизни граждан...

На первый взгляд, дрон является решением, найденным в ответ на главное противоречие дискурса протекционистского

* Государства всеобщего благосостояния (англ.).

** Воюющего государства (англ.).

суверенитета. Вести войну, не подвергая риску жизни собственных граждан. Сохранять, не теряя. Всегда защищать. Плохая новость: обещание сохранить жизни граждан никак не противоречит росту социальной уязвимости большей части этих граждан, а также всевозрастающей прекаризации.

448 Цитируется по: Jonathan D. Caverley, “Death and taxes: Sources of democratic military aggression”, thesis, University of Chicago, 2008.

449 *Кант*. Сочинения. Цит. соч. / пер. с нем. С. М. Роговина и Б. В. Чредина. Т. 6. С. 269.

450 Там же. С. 268.

451 Цитируется по: Barbara Ehrenreich, “War Without Humans: Modern Blood Rites Revisited”, Tom Dispatch, July 10, 2011, www.tomdispatch.com/blog/175415

452 J. A. Hobson, *Imperialism: A Study*. London: Nisbet, 1902, 145.

453 Hansard’s Parliamentary Debates, Third Series, 1867–1868, London, Buck, 1868, 1:406. Сегодня эта практика сохраняется в тех

или иных формах работы с подрядчиками и субподрядчиками. В настоящее время США набирают значительную часть своих военных подразделений, действующих в Черной Африке через частные военные компании, которые заключают контракты с Пентагоном.

Об этом см. весьма информативный доклад: Alain Vicky, “Mercenaires africains pour guerres américaines”, *Le monde diplomatique*, May 2012.

454 См.: Jonathan D. Caverley, “Death and Taxes: Sources of Democratic Military Aggression”, thesis, University of Chicago, 2008, 297.

455 *Кант*. Сочинения. Цит. соч. Т. 4, ч. 2. С. 272.

- 456 John Kaag and Sarah Kreps, “The Moral Hazard of Drones”, The Stone, New York Times blog, July 22, 2012.
- 457 «Снижая потери гражданского населения, дронизированные технологии снижают понесенный моральный и репутационный ущерб от использования летальной силы». Rosa Brooks, “Take Two Drones and Call Me in the Morning: The Perils of Our Addiction to Remote-Controlled War”, Foreign Policy, September 12, 2012.
- 458 Как объясняет Уолцер, развивая идеи Иегуды Мельцера: «Пропорциональность — это способ приспособливать средства к целям, но... существует обескураживающая тенденция вместо этого приспособливать цели к средствам, то есть заново определять изначально узкие цели для соответствия имеющимся военным силам и технологиям». Michael Walzer, *Just and Unjust Wars*, London, Allen Lane, 1977, p. 120.
- 459 Jeremy R. Hammond, “The Immoral Case for Drones”, July 16, 2012, www.jeremyrhammond.com/2012/07/16/the-immoral-case-for-drones
- 460 Eyal Weizman, *The Least of All Possible Evils: Humanitarian Violence from Arendt to Gaza*. London, Verso, 2012, p.10.
- 461 Caverley, “Death and Taxes”.
- 462 Amitai Etzioni, “The Great Drone Debate”, National Interest, October 4, 2011.
- 463 Benjamin H. Friedman, “Etzioni and the Great Drone Debate”, National Interest, October 5, 2011.
- 464 Beverly J. Silver, “Historical Dynamics of Globalization, War and Social Protest”, цитируется по: *Critical Globalization Studies*, ed. Richard Applebaum and William Robinson. New York, Routledge, 2005, p. 308. Я ссылаюсь на ее анализ в этом фрагменте.
- 465 О концепте «моделей войны» см.: Mary Kaldor, *New and Old Wars*. Cambridge, Polity Press, 2006, p. 17.
- 466 См.: Yagil Levy, “The Essence of the ‘Market Army’”, *Public Administration Review* 70, no. 3 (May/ June 2010): 378–89.
- 467 Jonathan Caverley, “The Political Economy of Democratic Militarism: Evidence from Public Opinion”, International Relations Workshop, University of Wisconsin, March 28, 2012.
- 468 Niklas Schörnig and Alexander C. Lembcke, “The Vision of War Without Casualties: On the Use of Casualty Aversion in Armament Advertisements”, *Journal of Conflict Resolution* 50, no. 2 (2006): 204–27.
- 469 *Flight International* 161, no. 4834 (June 4, 2002): 2.
- 470 Silver, “Historical Dynamics”, 309.
- 471 Ehrenreich, “War Without Humans”.

СУЩНОСТЬ КОМБАТАНТОВ

Сражаться — это одно, а убить человека — совсем другое. И убить его вот так будет преднамеренным убийством... Послушай-ка, лично я не буду вот так вот стрелять в одного человека. А ты?

Эмилио Луссу⁴⁷²

Оружие, писал Гегель, есть «не что иное, как сущность самих борющихся, которая лишь для них обоих проявляется взаимно»⁴⁷³. Если оружие действительно является сущностью комбатантов, то в чем сущность тех, кто сражается при помощи дронов?

Я есть мое оружие. Этот тезис контринтуитивен. Он противоречит инструменталистским концепциям: вопреки идее независимости субъекта от орудий, при помощи которых он действует, она утверждает их принципиальное тождество. В этом случае невозможно разделить то, чем я являюсь, например, в соответствии с моими намерениями и целями, и средства, которые я использую для их достижения. То, чем я являюсь в этическом смысле, определяется природой оружия, которое я использую. Если выбор оружия имеет значение, то именно потому, что он самым радикальным образом ставит вопрос о том, кем мы являемся, рискуя при этом потерять свою душу и свою сущность.

Но эта сущность, добавляет Гегель, проявляется только в «виде взаимности»: чтобы осознать, чем я являюсь в качестве комбатанта, взять в руки оружие недостаточно, необходимо понимать, что значит испытать на себе его воздействие. Творящий жестокость субъект не может постигнуть свою сущность иначе как в отражении, которое он видит в оружии врага.

Однако в случае дрона эта действенная феноменологическая механика дает сбой. Что происходит как минимум по двум причинам. Во-первых, потому, что это оружие лишает своего «комбатанта» возможности сражаться: *чьей* именно сущностью является оружие комбатанта, который не вступает в сражение? Далее, поскольку она лишает субъекта, творящего насилие,

всякого умозрительного или рефлексивного отношения к своему собственному насилию: если вооруженный субъект не может постигнуть свою сущность в режиме взаимности, то что происходит, когда оружие, как в данном случае, упраздняет саму возможность подобного отношения?

На этот вопрос есть лаконичный ответ: «Они хотят превратить наших парней в убийц» — как передает Сеймур Херш, такой крик души высокопоставленного генерала раздался после того, как Рамсфельд заявил о своих планах по использованию американской армии сразу после 11 сентября⁴⁷⁴.

«Государству, которому объявлена война, разрешены всевозможные средства защиты, однако не те, пользование которыми сделало бы его подданных неспособными быть гражданами... К таким средствам относятся: использование своих граждан в качестве шпионов, а шпионов, даже иностранных, в качестве убийц, отравителей (к этому разряду можно было бы отнести и метких стрелков, которые поджидают в засаде одиночек)»⁴⁷⁵.

Теоретический принцип политического права, о котором говорит здесь Кант, заключается в том, что *именно государство не может заставить делать своих подданных*, когда они являются гражданами. Отдавать солдатам приказ убивать врага, использовать оружие, которое априори лишает их всякой возможности сопротивляться, именно это запрещает принцип гражданства. За этим скрывается идея, что принуждение со стороны государства по отношению к своим гражданам ограничено тем, во что они могут превратиться. То, что нас *заставляют что-то делать*, заставляет нас *быть* чем-то. Есть метаморфозы, запрещенные для государства. У государства, говорит Кант, нет права превращать своих граждан в убийц. В комбатантов — да, в убийц — нет.

Но подобный отказ можно проблематизировать иным способом, в соответствии с совсем иным философским подходом, который будет уже ни политико-юридическим, ни, как мы увидим, «этическим», по крайней мере не в том смысле, в котором этот термин употребляется в современных «прикладных этиках».

История более-менее повторяется: солдат целится во вражеского комбатанта, но, когда он уже готов стрелять,

что-то на заднем плане, порой незначительная деталь, поза, жест, поведение, нелепый наряд, заставляет его принять решение не нажимать на спусковой крючок. Враг закуривает сигарету, описывает круги, держась за спадающие брюки, задумчиво нежится на весеннем солнышке или внезапно пойман голым во время совершения туалета. И тогда комбатант, уже изготовившийся для стрельбы, меняет свое решение. Опуская свою винтовку, он поворачивается к своему соседу по окопу и говорит: сражаться — это одно, а убить человека — совсем другое. И убить его вот так, это будет умышленное убийство... Послушай-ка, лично я не буду вот так вот стрелять в одного человека. А ты?»⁴⁷⁶

То, что Майкл Уолцер говорит в девятой главе своей книги *«Справедливые и несправедливые войны»*, не затрагивает, как у Канта, формулировку этико-юридического принципа, который априори ограничивает то, что государство может приказывать своим солдатам. Вопрос не достигает подобного уровня обобщения и вообще находится в другом регистре. Это вопрошание проявляется сугубо индивидуально, субъективно, для себя самого: буду ли я стрелять?

Если солдаты в подобных случаях не стреляют, то совсем не из-за принципиального отвращения к убийству. Их останавливает в этих ничего не значащих смехотворных случаях то, что они внезапно понимают о другом: со всей неотвратимой очевидностью оно напоминает нам о том, что мишень является нам подобным, одним из нас, а не просто «врагом». Образ обнаженного солдата эмблематичен для мысли Уолцера: как только солдат снимает свою форму, как только он вылезает из своей искусственной кожи комбатанта, его человечность вновь выходит на поверхность, перенасыщая собой все поле зрения. Не стреляя в того, кто теперь предстает перед нами как простое человеческое существо, солдат интуитивно признает примат этого права, права на жизнь, того самого права, которое лежит в основе иммунитета мирных жителей, не позволяя им стать мишенью в ходе вооруженного насилия.

Философ Кора Даймонд оспаривает подобную интерпретацию. Солдаты ничего подобного не рассказывают, возражает она Уолцеру. Они рассказывают что-то совсем иное.

Они говорят, что если у них нет желания стрелять, то именно потому, что они *чувствуют себя не способными* это сделать. Они не выражают это на языке *права*. Они не используют словарь *нравственности*. Они, скорее, обращаются к определенным «понятиям о том, что значит *быть солдатом*»⁴⁷⁷, что для них означает «быть вовлеченным в вооруженный конфликт с другими людьми, понятию, соответствующему их чувству, следуя которому мы не должны отрицать человечность, которую мы разделяем с другими людьми»⁴⁷⁸. Она настаивает, что для осмысления их опыта совсем не требуется «искусственно объяснять подобные случаи *признанием прав*, которое якобы скрывается за отвращением к убийству голого солдата»⁴⁷⁹.

Я думаю, что Даймонд права, хотя внеморальный подход, на который она здесь ссылается, может на самом деле иметь более глубокий и куда более аутентичный *этический* смысл (что на самом деле означает иной, а именно политический смысл), который она не проговаривает. Проблема с правовым дискурсом, справедливо замечает она, в том, что он очень часто искажает понимание самого важного. Отказ стрелять в голого солдата не имеет отношения к уважению-принципа-избирательности-и-пропорциональности, поэтому желание во чтобы то ни стало использовать подобную оптику — самый верный способ ровным счетом ничего не понять. В соответствии с законами войны, у солдат есть право убивать солдат противника, когда они курят, раздеты или одеты неряшливо, не вооружены или погрузились в сон, и все об этом знают. Подобный отказ от убийства, когда он происходит, совсем не юридического порядка; а право, равно как и связанная с ним прикладная военная этика, не годятся для понимания его смысла.

Но почему же тогда они отказываются стрелять? Мне кажется, ни Уолцер, ни Даймонд не уделяют достаточно внимания фразе солдата Луссу, на которую при этом оба ссылаются. Если он не стреляет, то не потому, что в принципе против войны. Другими словами, это не позиция пацифиста или отказника по соображениям совести. Он не отказывается стрелять в других людей в бою. Его проблема не в этом. И даже наоборот, они не стреляют именно потому, что им удастся провести различие для себя самого и для своих товарищей между тем, чтобы «сражаться», и тем, чтобы «убить человека вот так».

Это различие, с которым он его связывает, и связывает с полным правом, является тем, что отличает сражение от простого придания смерти. Остаться комбатантом и не стать убийцей в своих собственных глазах.

Для него абстрактное признание «права человека» имеет куда меньшее значение по сравнению с последствиями того, что он «сделает это». Если он это сделает, то ему придется с этим жить, и он это знает. Это вопрос не *долга*, а *становления*. Подлинный и определяющий вопрос не «что я должен делать?», а «чем я стану?».

Я полагаю, что здесь, в вопросе становления акторов вооруженного насилия, кроется что-то очень важное: фиксированная точка или субъективная позиция, необходимая для критики насилия.

Лимит подобного позиционирования в том, что это отказ прежде всего личный, я-центричный, для самого себя. Это «субъективистское» препятствие. Солдат не хочет стрелять *сам по себе*, однако в одном из свидетельств, приведенных Уолцером, он позволяет сделать своему товарищу то, в чем отказывает себе: «делай сам, если хочешь». Это лимит я-центрированного отказа: я не хочу этого делать, но если это сделает кто-то другой, то я не вижу в этом ничего особо предосудительного.

Как перейти от индивидуального к коллективному отказу, то есть к отказу политическому? Первый шаг в этом направлении, несомненно, в вопросе, который Луссу задает своему товарищу: «Я не хочу этого делать, а ты?» «Я тоже не хочу». Вопросительная интонация — это уже призыв к идентификации, к возможной солидаризации в общем отказе. Далее необходимо выяснить, каким образом субъекты, не поставленные в позицию непосредственных акторов вооруженного насилия, могут участвовать в подобном отказе, особенно в ситуации, когда они не вовлечены напрямую, равно как и их становление на субъективном уровне не связано с ним существенным образом. Все зависит от того, что охватывает это «мы» или «сам». Чьей самостью может быть этот «сам»? Каким образом он может быть расширен? Касается ли только меня самого то, что не позволяет мне это сделать, или оно также затрагивает других?

Первый ответ может состоять в том, что в совершение этого акта вовлечена только самость непосредственных акторов, а поскольку их число ограничено или потому, что они — не мы, то какая разница. Это нас не касается. Именно это сегодня говорит Амитай Этциони, столь цинично высказываясь по поводу операций при помощи дронов, комментируя возможность потери самого понимания смысла убийства теми, кого сегодня заставляют это делать, и о проявляющемся у них пугающем безразличии: «Вполне возможно, у этого есть некие устрашающие последствия. Но мы сейчас обсуждаем жалкую сотню пилотов дронов; то, что они ощущают или не ощущают, никак не влияет на целую нацию или руководителей, объявляющих войну»⁴⁸⁰.

Сартр смотрел на это совершенно иначе: «Действительно, нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть... Таким образом, наша ответственность гораздо больше, чем мы могли бы предполагать, так как распространяется на все человечество»⁴⁸¹.

Возможно, Даймонд хотела сказать нечто подобное, отмечая, что в принятии решения стрелять или нет в голого солдата важно становление нашей «общей человечности». Она добавляет: «Это страх, что смысл нашей общей человечности был притуплен войной во Вьетнаме, которая стала причиной стольких конфликтов в нашей стране. Не только потому, что на ней погибли “наши”, не только из-за “отвращения от потерь”, но, возможно и скорее всего, потому, что в это событие было вовлечено становление общей человечности, которая могла быть утрачена»⁴⁸².

Одним из лозунгов, популярных в свое время у части манифестантов, протестовавших против войны во Вьетнаме, был: «Мы не нация убийц». Что отсылало к некоторой идее о том, чем «мы» были, или же, как нам кажется, «мы» хотим быть, или о том, с чем мы точно не хотим ассоциироваться. Точка зрения, которая отвергает государственное насилие, отсылая к сущности конституирующего субъекта, который отождествляется здесь с национальным или народным «мы», вне всякого сомнения, является мощной критической позицией.

В каком-то смысле оно отозвалось эхом в антивоенных движениях, которые в двухтысячные годы сложились в США под лозунгом «not in our name» — не от нашего имени. Эта субъективная позиция конституирующего «мы» («мы, народ...»), которое отказывалось стать соучастником вооруженного насилия, публично выражая недоверие своим руководителям, но в этот раз не в националистической формулировке:

Не от нашего имени
 вы будете вторгаться в другие страны,
 бомбить мирных жителей и все так же убивать детей,
 пока история будет идти своим чередом
 по могилам безымянных усопших ⁴⁸³.

Но два этих лозунга не полностью совпадают, и при всем их мнимом сходстве их различие имеет решающее политическое значение. Потому что в протесте против государственного насилия важно не только то, чем «мы» из-за него становимся, но и тот тип «нас», которое оно предполагает ⁴⁸⁴.

Лозунг «мы не нация убийц» возлагает определяющую идентификацию «нас» на нацию, в режиме сохранения ее подлинной сущности или утверждения заново ее конституирующей идентичности, скорее мифической, чем реальной. Даже в том случае, если приходится в режиме отрицания выдвигать сомнительный тезис, который может быть легко оспорен, если вспомнить, что учреждающее эту нацию событие было связано с геноцидом индейского населения.

«Не от нашего имени» в этом смысле действует прямо противоположным образом: вместо того, чтобы заново утвердить тождество с неким мифическим и заранее заданным «мы», которое противопоставляется «вам» в самом акте разрыва и которое в самом этом разрыве не забывает преемственности истории, течение которой слишком часто шло «по могилам безымянных усопших».

«Пока белые протестовали под плакатами “мы не нация убийц”, афроамериканцы, — пишет историк антивоенного движения, — проводили параллели между убийствами во Вьетнаме

и своим собственным положением. 3 января 1966 года активист борьбы за гражданские права Сэмюэль Янг был убит в Алабаме, когда он попробовал воспользоваться туалетом для белых. В своем коммюнике SNCC (Student Non-violent Coordinating Comitee *) настаивал на том, что это убийство «ничем не отличалось от убийств мирных вьетнамцев, в обоих случаях американское правительство несет большую долю ответственности за эти смерти»⁴⁸⁵. Если война отвергалась движениями за права черных, которые видели в ней «войну белого человека против цветных», то явно не с позиции действующего лица, которое солидаризируется с совершенным им актом, но с другой позиции, с которой это насилие признается и отвергается что там, что здесь: с позиции *мишени*.

* * *

Этот призыв может дать нам сегодня еще один, более глобальный урок для дня сегодняшнего: не забывать, чем «мы» становимся, используя новое оружие, когда им начнут оснащать не только армию, но и государственные силы правопорядка. Мы становимся их потенциальными мишенями.

Как обычно, все начинается с периферии, за рубежом и за пределами наших границ. Летом 2012 года мы могли прочесть в прессе: «Новейшая система наблюдения под названием Kestrel была протестирована в ходе операций, проводившихся на границе США и Мексики»⁴⁸⁶. Это шар-дрон, что-то вроде цеппелина, оборудованного камерами, который «не просто передает операторам изображения в реальном времени, но и сохраняет все события в памяти»⁴⁸⁷. После месяца работы в тестовом режиме пограничная служба объявила о своем намерении приобрести этот аппарат. Руководитель фирмы делает вывод: «Мы полагаем, у нас есть значительный внутренний рынок»⁴⁸⁸. Мы также

* Координационный студенческий комитет против насилия (англ.).

** Federal Aviation Administration — Федеральное управление гражданской авиации (англ.).

узнаем, что американский конгресс дал поручение FAA ** (организации, ответственной за воздушный трафик) интегрировать беспилотные устройства в американское воздушное пространство к 2015 году⁴⁸⁹.

Еще одна вырезка из прессы того же периода: офис шерифа Монтгомери Каунти, что на севере от Хьюстона, штат Техас, объявил о приобретении дрона Shadow Hawk *** и уточнил, что он «рассматривает идею оснастить беспилотное устройство нелетальным оружием, например слезоточивым газом, пластиковыми пулями и средствами типа Taser»⁴⁹⁰.

Маркс называл это сценарием, согласно которому «Война раньше достигла развитых форм, чем мир»⁴⁹¹, то есть некоторые социальные и экономические отношения сначала складываются в военной области, перед тем, как их приспособят и обобщат для повседневного использования в рамках гражданского общества. Армия как центр инноваций, экспериментальная лаборатория новых политических технологий.

Остается выяснить, смогут ли общества, в которых «общественное мнение» не смогло воспрепятствовать использованию подобных технологий на «войнах», ведущихся в другой части света, резко мобилизоваться, чтобы воспрепятствовать распространению полицейских дронов, поняв, что эти процедуры будут применяться по отношению к ним. Необходимо осознать, что это будущее, которое нам обещано, если мы не сможем ему помешать: мобильные вооруженные устройства видеонаблюдения в распоряжении воздушной полиции вашего района.

В крайнем случае остается возможность раздобыть антидроновую одежду, созданную художником Адамом Харви⁴⁹². Изготовленная из специальной ткани с металлическими волокнами, она позволяет, охлаждая силуэт человеческого тела, сделать его практически невидимым для термических камер дронов.

*** Призрачный ястреб (англ.).

- 472 Emilio Lussu, *Sardinian Brigade: A Memoir of World War I*, Grove Press, New-York, 1970, цитируется по: Michael Walzer, *Just and Unjust Wars*, London, Allen Lane, 1977, p. 270.
- 473 Гегель Г. Ф. В. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. М.: Наука, 2000. С. 195.
- 474 Seymour Hersh, “Manhunt”, *New Yorker*, December 23, 2002.
- 475 Кант И. Сочинения. Цит. соч. Т. 4, ч. 2. С. 274.
- 476 Emilio Lussu. Op. cit.
- 477 Cora Diamond, *L’Importance d’etre humain*, PUF, 2011, p. 103.
- 478 Ibid. P. 106.
- 479 Ibid.
- 480 Amitai Etzioni, “The Great Drone Debate”, *National Interest*, October 4, 2011.
- 481 Сартр Ж. П. «Экзистенциализм — это гуманизм» / пер. с фр. А. А. Санина // *Сумерки богов*. М.: Политиздат, 1989. С. 324.
- 482 Cora Diamond, “The Case of the Naked Soldiers”, рукопись.
- 483 Not in Our Name, “Pledge of Resistance”, 2001, www.notinourname.net/index.php?option=com-content&view=article&id=20&Itemid=5
- 484 См.: Judith Butler and Gayatri Chakravorty Spivak, *L’Etat global*, Paris: Payot, 2011, p. 57.
- 485 George N. Katsiaficas, *Vietnam Documents: American and Vietnamese Views of the War*, New York, M. E. Sharpe, 1992, 116.
- 486 Joe Pappalardo, “The Blimps Have Eyes: 24/7 Overhead Surveillance Is Coming”, *Popular Mechanics*, May 17, 2012.
- 487 Ibid.
- 488 Ibid.
- 489 Ibid.
- 490 Hannah Yi, “New Police Surveillance Drones Could Be Armed with Nonlethal Weapons”, *The Daily*, March 12, 2012.
- 491 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1958. Т. 12. С. 735.
- 492 <http://ahprojects.com/projects/stealth-wear>

V-1 перед запуском. 1944 ⁴⁹³

ФАБРИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ АВТОМАТОВ

Только создание армии роботов,
которая полностью устранил человеческий
фактор и позволит человеку уничтожить что-то
простым нажатием кнопки, может изменить
эту фундаментальную зависимость власти от насилия.

Ханна Арендт ⁴⁹⁴

Когда Адорно работал над своими «*Minima moralia*» * в 1944 году, самолеты-снаряды «Фау-1» и «Фау-2», при помощи которых нацисты бомбили Лондон, становятся одним из предметов его рассуждений ⁴⁹⁵. В длинном фрагменте, озаглавленном «вне досягаемости», он писал: «Если бы философия истории Гегеля охватила и нашу эпоху, то эти бомбы-роботы, “Фау-2” Гитлера, заняли бы в ней свое место... наряду с эмпирическими фактами, о которых известно, что они непосредственно и символическим образом выражают государство, которое постиг Мировой дух. Как и сам фашизм, эти роботы запущены на полной скорости и в то же время без всякого субъекта. Как и он, они сочетают техническое совершенство с полной слепотой. Как и он, они порождают смертельный ужас, и совершенно напрасно. “Я видел Мировой дух не на коне, а с крыльями ракеты и без головы” — именно в этом состоит опровержение философии истории Гегеля» ⁴⁹⁶.

Опровержением Гегеля, потому что история стала безголовой, а сам мир утратил свой дух. Механика одолела телеологию. Субъект исчез. В самолете больше нет пилота, а оружие больше не является сущностью человека.

Но буквально через несколько строчек Адорно добавляет к первому утверждению важнейший диалектический нюанс. Подчеркнув, что в этом вооруженном насилии без боя противнику отныне отводится роль «пациента или трупа», к которому смерть применяется в форме «административных и технических мер», он добавляет: «Вместе с чем-то поистине дьявольским в самом факте того, что, в определенном смысле, отныне

* Моральные фрагменты (лат.).

требуется больше инициативы, чем в классической войне, и требуется, так сказать, вся энергия субъекта для того, чтобы никакого субъекта больше не было»⁴⁹⁷.

Оружие само по себе становится единственным явным актором насилия, средством которого оно является: этот кошмар уже вырисовывается на горизонте. Но перед тем, как в очередной раз провозгласить смерть субъекта, необходимо немного остановиться на этом рассуждении о вдохновлявших Адорно самолетах-призраках, которые запускал угасающий Третий рейх: *требуется вся энергии субъекта, чтобы никакого субъекта больше не было.*

Политическая ошибка заключается в нашей вере в то, что автоматизация сама по себе является чем-то автоматическим. Организовать свертывание политической субъективности становится основной задачей самой этой субъективности. В этом мире доминирования, которое осуществляется путем конверсии его приказов в программы и превращения его агентов в автоматы, власть, какой бы удаленной она ни была, становится неуловимой.

Где находится субъект этой власти? Этот вопрос сегодня становится навязчивым, если мы берем за основу неолиберализм или постмодернизм. Фраза Адорно дает нам хорошую подсказку, где можно ее найти: она, возможно, везде или же активно работает над тем, чтобы ее забыли. Именно эта напряженная активность в процессе самоустранения обозначает ее точнее всего. Вся эта субъективная суэта, которая требует огромных усилий и инвестиций, для того чтобы запутать следы, стереть отпечатки, ловко скрыть всякий видимый субъект действия, чтобы превратить его в чистую функциональность, в некое подобие явления природы, обладающее своего рода неотвратимостью и лишь слегка подправляемое системными администраторами, которые время от времени исправляют баги, осуществляют обновление и регулируют доступ.

Министерство обороны США предполагает «постепенно уменьшать долю управления, зависящую от человеческих решений» в том, что касается управления дронами⁴⁹⁸. Если в первое время планируется перейти к «управляемой автономии», то в долгосрочной перспективе строятся виды на автономию

полную. Таким образом, человеческие акторы не будут задействованы ни *внутри*, ни *около*, они окажутся полностью вне цикла. Это перспектива «роботов, способных использовать летальную силу без контроля или вмешательства человека»⁴⁹⁹.

Специалист по робототехнике Рональд Аткин сегодня является одним из самых активных сторонников этой «роботизированной летальной автономии»⁵⁰⁰. Его главный аргумент также «этического» порядка: роботы-солдаты «будут потенциально способны действовать более этическим образом на поле боя по сравнению с солдатами-людьми»⁵⁰¹. И даже лучше: они смогут «вести себя более гуманным образом, чем человеческие существа в сложных обстоятельствах»⁵⁰².

«Лично я надеюсь, признается он, чтобы как-то оправдать свои исследования, что мы никогда не будем в них нуждаться, ни сегодня, ни завтра. Но порыв, который заставляет людей вести войну, кажется слишком ошеломляющим и неизбежным». Увы, если войны нельзя избежать, то хотя бы попробуем сделать ее более этичной, вооружившись нашими технологиями.

Действительно, если нам это удастся, то «мы совершим выдающийся гуманитарный прорыв»⁵⁰³. Ну еще бы...

Но почему роботы-солдаты могут «действовать на поле боя более этическим образом по сравнению с солдатами-людьми?»

⁵⁰⁴ По целому ряду причин, в основном за счет своей «точности», но главным образом потому, что их можно запрограммировать для соблюдения законов.

Эти роботы будут оснащены тем, что он называет «нравственным управлением», то есть чем-то вроде «искусственной “совести”» или машинным сверх-Я⁵⁰⁵. Летальное действие будет предлагаться другой программой, но эта программа принятия решений пропустит ее через фильтр законов войны, переведенных на язык деонтической логики, чтобы «удостовериться в том, что оно является этически допустимым действием»⁵⁰⁶.

У этих роботов не будет ни эмоций, ни страстей, которые могут помешать им принять решение, они будут применять эти правила буквально как хладнокровные убийцы. Именно потому, что они не будут «демонстрировать ни страха, ни гнева, ни чувства мести»⁵⁰⁷, ведь они лишены этих важнейших человеческих качеств, которые называются *аффектами*, эти машины,

предположительно, будут человечнее человека, то есть более этичными. Для реализации этой аутентичной человечности необходимо избавиться от человеческих существ.

Ликвидировать их.

Но эти парадоксальные рассуждения кажутся абсурдными лишь на первый взгляд. Чтобы их понять, мы должны проследить, как они обыгрывают разные значения понятия «человечность», слова, которым принято обозначать как минимум две вещи: с одной стороны, человеческие существа, их сущность, с другой — норму поведения, сам факт «человечного» поведения. Смысл онтологический и смысл аксиологический. Сама возможность гуманизма заключается в этом семантическом разрыве, который, как ни странно, призывает людей быть людьми, то есть приспособить реальность определенных форм нравственного поведения к его идеалу. Но поскольку конститутивным действием философского гуманизма является установление жесткой зависимости между этими двумя смыслами, робоэтический постгуманизм принимает в расчет их несогласованность, оперируя их реальным расхождением. Если люди иногда могут действовать бесчеловечно, то почему нелюди не могут стать человечнее их, то есть лучше соответствовать нормативным принципам, определяющим, что значит поступать «человечно»? Аксиологическая человечность может стать свойством нечеловеческих акторов, ведь этих «искусственных моральных акторов» всего лишь нужно запрограммировать для следования *хорошим* правилам. Пока что все (практически) безупречно. Все становится куда серьезнее, когда рассматриваемое действие является человекоубийством. Странники летальной робоэтики по сути говорят: не важно, что теперь *машины* решают, убивать им *людей* или нет. Поскольку они убивают их человечно, то есть в соответствии с принципом международного гуманитарного права, которое регулирует применение военной силы, никаких проблем нет. Но в чем именно проблема? С точки зрения философии права можно обозначить две крайне важные и на самом деле нерешаемые проблемы.

Во-первых, наделить механических агентов правом на убийство, которым взаимно наделены во время войны комбатанты, приравнивает убийство к разрушению бездушной вещи,

что приводит к радикальному отрицанию человеческого достоинства. Право, принимающее в расчет подобные случаи, может привести к появлению третьего смысла человечности, который наложит запрет на использование подобного оружия, признав *человеческий род* объектом защиты высшего порядка.

Во-вторых, действующее ныне право военных конфликтов, фокусируясь на *использовании* оружия⁵⁰⁸, устанавливает возможность реального различия между оружием, которое рассматривается как вещь, и комбатантом, который рассматривается как использующее его лицо, несущее за него ответственность. Но летальный робот подрывает основы этой имплицитной онтологии права. Это непредвиденный случай вещи, которая использует сама себя. Оружие и комбатант, инструмент и актер, вещь и личность любопытным образом сливаются в единую сущность, не имеющую статуса.

Эта проблема проявляется прежде всего в кризисе юридических категорий: могут ли некоторые вещи рассматриваться в качестве личностей? Но она также приводит, в чисто практическом смысле, к радикальному кризису *применимости* права. Все вертится вокруг вопроса ответственности, а через него — вокруг самой возможности дистрибутивной справедливости, связанной с правом войны.

Робот совершает военное преступление. Кто за это ответит? Генерал, который его отправил? Государство, которое им владеет? Компьютерщики, которые его запрограммировали? Промышленник, который его построил? Обитатели этого тесного мирка, скорее всего, будут переводить стрелки друг на друга. Военачальник всегда может сказать, что он не отдавал приказа роботу и в любом случае его больше не контролировал. Государство — собственник машины, в его юридическом статусе «хранителя имущества», несомненно, будет нести часть ответственности, но оно сможет, сославшись на то, что ущерб связан с дефектом производства, переложить ее на промышленника, который в свою очередь попытается свалить все на программистов в случае обвинения в причинении ущерба третьему лицу. Останется только сам робот: в этом случае придется сажать в тюрьму машину, приписать ему человеческие мотивы поведения и после процесса казнить в общественном месте, подобно

преступной свинье, приговоренной к смерти за убийство ребенка в 1386 году в деревне Кальвадос⁵⁰⁹. В чем, конечно же, будет не больше смысла, чем бить и оскорблять мебель, о которую мы ударились, чтобы отбить у нее желание повторить нечто подобное.

Если коротко, то мы получим целый набор ответственных и безответственных лиц, которым будет крайне сложно приписать авторство убийства. Больше никто не будет нажимать на кнопку, нужно будет отыскать в хитросплетениях — как юридических кодексов, так и программных кодов — *ускользающий субъект*.

Парадокс в том, что вместе с подобной автономизацией летальных решений единственным человеческим актором, который может быть непосредственно идентифицирован в качестве действующей причины смерти, будет сама человеческая жертва, имевшая несчастье неуместными движениями своего тела, как это уже происходит с противопехотными минами, запустить автоматизированный механизм своего уничтожения.

Исчезнет не просто установление персональной ответственности, а она сама: будучи распределенной по обезглавленной сети множественных акторов, она постепенно утратит свою квалификацию, из намеренного став ненамеренным, из военного преступления — военно-промышленным инцидентом. Почти как в случае «мусорных облигаций», которые умышленно производятся в финансовой сфере, становится крайне сложно понять, кто кому и что должен. Этот типичный диспозитив *фабрики по производству безответственности*.

Но зачем так переживать из-за поиска действительно виновных, хором спрашивают специалисты по роботике, если преступление таким образом будет невозможным? Каким бы странным ни казалось подобное возражение, необходимо оценить весь масштаб проекта, с которым оно связано. Здесь важен именно *способ имплементации юридической нормы*. Чтобы соблюдать ограничения скорости, предусмотренные правилами дорожного движения, можно либо установить штрафы и поставить повсюду радары, либо поставить ограничители скорости в каждую машину. Это два совершенно различных способа совместить норму с определенной инстанцией:

текст-санкция или интегрированный технический контроль. Или определить право и накладывать санкции апостериори, или же «инкорпорировать этические и правовые нормы непосредственно при разработке оружия»⁵¹⁰. Но дальше этого аналогия не идет, так как в случае с роботом-убийцей, без какого бы то ни было водителя на борту, больше не будет никого, кто будет прямо за него ответственен, то есть того, кого можно было бы обвинить в случае происшествия.

Это прекрасно известно сторонникам «warbots», или боевых роботов. Но они уже сделали свой выбор между международным уголовным судом и этичными роботами-убийцами. Потому что (внимание!), добавляют они, только высочайшая «преданность идее индивидуальной уголовной ответственности в качестве предохранительного механизма может остановить разработку устройств, которые могли бы, в случае успеха, существенно снизить потери гражданского населения»⁵¹¹. Если сам закон обещает стать машиной, человеческое правосудие может исчезнуть.

Но к этому стоит добавить следующее: их утверждение о том, что возможно интегрировать закон в «сам принцип разработки оружия», — это чудовищное злоупотребление языком. Все, что могут сделать специалисты по робоэтике, это внедрить некоторые правила при разработке определенных *программ*, которые, разумеется, всегда могут быть деинсталлированы или изменены. Если вы легко можете проделать это со своим компьютером, то уж поверьте, на это способна любая армия в мире. Дискуссионная операция на самом деле заключается в том, чтобы оправдать разработку крайне опасного *hardware* * с перспективой благотельного *software* **, которое идет с ним в комплекте. Поздравляем: купив машину (или, точнее, робот-танк), вы выиграли замечательный брелок.

Это типичный механизм «Троянского коня»: ради создания в будущем этичных роботов-убийц согласиться на разработку роботов-убийц как таковых. Притом что их сторонникам прекрасно известно, что общественное «мнение» до сих пор

* Аппаратное обеспечение (англ.).

** Программное обеспечение (англ.).

отвергает их за явным большинством. Представляя процесс автоматизации чем-то автоматическим, неизбежным и щедро предлагая избежать возможных крайностей, Аркин и те, кто ему поддакивают, скрывают тот факт, что они являются активнейшими действующими лицами этого процесса⁵¹², и всячески его ускоряют, подыскивая ему оправдания, в которых он пока еще нуждается для достижения успеха. Чем шире распространяется миф об этичном роботе, тем меньше становится нравственных ограничений для использования роботов-убийц. Забывая при этом, что самый надежный способ предотвратить преступления, которые киборги совершат завтра, это убить их в зародыше сегодня, пока для этого еще есть время⁵¹³.

Лос-Анджелес, 2029 год. Над руинами города в иссиня-черной ночи флуоресцентные вспышки озаряют небо. На землю падает ниц человеческий комбатант, сраженный лазером робота-самолета. Гусеницы призрачного танка переезжают груды человеческих черепов. Это знаменитая сцена из «войны машин, направленной на истребление человечества», которой открывается «Терминатор» Джеймса Кэмерона, один из первых фильмов, в котором мельком появляется дрон, в 1984 году еще как атрибут научной фантастики.

Все утопии и дистопии структурируются при помощи одной и той же фундаментальной и упрощенной схемы: через парный термин человек/машина. Механизм либо представляется в виде сервильного приложения к человеческому суверену, либо, напротив, машина, добившись автономии, больше не подчиняется контролю своих старых хозяев и восстает против них, как в сценарии «Терминатора».

В подобных историях, изначально представляющих дистанционного оператора или пилота как всемогущего актора, предсказано его грядущее поражение. Человек вскоре утратит свое господствующее положение. Дроны станут роботами. Этот переход к полному автоматизму, добавляется при этом, вписан в сценарий диспозитива, необходимого для его развития: «в отдаленной перспективе любой шаг в сторону дистанционного управления означает шаг в сторону роботов», предсказывал Марвин Минский в 1980 году⁵¹⁴. За изначальным субъекто-

центризмом следует предсказуемая смерть субъекта, который, как принято считать, потеряет все что имел, а самое главное — контроль. В этом парадоксальность данной модели: будучи радикально антропоцентричной в своем начале, она оказывается затронута постепенным преобразованием, которое заканчивается гарантированным исключением человеческого субъекта. Но обе эти точки зрения одинаково неверны.

Вальтер Беньямин, анализируя в свое время положение пилота бомбардировщика, предлагал более реалистичный подход к первой ситуации:

«Один пилот самолета с газовыми бомбами обладает на войне такой же властью лишать людей света, воздуха и жизни, которая в мирное время поделена между тысячами чиновников. Там, где скромный командир бомбардировщика действует в своем высоком, небесном уединении по поручению тяжело-большого шефа — государства»⁵¹⁵. Чтобы понять, каким типом актора является пилот, необходимо мыслить его в отношении, которое он поддерживает с другим типом машины: не с самолетом, а с государственным аппаратом, концентрированным выражением силы которого он в этот момент является, хотя и подчиняясь принципу субординации. Притом что он располагает ограниченной свободой маневра, пилот лишь на первый взгляд является одиночкой и всемогущей личностью, которая предстает в образе «человека — повелителя машины». На самом же деле он является не чем иным, как фетишизированным воплощением бюрократической машины современного государства, его временным сгустком в одной точке, одной руке или большом пальце. Именно этот процесс позволяет технически завершить дронизация боевого самолета, устранив еще одно крайне несовершенное звено, связывающее государственный аппарат с его боевыми машинами.

В своей книге «Wired for war» * Питер Сингер описывает следующую сцену: четырехзвездный американский генерал проводит часы в своем кабинете, просматривая изображения, передаваемые дроном Predator, перед тем как снять трубку и отдать личный приказ открыть огонь, уточняя при этом, какой

* Подключенные к войне (англ.).

именно тип бомб должен использовать пилот для нанесения удара. Это пример полной потери координации уровней командования, когда стратег вмешивается в самый нижний уровень принятия тактических решений⁵¹⁶. Сингер предостерегает от подобного смешения ролей из соображений военной эффективности. Его урок в любом случае ясен: пока теоретики «сетевых войн» полагали, что новые технологии позволят произвести определенную децентрализацию управления «на практике, опыт применения беспилотных устройств свидетельствует об обратном»⁵¹⁷.

Не столько «человек» как таковой утрачивает контроль в пользу «машины», сколько операторы в более низких чинах (все более) утрачивают свою автономию в пользу представителей высших эшелонов военной иерархии. Полная роботизация скорее усилит эту тенденцию централизации принятия решений, хотя и не столь явным образом, куда более экономичным, но от этого не менее гипертрофированным.

Как объясняет специалист по робототехнике Ноэль Шарки (который как раз является убежденным противником подобных программ), программное обеспечение, отвечающее за принятие решений «этичным роботом», должно в обязательном порядке, помимо содержащихся в нем правил, подобно всякой программе, получать *спецификации*⁵¹⁸. Перевести императив «целиться только в легитимные мишени» в строчки программного кода будет совершенно бессмысленной операцией, если в спецификации не указано, чем является этот изменяющийся «target»*. Схожим образом можно попытаться запрограммировать формализованное выражение принципа пропорциональности (успехов)⁵¹⁹, но необходимо будет специфицировать для программы значение, прямое или косвенное, порога приемлемых пропорций потерь гражданского населения и достигнутых военных успехов. Одним словом, параметры решения должны быть специфицированы, и эта спецификация не выполняется самой программой. Что потребует также решения о параметрах решения, то есть *решения о решении*.

Централизация командования, даже если она будет выражаться в спецификациях для определенных программ, а не в приказах,

* Мишень (англ.).

приобретет несоразмерные пропорции, потому что изменение значения единственной переменной величины позволяет, за счет одного *решения о решении*, фиксирующего параметры всех автоматически принимаемых решений в данном сегменте, раз и навсегда определить ход неисчислимого множества будущих действий. Зафиксировать значение спецификации определенной программы будет означать подписание бесконечно воспроизводимого смертного приговора, причем куда более эффективным и централизованным образом, чем в случае совокупности отдельных приказов.

Современные армии уже используют программное обеспечение, которое должно помочь им лучше соответствовать требованиям права войны и тем самым сделать их более «этичными». Из чего можно предположить, каким образом на практике могут быть закреплены соответствующие ценности: «С самых первых дней вторжения в Ирак они запустили программы. Они называли это программой “раздавленной козявки” (“bug-splat”). Эта программа оценивала, какое количество гражданских лиц будет убито при данном авианалете. Результаты, представленные генералу Томми Фрэнксу, указывали, что двадцать две запланированные бомбардировки повлекут за собой высокое число тех, кого они называли раздавленными козявками — или около тридцати убитых гражданских в ходе каждой атаки. Фрэнкс сказал: “Вперед, парни, мы сделаем это все двадцать два раза”»⁵²⁰.

Жестокость военных в данном случае не является, как утверждал Аркин, следствием ошибок и злоупотреблений низших чинов, рядовых солдат, которых вводит в заблуждение туман войны или охватывает пыл боя. Эта жестокость изначально не является чем-то драматическим. Она состоит всего лишь в том, чтобы установить приемлемое значение переменной величины. Каково будет значение, соответствующее переменной величине «Minimum Carnage»^{***}? Неизвестно. Больше тридцати убитых гражданских. О’кей. Но это незначительное решение о решении, которое заключается в одном слове или нажатии на клавишу, имеет самые разнообразные последствия, при этом очень конкретные, и даже чересчур конкретные.

** Ограниченная бойня (англ.).

Как ни странно, это все еще может кого-то удивить: самое страшное преступление состоит не в открытом нарушении закона, а в отступлениях от его суверенного применения. Обыденная военная жестокость пребывает *в своем праве*, спокойно в нем устроившись за непробиваемым словесным щитом. Без крайней необходимости она никогда из-за него не показывается. Формы современной военной жестокости в массе своей являются легальными. Они функционируют скорее *в качестве правила*, а не в качестве исключения. Если они все же являются исключением, то не из-за приостановки действия закона, но скорее из-за его спецификации или уточнения в соответствии с их интересами, до тех пор, пока он не сдается практически без боя. Эта жестокость формалистична, хладнокровна, технологически рациональна и подчинена расчетам, той разновидности расчетов, которая должна сделать весьма этичными роботозубийц будущего.

Когда июльское восстание 1830 года достигло своего апогея и становилось понятно, что населению Парижа удастся сбросить режим, герцог Ангулемский обратился к своему помощнику со следующими словами:

«— Уничтожьте баррикады.

— Сударь, на них восставшие, а они сопротивляются.

— Прикажите национальной гвардии стрелять в повстанцев.

— Сударь, национальная гвардия отказывается стрелять.

— Она отказывается! Это бунт, прикажите войскам стрелять по национальной гвардии.

— Но войска отказываются стрелять по национальной гвардии.

— Тогда стреляйте по войскам⁵²¹».

Но, разумеется, уже не оставалось никого, кто мог бы это сделать...

В 2003 году, когда фирма Northrop Grumman представила военным прототип своего боевого дрона X-47A, один из офицеров в сердцах воскликнул: «По крайней мере, этот самолет не будет мной командовать»⁵²².

Вопреки тому, что предполагали научно-фантастические сценарии, опасность не в том, что роботы перестанут

подчиняться; все как раз наоборот: они никогда не выйдут из подчинения.

Потому что в ряду человеческих слабостей, которые роботы призваны устранить, есть одна, о которой забыл упомянуть Аркин: способность быть непокорным⁵²³. Роботы, конечно, сбоят и выходят из строя, но они не артачатся. Роботизация солдата, которая ошибочно считается фактором повышения его этичности (но при этом верно, что новое определение «этики» через способность механически подчиняться правилам означает, что она станет синонимом дисциплины и самой тупой покорности), на самом деле является наиболее радикальным решением старой проблемы отсутствия дисциплины в армии. Покончить с самой возможностью неподчинения. Сделать непокорность невозможной. Даже рискуя таким образом упразднить, одновременно с возможностью злоупотреблений, основной фактор внесудебного ограничения вооруженного насилия — критическое сознание акторов⁵²⁴.

Проблема не в том, человек или «машина» обладает контролем. Это необоснованная формулировка. Реальный смысл заключается в материальной и политической автономизации этой «группы вооруженных людей», которая и является государственным аппаратом.

* * *

Теории порой замечательно описываются при помощи единственной иллюстрации. На фронтисписе «Левиафана» изображен гигант, торс которого возвышается над страной. Мы узнаем все классические атрибуты суверена: меч, корону, скипетр. Но внимание привлекает скорее его облачение. Кольчуга, в которую он облачен, да и само его тело, сотканы из крохотных человеческих тел. Государство — это артефакт, машина, даже «машина машин», но составляющие ее детали — не что иное, как живые тела его подданных.

Загадка суверенитета, его содержания, но также и его возможного распада кроется в материале, из которого он построен: из чего сделано государство?

Фронтиспис «Левифана». 1651. Фрагмент

То, что сделал Гоббс, Ла Бозси хотел разрушить, причем тем же самым способом, потому что повелитель, который вас угнетает и «за которого вы бесстрашно идете на войну, за величие которого вы не отказываетесь идти на смерть... Откуда взял бы он столько глаз, чтобы следить за вами, если бы вы сами не давали их ему? Где бы он достал столько рук, чтобы бить вас, если бы он не брал их у вас же?»⁵²⁵ В этом состояло базовое материальное противоречие: если тело государства состоит исключительно из наших тел, мы всегда можем от него избавиться.

Именно по этой причине, объясняет Арендт, из-за этой фундаментальной телесной зависимости, власть государства — даже в самых авторитарных режимах — должна, несмотря ни на что, быть *властью*, а не чистым *насилием*⁵²⁶. Без тела нет власти. Но, как она полагала, в определенном смысле верно и обратное: без мобилизации тел власти больше нет.

Иное время, иные образы. В 1924 году научно-популярный журнал сообщал о новом изобретении — радиоуправляемом полицейском автомате. Робокopf ревуших двадцатых должен был быть оснащен глазами-проекторами, ногами на танковых гусеницах, а в качестве кулаков — вращающимися полицейскими дубинками по образцу средневекового оружия.

Небольшой металлический пенис внизу живота позволял ему распрыскать слезоточивый газ на беспорядочно бегущих манифестантов. Вместо ануса — паровыпускная кнопка. Этот потешный робот, писающий слезоточивым газом и пукающий столбами черного дыма, избивая при этом толпу, замечательно иллюстрирует наше государство-дрон.

Разница между двумя этими образами выражает смысл политики дронизации и роботизации железных рук государства. Его мечта — получить силу без тела, политическое тело без человеческих органов — где старые тела призванных на службу подданных были бы заменены механическими орудиями, которые в идеале стали бы его единственными актерами.

Государственный аппарат, таким образом, действительно превращается в *аппарат*, получая наконец тело, соответствующее его сущности: холодное тело самого холодного из чудовищ.

Оно наконец реализует техническими средствами свое главное устремление — стать государством, ведь, как писал Энгельс, «и эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»⁵²⁷. Но когда оно доберется до этого этапа, то, возможно, ему суждено оказаться на свалке подобно куску старого металлолома.

493 Lysiak, “Marschflugkorper VI vor Start”, Bundesarchiv Bild 146-1973-029A-24A

494 Hannah Arendt, *Du mensonge à la violence*, Calmann-Levy, Paris, 1989, p. 151. О выражении «политические автоматы» см.: “Et vous trouvez ça drone ?”, p. 141, Z, n 2, Marseille, automne 2009, p. 141.

495 Эти беспилотные аппараты не имели радиоуправления, они были механически запрограммированы на падение на поверхность после того, как преодолеют определенное расстояние. Фау — «V» в их названии являлось сокращением от *Vergeltungswaffen* — «оружие возмездия».

496 Theodor Adorno, *Minima moralia*, Payot, Paris, 2008, p. 72–73.

497 Ibid. P. 73.

498 The Unmanned Systems Integrated Roadmap FY 2011-2036, p. 14.

499 Gary E. Marchant, Braden Allenby, Ronald Arkin, Edward T. Barrett, Jason Borenstein, Lyn M. Gaudet, Orde Kittrie, Patrick Lin, George R. Lucas, Richard O’Meara, Jared Silberman, “International Governance of Autonomous Military Robots”, *Columbia Science and Technology Law Review*, vol. 12, 2011, p. 272–315, 273. Корейский робот SGR-1 является сегодня одним из предшественников этих машин будущего. Расположенные на границе между двумя Кореями,

в демилитаризованной зоне, эти стационарные роботы могут обнаружить присутствие человека за счет своих датчиков (камер, но также детекторов движения и тепловизоров), прицелиться в определенное лицо и, в случае авторизации оператора, открыть огонь из пушки или автоматического гранатомета.

500 “Lethal autonomous robotics” (LAR). «Автономный» в данном случае значит, что платформа способна принимать решение сама, без участия человека.

501 Ronald Arkin, “The Case for Ethical Autonomy in Unmanned Systems”, 2010, hdl.handle.net/1853/36516

502 Ronald Arkin, “Ethical Robots in Warfare”, *Technology and Society Magazine* 28, no. 1 (Spring 2009): 30.

503 Ronald Arkin, “Governing Lethal Behavior: Embedding Ethics in a Hybrid Deliberative/Reactive Robot Architecture” (2007), 98, hdl.handle.net/1853/22715

504 Arkin, “Ethical Robots in Warfare”.

505 Ronald Arkin, “An Ethical Basis for Autonomous System Deployment, Proposal 50397-CI, Final Report”, 2009.

506 Ronald Arkin, Patrick Ulam, and Brittany Duncan, *An Ethical Governor for Constraining Lethal Action in an Autonomous System*, Technical Report GIT-GVU-09-02, 2009.

507 Arkin, “Ethical Robots in Warfare”.

508 См.: Vivek Kanwar, “Post-Human Humanitarian Law: The Law of War in the Age of Robotic Warfare”, *Harvard Journal of National Security* 2 (2011).

509 См.: Michel Pastoureau, *Une histoire symbolique du Moyen Age occidental*, Paris, Seuil, 2004, p. 33.

510 Kenneth Anderson and Matthew Waxman, “Law and Ethics for Robot Soldiers”, *Policy Review*, no. 176 (December 2012).

511 Ibid.

512 Рональд Аткин годами трудился над их разработкой благодаря щедрой финансовой поддержке военно-промышленного комплекса, включая DARPA, армию США, Savannah River Technology Center, Honda R&D, Samsung, CS Draper Laboratory, SAIC, NAVAIR, а также Бюро военно-морских исследований (Office of Naval Research), www.cc.gatech.edu/-arkin

513 В сентябре 2009 года физик Юрген Альтман, философ Питер Асаро, специалист по робототехнике Ноэль Шарки и философ Роберт Спароу организовали Международный комитет по контролю за роботизированным оружием (International Committee for the control of robotic weapons, the Committee for Robot Arms Control, ICRAC), который призывает к запрету роботизированных убийц. Его сайт: icrac.net

514 Marvin Minsky, “Telepresence”, *Omni*, June 1980, 204.

515 *Беньямин В. Маски времени.*

Цит. соч. С. 374.

516 Эндрю Кокбёрн также сообщает о чем-то подобном (Буш, лично отдавший приказ открыть огонь по конвою машин, следующему в Кандагар), отмечая, что прямая видеотрансляция дает политическим лидерам «невероятное и совершенно иллюзорное ощущение непосредственного контроля». Andrew Cockburn, “Drones, Baby, Drones”, *London Review of Books*, March 8, 2012, 15.

517 Peter W. Singer, *Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century*, New York, Penguin, 2009, 34.

518 Noel Sharkey, “Killing Made Easy: From Joystick to Politics”, цитируется по: *Robot Ethics: The Ethical and Social Implications of Robotics*, ed. Patrick Lin, Keith Abney, and George A. Bekey, (Cambridge, MA: MIT Press, 2012), 123.

519 Хотя закон о вооруженных конфликтах определяет принцип пропорциональности как правильное соотношение между предполагаемыми сопутствующими потерями и масштабом ожидаемых военных успехов, он не предлагает никакой шкалы или единицы измерения. Как отмечает Шарки: «Нет никаких известных способов объективно измерить бесцельное, чрезмерное или диспропорциональное страдание. Для этого требуется суждение, вынесенное

человеком. Ни один закон войны не предлагает объективного способа расчета, что значит быть пропорциональным» (Sharkey, “Killing Made Easy”). Подчинять принцип пропорциональности расчетам — все равно что складывать вместе яблоки и груши, не имея способа их распознать. Каким образом соотносится определенное число потерь среди гражданских лиц с ожидаемым военным успехом? Что за общая единица расчета может быть применена в данном случае? При этом, как показал Эяль Вайцман, подобные расчеты, столь же необходимые, сколь и невозможные, служат исключительно для оправдания смертей, причем выполняют эту функцию явочным порядком. См.: Eyal Weizman, *The Least of All Possible Evils: Humanitarian Violence from Arendt to Gaza*, London, Verso, 2012, p. 12ff.

520 Allan Nairn, цитируется по: Robert C. Koehler, “‘Bugsplat’: The Civilian Toll of War”, *Baltimore Sun*, January 1, 2012. См. также: Bradley Graham, “‘Bugsplat’ Computer Program Aims to Limit Civilian Deaths at Targets”, *Washington Post*, February 26, 2003.

521 Ferdinand d’Esterno, *Des privilégiés de l’ancien régime en France et des privilégiés du nouveau*, vol. II, Paris: Guillaumin, 1868, p. 69.

522 Matthew Brzezinski, “The Unmanned Army”, *New York Times Magazine*, April 20, 2003.

523 В одном из своих интервью Аркин предвидит подобное возражение: «Они не всегда будут следовать приказам. У робота должна быть возможность отказать в выполнении приказа, если он будет расцениваться как неэтичный», то есть как не соответствующий *jus in bello*, заложенному в его программное обеспечение. Однако солдаты из приведенного нами примера отказываются стрелять в оставших не потому, что они преданно следуют закону военных конфликтов. Они не хотят ассоциировать себя с властью, отдающей приказы, не из-за формы, а из-за содержания, то есть из-за их политического смысла. Тогда как роботы определенно на это не способны. Sofia Karlsson, “Ethical Machines in War: An Interview with Ronald Arkin”, owni.eu/2011/04/25/ethical-machines-in-war-an-interview-with-ronald-arkin

524 Это одна из причин озабоченности авторов недавнего доклада: «Устраняя вовлеченность

человека в решение о применении летальной силы в ходе военного конфликта, полностью автономное оружие также поставит под вопрос иные, экстралегальные способы защиты населения. Во-первых, роботы не будут наделены человеческими эмоциями и способностью к состраданию... Поэтому лишённые эмоций роботы могут служить орудием диктаторов, которые захотят сломить сопротивление своего народа, не опасаясь, что их собственные войска выступят против них... Эмоции не всегда приводят к беспричинному убийству». Human Rights Watch, *Losing Humanity: The Case Against Killer Robots*, November 2012, 4.

525 *Ла Бозси, Э.* Рассуждение о добровольном рабстве / пер. с фр. Ф. А. Коган-Бернштейн. М.: Изд-во Академии наук, 1952. С. 13.

526 Arendt. Op. cit. P. 151.

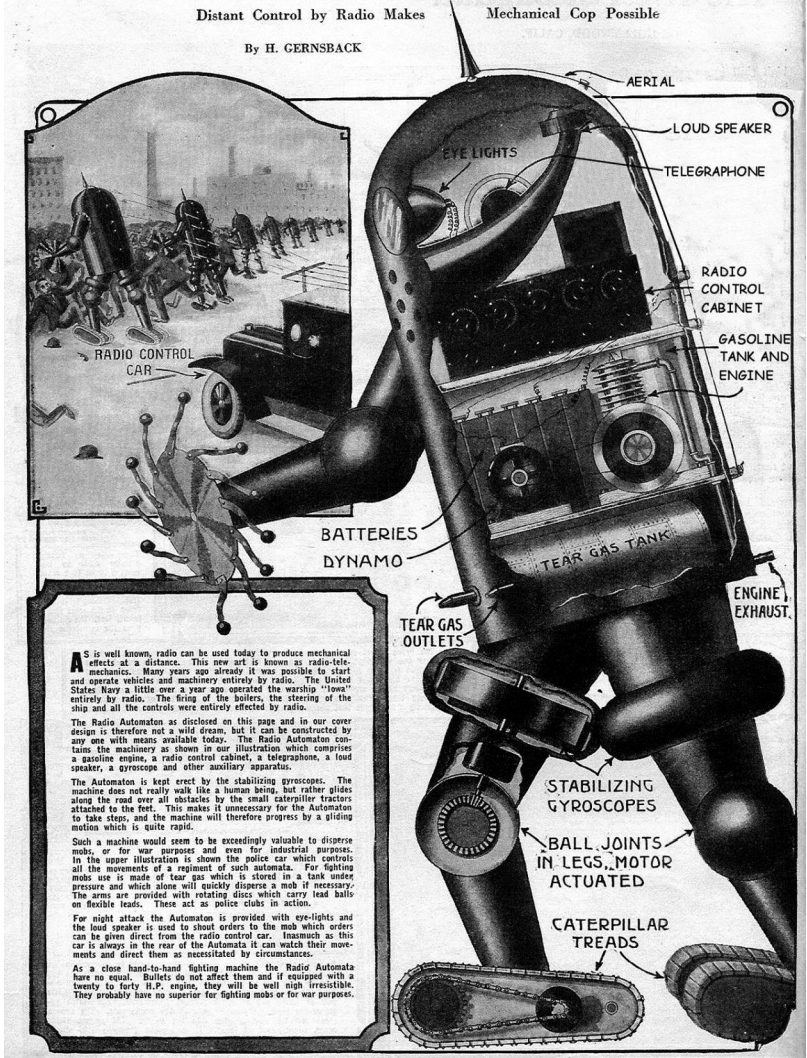
527 *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Цит. соч. Т. 21, С. 170.

Radio Police Automaton

Distant Control by Radio Makes Mechanical Cop Possible

By H. GERNSBACK

AS is well known, radio can be used today to produce mechanical effects at a distance. This new art is known as radio-telemechanics. Many years ago already it was possible to start and operate vehicles and machinery entirely by radio. The United States Navy a little over a year ago operated the warship "Iowa" entirely by radio. The firing of the boilers, the steering of the ship and all the controls were entirely effected by radio.

The Radio Automaton as disclosed on this page and in our cover design is therefore not a wild dream, but it can be constructed by any one with means available today. The Radio Automaton contains the machinery as shown in our illustration which comprises a gasoline engine, a radio control cabinet, a telegraphone, a loud speaker, a gyroscope and other auxiliary apparatus.

The Automaton is kept erect by the stabilizing gyroscopes. The machine does not really walk like a human being, but rather glides along the road over all obstacles by the small caterpillar tractors attached to the feet. This makes it unnecessary for the Automaton to take steps, and the machine will therefore progress by a gliding motion which is quite rapid.

Such a machine would seem to be exceedingly valuable to disperse mobs, or for war purposes and even for industrial purposes. In the upper illustration is shown the police car which controls all the movements of a regiment of such automata. For fighting mobs use is made of tear gas which is stored in a tank under pressure and which alone will quickly disperse a mob if necessary. The arms are provided with rotating discs which carry lead balls on flexible leads. These act as police clubs in action.

For night attack the Automaton is provided with eye-lights and the loud speaker is used to shout orders to the mob which orders can be given direct from the radio control car. Inasmuch as this car is always in the rear of the Automata it can watch their movements and direct them as necessitated by circumstances.

As a close hand-to-hand fighting machine the Radio Automata have no equal. Bullets do not affect them and if equipped with a twenty to forty H.P. engine, they will be well nigh irresistible. They probably have no superior for fighting mobs or for war purposes.

«Радиуправление делает возможным создание механического полицейского». 1924 528

ЭПИЛОГ

О ДИСТАНЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Текст, который вы прочтете, датирован 1973 годом. В это время американская армия начинала делать выводы из уроков Вьетнама и приступила к работе над проектами боевых дронов. Молодые ученые, участвовавшие в антивоенном движении, выпускали скромный журнал *Science for the people* *. Им было известно о программах экспериментальных военных разработок. Они по горячим следам написали статью, предупреждая о возможной опасности:

«Подобно тому, как воздушная война заменила войну наземную, новый тип войны придет на смену войне воздушной... Назовем ее *дистанционной войной*... Дистанционная война базируется на фундаментальном принципе *систем дистанционного пилотирования*... аппарат, расположенный на определенной дистанции, получает информацию за счет приемных устройств на борту... Для человеческих тел, возможности которых ограничены, даже если они вооружены, всякая защита против подобных устройств становится невозможной, ведь их ограничения исключительно механические. Дистанционная война — это война человеческих машин против человеческого тела. Как если бы человеческий дух переселился в машины, чтобы уничтожить человеческое тело... Тогда как одна из враждующих сторон теряет людей из плоти и крови, другая теряет только свои игрушки. Первым не остается ничего, кроме как стрелять и умирать, ведь игрушки не умирают...

Экономические и психологические характеристики определяет тот, кто в конечном счете осуществляет над ней контроль. Экономически война на расстоянии куда дешевле традиционной... В связи с ее низкой стоимостью конгресс не будет выдвигать возражений по бюджету против дистанционных войн, которые захочет вести американский военный блок.

Избавившись таким образом от контроля конгресса, американская армия сможет совершенно свободно начинать дистанционные войны именно в тот момент, который сочтет подходящим.

* Наука для народа (*англ.*).

Развязав себе руки, армия (не говоря уже о ЦРУ) сможет повсюду расширять сферу влияния американской империи, силой подавляя всякое внутреннее сопротивление, которое будет считаться противоречащим американским интересам.

Психологические характеристики дистанционной войны будут определять и то, кто будет ей управлять. Дистанционные солдаты будут исчисляться тысячами, а не сотнями тысяч, как солдаты войны воздушной. Дистанционные солдаты никогда не будут сталкиваться с риском быть убитыми в бою...

Характеристики войны на расстоянии могут способствовать ослаблению критиков, выступающих против войны. Ни один американский солдат не будет убит в бою и не попадет в плен. У игрушек нет матерей или жен, которые выйдут протестовать против их смерти. У тех, кто критикует военные расходы или инфляцию, не будет повода для протеста. Благодаря своей убийственной точности, дистанционное оружие не будет наносить вреда окружающей среде. У экологов, протестующих против разрушения окружающей среды, не будет повода для протеста... И так далее. Единственное, против чего можно будет протестовать, — порабощение всех тех людей, которые американские власти называют “коммунистами”, “вьетнамками” или попросту “врагами”. Но, разумеется, для американской армии весь мир — потенциальный враг...

Разница между войной и миром совершенно испарится. Война станет миром.

Тотальная дистанционная война в постоянном режиме станет продолжением давней традиции войны и геноцида, известных из истории человечества. Вся социальная и культурная традиция Америки будет перемолота невиданной машиной геноцида. Различные отрасли американской промышленности будут задействованы в подобном производстве. Весь прогресс американской науки и технологии будет подчинен этой убийственной эффективности...

В дистанционных войнах станет невозможно отличить реальность от иллюзии. Отчуждение и стерильность будут возведены в абсолют. Поцеловав свою жену, попрощавшись с ней и продравшись через пробки на работу, дистанционный воин целый день будет проводить перед монитором в министерстве Мира...

Если гражданин не поддерживает войну, которая ведется против противника в мирное время, то сам станет подрывным элементом. То есть врагом. Следующим этапом будет получение контроля над внутренними делами Империи... Появится министерство Любви»⁵²⁹.

Этим строкам уже сорок лет, но они пугающе актуальны.

Опубликовавший их коллектив авторов тем не менее счел необходимым снабдить их следующими примечаниями:

«Мы решили опубликовать эту статью по двум причинам. Во-первых, она повышает технические знания тех, кто борется против войны. Если мы будем лучше информированы, то наши действия, как мы надеемся, будут более эффективными. Во-вторых, она создает убедительный образ военно-политической мысли, актуальной для тех, кто руководит нашей страной.

Однако мы не разделяем апокалиптических прогнозов и не поддерживаем гипотезу, в соответствии с которой обладатели наиболее совершенных технологий будут иметь подавляющее преимущество.

Мы считаем, что пессимистические и вызывающие растерянность оценки, представленные в этой статье, связаны с отсутствием политической перспективы. Именно поэтому мы хотели представить свой анализ той роли, которую играет технология дистанционной войны в американском Рейхе.

Прежде всего стоит подчеркнуть, что развитие этой технологии связано со слабостью, а не с силой американского капитализма. Оно выражает все больший разрыв системы с населением. Концепция воздушной войны была разработана потому, что американская армия больше не заслуживала доверия. Если она станет реальной, то именно потому, что текущая война, как и все войны, которые в будущем будут вести американские империалисты для установления контроля над миром, больше не кажется политически приемлемой американскому населению. Как и в случае существенных вложений в технологии надзора и социального контроля, которые были реакцией на сопротивление или отсутствие поддержки населения, американская армия была вынуждена найти технологический ответ на политические проблемы...

Технологический прорыв в области все более сложных (и более рентабельных) решений — эндемическая характеристика американского капитализма... Необходимо анализировать эти процессы, очищая их от шелухи идеологических обоснований. Ими движет не “прогресс”, не более высокая эффективность и не все более совершенное удовлетворение потребителей. На заднем плане проступают экспансионистские потребности системы и жажда получения все более высоких доходов. Дистанционная война является приложением этих принципов к иной индустрии — индустрии войны.

Есть и другие моменты этой статьи, которые *требуют* некоторых уточнений.

Прежде всего, маловероятно, что эта новая технология приведет к сокращению “оборонного” бюджета. Вероятнее всего, военные технологии различных поколений будут сосуществовать, как, например, бомбардировщики с ракетами.

Кроме того, остаются проблемы неуязвимости, сверхчеловеческой точности, вззвнания датчиков, установленных на самолеты и подключенных к информационным сетям и т. д. Тем, кого впечатляют подобные заявления, мы рекомендуем вспомнить, в чем нас пытались заверить в прошлом. Существует огромная разница между результатами, полученными в ходе контролируемых испытаний, и условиями реального боя. В большинстве случаев результатами действий США были массивные и неуправляемые разрушения... Представление о “точечном” уничтожении повстанцев оказывается ложным... бомбардировка становится орудием террора. Его главной целью является зачистка деревень от настоящих и потенциальных партизан и уничтожение традиционной социальной среды указанных стран...

Технология *не* является непобедимой. Именно этот миф приводит к бездействию. Он весьма распространен в среде научных работников, являясь проявлением своеобразного интеллектуально-технического шовинизма. Подлинный потенциал социальных изменений состоит не в нем, а в угнетенных народных массах, с которыми мы должны объединиться»⁵³⁰.

528 Hugo Gemsback, “Radio police automaton”, *Science and Invention*, may 1924, vol. 12, n 1, p. 14.

529 “Toys Against the People,

or Remote Warfare”, *Science for the People Magazine* 5, no. 1 (May 1973): 8–10, 37–42.

530 Idid. P. 42.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ФИЛОСОФИЯ ДРОНА: ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ СБОРКИ

Ежели вам глаза суждено скормить воронам,
лучше если убийца — убийца, а не астроном.

Иосиф Бродский

Если верить автору «Теории дрона», то титульный «персонаж» его книги — одно из самых парадоксальных изобретений в известной нам истории человечества. Одновременно воплощение его давней мечты и реинкарнация худшего из кошмаров. Он доводит до логического завершения тенденцию, которой «вдохновлялась» вся история войн, и при этом радикально изменяет наши представления о добре и зле. Откуда такое внимание к техническому устройству, которое, разумеется, играет определенную роль в нашей жизни, но при этом его влияние, в представлении обывателя, пока несопоставимо с цифровыми технологиями или геной инженерией? Грегюар Шамаю дает на него вполне убедительный ответ: дрон является не просто «устройством» или «летательным аппаратом», а наглядным свидетельством «дронизации» не только и не столько техники, сколько социальных и политических отношений.

В чем его парадоксальность? Дрон, если пользоваться привычной для западной традиции лексикой, является «оксюмороном» — сочетанием несочетаемого. Он обеспечивает полную видимость и притом надежно скрывает власть, которая его использует. Он является «совершенным» орудием под контролем человеческих операторов, но недалек тот час, когда он превратится в робота, направляемого искусственным интеллектом. Он нарушает привычные отношения стихий: действуя по большей части в воздухе (хотя ведутся активные разработки подводных, наземных и даже подземных дронов), он изменяет наше представление об ограничениях земной и водной поверхности. Он стирает границы между войной и миром: задуманный как инструмент «вечного мира», он на практике приводит к войне, которая не имеет конца. Боевые дроны представляются их сторонниками как самое «гуманное» оружие, когда-либо созданное человечеством, хотя на официальном языке американских военных они буквально называются unmanned устройствами,

что в данном контексте можно перевести как «рас-человеченные» (см. с. 113). Наконец, дрон становится проблемой для целого ряда наук, делая относительными не только политические и географические, но и дисциплинарные границы.

При этом не стоит сомневаться: перед нами не просто «теория», а именно философия дрона. Разумеется, в книге идет речь о технической генеалогии, антропологии, психопатологии, геополитике, юриспруденции и «военной этике» дрона. Но для всех этих дисциплин дрон настолько проблематичен, что они вынуждены вступать в область неясного и нерешенного, то есть — философствовать. И здесь Шамаю делает единственно верный стратегический выбор: он встречает превосходящего числом и оснащением противника в бутылочном горлышке междисциплинарной двусмысленности. Дрон не решает старые противоречия, а «делает невозможным функционирование имеющихся у нас категорий до такой степени, что делает их непригодными к использованию» (с. 124). Шамаю убедительно демонстрирует, насколько уязвимы позиции сторонников всевозрастающей дронизации общества.

«Теория дрона» является попыткой теоретического синтеза аргументов сторонников и противников использования боевых дронов, хотя она не ограничивается вопросами стратегии, права и военной этики. Именно эта трансверсальная перспектива, если использовать излюбленное выражение французских постструктуралистов, выделяет эту книгу среди многочисленных работ, посвященных дронам.

Разумеется, книга Шамаю была далеко не первой попыткой проанализировать эффект «дронизации» современной войны и современного мира. В 2009 году выходит работа Питера Уоррена Сингера (не путать с австралийским моральным философом Питером Альбертом Дэвидом Сингером) «Wired For War»¹, неожиданно ставшая бестселлером и отправной точкой небольшого издательского бума литературы о дронах в следующем десятилетии. Если один из создателей дрона Predator называл его первый израильский прототип «Моисеем дронов», то Сингера в каком-то смысле можно назвать отцом-основателем «популярной дронологии»². Это не столько теоретическая или философская, сколько футурологическая работа,

которая помещает дроны в более широкий контекст грядущей революции военных технологий. Financial Times назвала «Отправленных на войну» нон-фикшн книгой года, восторженные отзывы на нее высказывали тогда еще братья Вачовски, а руководство всех видов американских вооруженных сил поместило в список рекомендованной литературы.

На начало десятых годов приходится пик мобилизации противников «красы и гордости американского военпрома». Медея Бенжамен, одна из основательниц антивоенного движения Code Pink, публикует своего рода «черную книгу» американских боевых дронов³. С критикой выступают многие влиятельные интеллектуалы: от известного теоретика справедливой войны Майкла Уолцера (взгляды которого подробно разбираются в книге) до патриарха постмарксистской политической философии Этьена Балибара⁴. Адвокаты дронов также не сидят сложа руки: Брэдди Джей Строузер, преподаватель этики в американских военных академиях, выведенный в «Теории дронов» как весьма одиозный персонаж, выпускает сборник статей, посвященных этическим проблемам «дистанционного убийства». Если книга Шамаю является своего рода «суммой» критических аргументов против боевых дронов, то в сборнике под редакцией Строузера⁵ можно найти самые разнообразные доводы в пользу их широкого применения.

«Теория дрона» впервые вышла на французском в 2013 году, в самый разгар «великого спора о дронах». С тех пор она была переведена на множество языков и получила немало хвалебных отзывов⁶. Работа Шамаю не является в чистом виде ни политическим манифестом, ни анализом военно-технических возможностей боевых дронов⁷, хотя уделяет достаточно внимания каждому из аспектов. Он пытается построить свою собственную перспективу «дронизации» современного общества, в которой история наук и технологий сочетается с метаморфозами политических институтов. Шамаю молодой (р. 1976), но уже достаточно плодотворный автор: «Теория дрона» стала его третьей книгой, в которой развиваются темы его предыдущих исследований. Его дебют — «Презренные тела» (2008) — шокирующее описание апологии экспериментов над живыми людьми во имя прогресса науки, с которыми выступали лучшие умы своего времени (от Дидро

до Пастера)⁸. Вторая работа Шамаю — «Виды охоты на человека» (2012)⁹ посвящена появлению нового «секуритарного» диспозитива, позволяющего под предлогом борьбы с терроризмом производить внесудебные расправы или задержания подозреваемых лиц вне зависимости от юрисдикции. Французское выражение «chasse à l'homme» (и аналогичное ему английское «manhunt») изначально является достаточно нейтральной полицейской терминологией и означает погоню или розыск, а точнее — «активную фазу розыскных мероприятий». Однако Шамаю подчеркивает типологическое отличие технологической «охоты на человека» как от войны, так и от полицейских операций прошлого. Наконец, его работа «Неуправляемое общество», вышедшая в 2018 году¹⁰, посвящена генеалогии неолиберальной деконструкции общества всеобщего благосостояния. Одним из характерных для нее процессов, по мнению Шамаю, является дронизация политических отношений.

* * *

Итак, Шамаю настаивает, что техническая эволюция дронов неотделима от их политической генеалогии. Первые «дроны», напоминает он, были всего лишь компактными радиоуправляемыми авиамоделями, которые американская армия использовала в качестве мишеней во время артиллерийских учений. Они не просто издавали специфическое «жужжание» (в английском слово «drone» является ономотопеей), но и, подобно шмелям в живой природе, были символом непостоянства и неподлинности. Уже в середине тридцатых годов американский инженер Владимир Зворыкин задумывается о дистанционно управляемых «летающих торпедах», оснащенных телекамерами и способных выполнять боевые задания. На идею их создания его натолкнули тревожные новости из Японии: Императорская армия задолго до начала Тихоокеанской войны начала подготовку пилотов-смертников. Зворыкин одним из первых оценил военно-технический потенциал эскадрилий камикадзе, которые, по сути, представляли собой первую попытку создания высокоточного оружия и в дальнейшем стали

элементом хорошо продуманной стратегии. Зворыкин, относительно недавно эмигрировавший из революционной России, успел прочно усвоить американские ценности и делал категорический вывод: «мы с трудом можем себе представить, что подобные методы будут внедрены в нашей стране», поэтому «мы должны использовать наше техническое превосходство, чтобы решить эту проблему» (с. 98). Для достижения схожего эффекта один из изобретателей телевидения предлагал установить камеры на дистанционно управляемые «воздушные торпеды». Таким образом, в межвоенную эпоху появляется первая формулировка того, что в дальнейшем ляжет в основу идеологии американского демократического мессианизма. По утверждению Шамаю, это противопоставление по-прежнему актуально:

Сегодня мы снова сталкиваемся с этим антагонизмом между камикадзе и дистанционным управлением. Атаки смертников против атак призраков. Это противоположность прежде всего экономическая. Она противопоставляет тех, кто располагает капиталом и технологиями, тем, у кого для сражения нет ничего, кроме собственного тела. Двум этим материальным и тактическим порядкам соответствуют два порядка этических — этика героического самопожертвования, с одной стороны, этика жизнеутверждающего самосохранения — с другой (с. 99).

Вопреки доводам современных апологетов дронов, Шамаю показывает, что они являются не просто противоположностью террористов-смертников, а в некотором смысле их «звездой-близнецом». Но если самурай без колебаний выбирал кратчайший путь к смерти, то боевые дроны растягивают его до бесконечности.

Как это часто бывает в истории техники, проект от его практической реализации отделяет значительный срок. Техничко-тактическая генеалогия боевых дронов вкратце такова: довоенные проекты «радиоуправляемых самолетов» и «летающих торпед» не получают развития, о беспилотных устройствах вспоминают во время Вьетнамской войны, когда возникает необходимость создавать ложные мишени для советских ракет «земля-воздух». После ее окончания программу вновь закрывают, но несколько

образцов достается израильским военным, которые разрабатывают прототип того, что может считаться современным дроном. Израильская армия успешно использует дроны во время Ливанской войны как в качестве отвлекающих мишеней для сирийских ПВО, так и для разведки. ВВС США, с содроганием вспоминая об огромных потерях авиации во Вьетнаме, запускает программу разработки дронов-разведчиков, которые хорошо проявляют себя во время натовской интервенции в Косово. Незадолго до вторжения в Афганистан высказывается идея оснастить их противотанковой ракетой Hellfire. Именно в этот момент, замечает Шамаю, Predator становится в полном смысле «хищником»: боевые дроны «взмывают над полем боя».

Постепенно дрон становится «оружием мечты» — идеальным орудием экспансии «демократического милитаризма» нового типа. Его апологеты разворачивают целую кампанию для того, чтобы сделать боевой дрон «краеугольным камнем американской стратегии». Таким образом, использование дронов — «охотников-убийц» не ограничивается тактическим и оперативным уровнем, а определяет глобальную стратегию. Впрочем, как показывает Шамаю — и это один из главных тезисов книги, — дронизация является не просто военной, но и политической, юридической, экономической и даже, если можно так выразиться, антропологической стратегией.

Адвокаты дрона используют разнообразные стратегии защиты, лучшая из которых — наступление. Дрон, говорят они, исключительно точное оружие, сопутствующие потери от его применения минимальны, по этой причине он является оружием «гуманным». Он позволяет воевать без потерь в своем лагере и даже без объявления войны. Он максимально мобилен, а потому эффективен в борьбе с негосударственными образованиями и партизанскими отрядами. Он значительно дешевле классической авиации и крылатых ракет, не говоря уже о наземных операциях. Наконец, пилоты дронов не являются хладнокровными убийцами, уничтожающими противника на расстоянии без малейшего риска, они переживают сильнейший эмоциональный стресс и должны считаться настоящими солдатами. Одним словом, дрон — идеальное оружие для лидеров демократических стран, ограниченных при принятии решений

как политически (население западных стран не приемлет высоких потерь и негативно относится к открытым вторжениям), так и экономически (военный бюджет требуется согласовать с парламентами). Технический прогресс против фанатизма, гуманизм против варварства. Выбирай ювелирную точность, выбирай превентивные удары, выбирай мобильность и гибкость, выбирай войну без потерь. Выбирай жизнь.

Шамаю проводит настоящее эрратологическое исследование этой аргументации, последовательно указывая на категориальные ошибки, классические софизмы, подмену понятий и типично «иезуитское оправдание» средств за счет целей. При этом «Теория дрона» ни в коем случае не сводится к «метафизическим прениям» — книга прекрасно документирована и принципиально передает прямую речь действующих лиц. Минимизация сопутствующих потерь оказывается весьма отдаленной перспективной, «гуманное оружие» в процентном отношении уничтожает больше нонкомбатантов, чем «классическая» авиация и артиллерия. Дрон сохраняет именно «наши» жизни, а не жизни гражданского населения («освобождаемых» стран, хотя их страдания являются главным оправданием «гуманитарных интервенций»). Атаки при помощи дронов противоречат постулатам классической антиповстанческой стратегии, которая предполагала завоевание «умов и сердец» населения, озлобляя его и «бросая в объятия» радикальных группировок. В представлении местного населения она является продолжением старой колониальной стратегии, что подтверждает анализ опыта Британской империи и Франции. Предполагаемая дешевизна дистанционной войны, по всем законам рынка, стимулирует спрос, то есть заставляет правительство покупать все больше БПЛА. Видимое отсутствие риска и радикальное сокращение репутационных издержек снижают порог принятия решений о начале «маленьких» и, предположительно, победоносных войн, что в итоге приводит к сражениям на всех фронтах одновременно. Наконец, психологи не фиксируют у пилотов дронов типичных симптомов PTSD — «посттравматического стрессового расстройства», столь типичного для «классических» участников боевых действий. Как резюмирует Шамаю, раздутая армейскими пресс-службами тема «перезживаний» пилотов дронов, которым приходится

убивать, не подвергая себя риску, является в буквальном смысле «крокодиловой слезой». Которая, как известно, необходима этим рептилиям, «чтобы лучше переварить свою жертву» (с. 122).

Сто лет назад страдания солдат, одновременно являвшихся акторами вооруженного насилия и его жертвами, их умышленное «расчеловечивание» и «брутализация» были в центре пацифистского и феминистского дискурсов. Сегодня, как показывает Шамаю, они используются для убеждения общественности в том, что операторы дронов — не палачи и хладнокровные убийцы, а такие же солдаты, что и их «товарищи» на поле боя. Что за семантический, перцептивный и аксиологический сдвиг необходим, чтобы «общественность» поверила в это в условиях, когда «Война, какой бы асимметричной она ни была раньше, становится абсолютно односторонней. То, что ранее казалось войной, превращается в кампанию по истреблению» (с. 18). Необходима, утверждает Шамаю, ни больше ни меньше «переоценка всех ценностей», но не в нищеанском, а в ровно противоположном смысле. «Старый идол» риска и героического самопожертвования заменят стерильные категории «элиминации», «смертельных кубов» и аномического поведения. Грязную работу закончит армейский оруэлловский новояз: «трусость — это храбрость», «жестокость — это гуманность», «сиюминутный эффект — это стратегия».

Возможно, задается вопросом Шамаю, спровоцированный использованием боевых дронов «кризис военного этоса» вообще не имеет прямого отношения к войне в традиционном понимании и является всего лишь «чудовищным злоупотреблением языком»? Чем в таком случае являются атаки при помощи дронов? Разновидностью law-enforcement — правового принуждения? Но оно ограничено куда более жесткими правовыми рамками: дроны не производят арестов и не зачитывают подозреваемым их права. Охотой? Орудием «государственного терроризма»? Спецоперацией? Осуществлением легитимного права государства на самооборону? Именно так оценивает Израиль свою программу «целевых убийств», но, как показывает Шамаю, израильские «танато-тактики»¹¹ отличаются от глобальной «танато-стратегии», которую разрабатывают эксперты, работающие на армию США. Уже сегодня большая часть ударов не базируется

на разведданных в классическом смысле и не связана с идентификацией конкретных лиц, это так называемые удары по «сигнатуре». Если поведение определенной группы лиц кажется подозрительной экспертам, анализирующим видео с дронов, в сочетании с их активностью в сетях и звонками, они могут превратиться в «легитимные мишени» ударов с воздуха. Самое главное, теперь они лишены конкретной географической привязки: так называемые kill box — «кубы смерти» или зоны свободного огня — могут быть установлены где угодно. Когда война превращается в охоту по всему миру, враг становится добычей, которая «везде носит с собой компактный и подвижный ореол зоны личной враждебности» (с. 65). Дрон в определенном смысле упраздняет само понятие «боя» и «комбатанта», делая бессмысленным традиционный принцип «избирательности» вооруженного насилия. Из чего вполне логично следует, что государственный суверенитет перестает быть фундаментальной категорией международного права. Не допускающие «королевской охоты» на своей территории государства делятся на «провалившиеся» (в случае их неспособности противостоять «террористам») и государства-сообщники (укрывающие их на своей территории).

Было бы наивно полагать, что столь мощный «техничко-тактический» диспозитив останется исключительно орудием «гибридных войн» в странах третьего мира. В определенном смысле главный вопрос «Теории дрона» состоит в том, что меняет всевозрастающая «дронизация» в отношении собственных граждан со стороны государств, которые принято называть демократическими. Во-первых, предполагаемая неуязвимость (или крайняя степень асимметрии) армий вторжения западных стран уже привела к тому, что «поле боя» переносится на их территорию, не говоря уже о том, что многие участники «вражеских сетей» являются их собственными гражданами. Поэтому само нахождение подозреваемых или «потенциально опасных лиц на их территории не исключает установления временного куба смерти в Париже или Лондоне¹². Во-вторых, классический паноптизм дисциплинарных обществ, описанный Фуко¹³, требовал дорогостоящих архитектурных решений, тогда как дронизированный паноптизм, куда больше заслуживающий этого имени, при довольно ограниченных расходах позволит следить как за любым участком

пространства, так и за отдельными лицами в режиме 24 часов в сутки. Он будет вписан в новый правовой режим, когда любое «аномальное» поведение можно будет фиксировать подобно нарушениям правил дорожного движения¹⁴, при этом нанодроны нового поколения будут выполнять функцию «судебных секретарей». История дрона, напоминает Шамаю, это «история глаза, ставшего оружием» (с. 16). Уже поставлены на крыло первые образцы полицейских дронов, оснащенные (пока) нелетальным оружием. При этом объем накопленной информации уже сегодня невозможно ни хранить, ни обрабатывать при помощи человеческих операторов, эти функции неизбежно будут автоматизированы и в будущем переданы искусственному интеллекту¹⁵.

Который, воскрешая в памяти все научно-фантастические дистопии о восстании машин, вскоре может получить в свое распоряжение армию безупречно «этичных» летальных роботов.

В политическом смысле боевые дроны призваны решить классическую проблему так называемого протекционистского суверенитета, принципы которого сформулированы еще Гоббсом.

Суверен защищает жизнь граждан и их имущество в мирное время, одновременно требуя ими пожертвовать, когда существованию самого государства угрожает опасность. Современный «либерально-секуритарный» суверен с его демонстративным отказом от «этики героического самопожертвования» не может требовать того же, не впадая в противоречие. Ответом на него становится дрон: «Умереть за Родину — это было прекрасно, но еще прекраснее убивать за нее, тем более что теперь она избавляет нас от необходимости платить за это высокую цену» (с. 114). Но обязанность граждан подвергать свою жизнь риску приводила к тому, что в республиках, как показывал Кант, решение о начале войны принималось принципиально иначе, чем в абсолютных монархиях, и было важным сдерживающим фактором кровопролития. В ситуации, когда «умирают только враги», вопрос начала асимметричных войн в некотором смысле перестает быть политическим. «Налог на кровь», введенный в условиях мировых войн и борьбы империй, в соответствии с классической формулой, давал гражданам право на представительство в вопросах его использования. С отменой всеобщей мобилизации и дронизацией вооруженных сил граждане больше

не обязаны его платить. Но вместе с этим они теряют свое право голоса и превращаются в подданных «государства-дрона», который больше не нуждается в их «презренных телах» для собственной защиты.

* * *

Автора «Теории дрона» можно было бы упрекнуть во всеядности (столь не свойственной французским социальным мыслителям) и желании объять необъятное, если бы этот масштабный теоретический срез не был концептуальным «обнажением приема». Шамаю видит свою цель в предоставлении «дискурсивных инструментов» в распоряжение тех, кто хочет противостоять политике дронизации современного общества.

Предложенные им темы можно развивать в самых разных направлениях, в том числе в критическом ключе. Так, за шесть лет, прошедших с момента первой публикации книги, стало вполне очевидно, что американские боевые дроны скоро перестанут быть эксклюзивным оружием западных стран и едва ли могут быть использованы против сильного противника без «традиционных» видов вооружения¹⁶. Наконец, во время работы над русским переводом данной книги американские ударные дроны торжественно вошли в большую политику вместе с заявлением МИД РФ о том, что их использование является нарушением договора о ДРСМД¹⁷.

Важно помнить, что намеченные Шамаю векторы дронизации общества являются лишь одним из возможных сценариев будущего. Один из наиболее важных политических выводов «Теории дрона» состоит в том, что процесс «автоматизации» не является автоматическим». Возможно, «государство-дрон» является идеалом технократического крыла неолиберальной мысли, но для того, чтобы его построить, по-прежнему требуются «презренные тела» граждан и их политическая воля. А ей всегда можно найти самое разное применение, ведь, как завещали нам борцы с тиранией машин из будущего: «The future is not set, this is not faith but what we made ourselves»¹⁸.

- 1 Что можно перевести на русский примерно как «Подключенные к войне»: Singer Peter W. *Wired For War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century*. New York: Penguin, 2009.
- 2 Более ранние попытки философского осмысления феномена дистанционной войны можно найти в работах Поля Вирильо (Virilio Paul. *Guerre et cinéma I — Logistique de la perception*, Paris: Ed. de l'Etoile, 1984) или Эммануэля Деланда (Delanda Emmanuel. *War in the Age of Intelligent Machines*, New York: Zone Books, 1991).
- 3 Benjamin Medea. *Drone Warfare: Killing by Remote Control*, New York: OR Books, 2012.
- 4 См.: https://www.liberation.fr/debats/2015/11/16/sommes-nous-en-guerre_1413920
- 5 Strawser Bradley Jay (ed.). *Killing by Remote Control: The Ethics of an Unmanned Military*, New York: Oxford University Press, 2013.
- 6 См., например, отзыв Латура: Latour Bruno. *Face à Gaïa*. Paris: La Découverte, 2015. P. 322.
- 7 О технических аспектах см. новейшую работу: Scharre Paul. *Army of None: Autonomous Weapons and the Future of War*, New York: W. W. Norton & Company, 2018.
- 8 Chamayou Grégoire. *Corps Vils*. Paris: La Découverte, 2008. Именно в этом смысле стоит понимать фразу об удалении «презренных тел» из копита дистанционно управляемых устройств (с. 22).
- 9 Chamayou Grégoire. *Chasses à l'homme*, Paris: La Fabrique, 2013.
- 10 Chamayou Grégoire. *Société ingouvernable*, Paris: La fabrique, 2018.
- 11 Этому вопросу посвящены работы Эяля Вайцмана, см. библиографию.
- 12 Ср. резонанс, вызванный предполагаемой утечкой с заседания по безопасности, во время которого Хиллари Клинтон, на тот момент госсекретарь США, якобы интересовалась у подчиненных, нельзя ли при помощи дрона ликвидировать основателя «Викиликс» Джулиана Ассанджа. О характерной истории этой «цитаты-зомби» см.: <http://nymag.com/intelligencer/2016/10/no-clinton-didnt-say-she-wanted-to-drone-strike-assange.html>
- 13 См.: Фуко М. *Надзирать и наказывать / пер с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой*. М.: Ад Маргинем, 2019.
- 14 Ее прообразом многие аналитики считают внедряемую в Китае «систему социальных кредитов», к которой уже начинают присматриваться правительства западных стран. См.: <https://www.handelsblatt.com/today/politics/big-data-vs-big-brother-germany-edges-toward-chinese-style-rating-of-citizens/23581140.html?ticket=ST-1183340-THbscs64aXSs62H09ZGy-ap5>
- 15 При этом весь процесс принятия решений человеческими операторами дронов, находящимися в некоем подобии виртуальной реальности,

принципиально изменяется. Для его анализа Шамаю предлагает концепт «прагматического соприсутствия», см. прим. 10 к главе «Убивать на расстоянии». См. также: Bousquet Antoine. *The Eye of War The Military Perception from the Telescope to the Drone*, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018.

16 Об ограниченности территории «охоты на человека» см. критические замечания Хью Гастерсона: Gusterson Hugh. *Drone: Remote Control Warfare*, London: MIT Press, 2015. P. 147–148.

17 При этом, по сообщениям официальных лиц, впервые подобные претензии были высказаны в 2001 году:

«Важно понимать, что мы долгие годы проявляли беспрецедентное терпение в отношении очевидных нарушений ДРСМД со стороны США. В частности, проблемные вопросы, связанные с американскими ракетами-мишенями и ударными беспилотниками, мы впервые обозначили перед США еще в 1999 и 2001 годах». http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3562299

18 «Будущее не определено. Нет судьбы, кроме той, что мы творим сами» (*англ.*). — Цитата из фильма Джемса Кэмерона «Терминатор 2. Судный день». — *Примеч. ред.*

Грегуар Шамаю

Теория дрона

Издатели:

Александр Иванов, Михаил Котомин

Выпускающий редактор:

Анастасия Алексеева

Корректор: Любовь Федецкая

Дизайн: Кирилл Благодатских,

Анна Наумова

Все новости издательства

Ad Marginem на сайте:

www.admarginem.ru

По вопросам оптовой закупки

книг издательства Ad Marginem

обращайтесь по телефону:

+7 (499) 265-07-44

или пишите: sales@admarginem.ru

ООО «Ад Маргинем Пресс»,

резидент ЦТИ «Фабрика»

105082, Москва,

Переведеновский пер., д. 18

тел.: +7 (499) 763-35-95

info@admarginem.ru

Отпечатано в соответствии

с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт»,

170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1,

комплекс № 3А,

www.pareto-print.ru

Заказ № 0779/20

